

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ

Маленькие женщины Хорошие жены

Классика (Эксмо)

Луиза Мэй Олкотт

**Маленькие женщины.
Хорошие жены**

«ЭКСМО»

1868, 1880

УДК 821.111.31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Маленькие женщины. Хорошие жены / Л. Олкотт — «Эксмо»,
1868, 1880 — (Классика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-168518-8

Всемирно известный роман "Маленькие женщины" и его продолжение "Хорошие жены". Трогательная история о взрослении четырех сестер. Романы принесли автору небывалую славу, коммерческий успех и любовь читателей. Проблемы, с которыми сталкиваются девушки, актуальны как никогда: первая любовь, горькое разочарование, томительная разлука и непростые поиски себя и своего места в жизни. Героини очень разные и неповторимые. Они сообща справляются с трудностями, испытывают радости, мечтают о будущем. Последняя экранизация Греты Гервиг 2019 года со звездами мирового масштаба в главных ролях (Эмма Уотсон, Мэрил Стрип, Сирша Ронан) покорила сердца зрителей и кинокритиков, а также была номинирована на "Оскар" в 6 категориях и получила награду за "Лучший дизайн костюмов".

УДК 821.111.31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-168518-8

© Олкотт Л., 1868, 1880

© Эксмо, 1868, 1880

Содержание

Маленькие женщины	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	50
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	73
Глава 11	81
Глава 12	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Луиза Мэй Олкотт
Маленькие женщины. Хорошие жены

© Матвеева А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Маленькие женщины

*Иди же, книжица моя; и тем открой,
Кто с радостью проникнется тобой,
Весть, что скрываешь ты в своей груди,
Благую, наставляя на пути
Всех пилигримов, чтобы им пройти
Его достойней, чем сумели я и ты.
Поведай им о Милости, она
Всех раньше в путь отправилась одна,
Полезно юным девам знать о ней
И мире, что их ждёт, и стать мудрей.
Их озарит святой Господень свет
На тропах, где святой оставлен след ¹.*

Из Джона Баньяна

¹ Перевод В. Чарного.

Глава 1

Игра в пилигримов

– Какое же это Рождество без подарков, – проворчала Джо, лёжа на ковре.

– Как ужасно быть бедной! – вздохнула Мэг, опустив взгляд на своё старое платье.

– Я думаю, несправедливо, что у одних девочек так много красивых вещей, а у других вообще ничего нет, – добавила маленькая Эми, оскорблённо фыркнув.

– У нас есть папа и мама, и друг у друга есть мы, – с удовлетворением сказала Бет, сидя в своём углу.

Четыре юных лица в свете камина просияли от этих ободряющих слов, но снова помрачнели, когда Джо печально сказала:

– Папы у нас нет и не будет ещё долго. – Она не сказала «возможно, никогда», но все про себя добавили это, думая о том, что отец далеко, там, где шла война.

С минуту все молчали; тогда Мэг сказала совсем другим тоном:

– Вы знаете, что мама предложила не дарить ей никаких подарков на это Рождество, потому что это будет тяжёлая зима для всех; и она думает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчины так страдают на войне. Мы немного можем сделать, но мы можем принести свои маленькие жертвы и должны сделать это с радостью. Но я боюсь, что не смогу. – И Мэг покачала головой, так как она с сожалением подумала обо всех красивых вещах, которые она хотела.

– Но я не думаю, что то небольшое, что мы должны потратить, может принести какую-то пользу. У каждой из нас есть по доллару, и солдатам вряд ли поможет то, что мы пожертвуем им свои деньги. Я согласна не ждать подарков ни от мамы, ни от вас, но я очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так давно хотела эту книгу, – сказала Джо, которая была книжным червём.

– Я планировала потратить свой доллар на новые ноты, – сказала Бет с легким вздохом, которого никто не слышал, кроме каминной щётки и прихватки для чайника.

– Я куплю красивую коробку с карандашами Фабер. Они мне очень нужны, – решительно сказала Эми.

– Мама ничего не говорила о наших деньгах, и она не хочет, чтобы мы во всём себе отказывали. Пусть каждая из нас купит то, что хочет, и мы все доставим себе немного радости. Уверена, мы достаточно много работаем, чтобы это заслужить, – воскликнула Джо, по-мужски разглядывая каблуки своих туфель.

– Я знаю, что заслуживаю, обучая этих надоедливых детей целыми днями, хотя не терпится отдыхать дома, – снова начала Мэг жалобным тоном.

– У вас нет и половины таких проблем, как у меня, – сказала Джо. – Как бы вам это понравилось, если бы вас часами держали взаперти с нервной сварливой старухой, которая не даёт вам покоя, всегда недовольна и донимает вас так, что хочется выброситься в окошко или заплакать?

– Нехорошо жаловаться, но я думаю, что нет хуже работы, чем мыть посуду и поддерживать порядок в доме. Терпеть этого не могу, и руки как деревянные – не могу нормально играть на пианино. – И Бет посмотрела на свои мозолистые руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

– Не думаю, что кто-нибудь из вас страдает так же, как я, – воскликнула Эми, – ведь вам не нужно ходить в школу с нахальными девчонками, которые издеваются над вами, когда вы не выучили уроки, и смеются над вашими платьями, и *клеят этикетки* на вашего отца, потому что он небогат, и оскорбляют вас, если ваш нос не слишком хорош.

– Если ты имеешь в виду «клеят позором», то я бы согласилась, но не говори об этикетках, папа же не банка с огурцами, – смеясь, предложила Джо.

– Я прекрасно знаю, что имею в виду, и не смей надо мной насмехаться. Лучше сама правильно употребляй слова и улучшай свой лексикон, – с достоинством парировала Эми.

– Не ругайтесь, девочки. Джо, неужели ты не хотела бы, чтобы папа не лишился денег тогда, когда мы были маленькими? О боже! Какими бы мы были счастливыми и как нам было бы хорошо, если бы у нас не было забот! – сказала старшая сестра Мэг, которая ещё помнила лучшие времена.

– Ты сказала на днях, что считаешь нас гораздо счастливее детей Кингов, потому что они постоянно ссорятся и задираются, хотя они и богаты.

– Да, я правда так говорила, Бет. Ну, я считаю, что так и есть. Потому что, хотя мы и вынуждены работать, мы постоянно дурачимся, и мы довольно развесёлая компания, как сказала бы Джо.

– Джо слишком много ругается! – заметила Эми, с упрёком посмотрев на длинную фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тут же села, положила руки в карманы и начала насвистывать.

– Не надо так делать, Джо. Это выглядит по-мальчишески!

– Вот потому я это и делаю.

– Я не выношу грубых, неженственных девочек!

– Ненавижу манерных, жеманных глупышек!

– Птички в своих гнёздышках живут мирно, – пропела миротворица Бет с таким умо- рительным выражением лица, что резкий тон девочек смягчился от смеха, а «пикировка» на время прекратилась.

– Правда, девочки, вы обе виноваты, – сказала Мэг, начав читать нотации в своей манере старшей сестры. – Ты уже взрослая, пора бы оставить мальчишеские шалости и вести себя как подобает, Джозефина. Когда ты была маленькой девочкой, это не было так важно, но теперь, когда ты так выросла и убираешь волосы в пучок, тебе надо помнить, что ты юная леди.

– Я не такая! И если из-за своей причёски я кажусь юной леди, то я буду носить хвостики, пока мне не исполнится двадцать, – воскликнула Джо, снимая с волос сетку и встряхивая своей каштановой гривой. – Мне тошно думать, что я должна вырасти и стать мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной, как китайская астра! Хватит и того, что я родилась девочкой, хотя я люблю играть с мальчиками, работать и вести себя так же, как они! И почему я не мальчик? А сейчас всё хуже, чем когда-либо, потому что я очень хочу пойти воевать вместе с папой. А всё, что я могу, – это оставаться дома и вязать, как убогая старуха!

И Джо стала трясти синим армейским носком так, что спицы загремели, как кастаньеты, а клубок запрыгал по всей комнате.

– Бедная Джо! Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придётся тебе довольствоваться тем, что ты превратила своё имя в мужское и играешь роль брата перед нами, девочками, – сказала Бет, приглаживая взъерошенные волосы Джо рукой, прикосновение которой не могло бы сделать грубым никакое мытьё посуды или вытирание пыли.

– Что касается тебя, Эми, – продолжила Мэг, – ты слишком привередлива и чопорна. Твоё важничанье сейчас выглядит смешным, но ты можешь вырасти жеманной маленькой гусыней, если не обратишь на это внимание. Мне нравятся твои хорошие манеры и изысканная речь, когда ты не стараешься казаться элегантной. Но твои нелепые выражения так же неуместны, как и словечки Джо.

– Если Джо – девчонка-сорванец, а Эми – гусыня, то кто же тогда я, скажи, пожалуйста? – спросила Бет, готовая выслушать нотацию.

– Ты прелесть и больше ничего, – ответила Мэг с теплотой, и никто не стал с ней спорить, потому что Мышка, как её называли дома, была любимицей всей семьи.

Так как юные читатели всегда интересуются, как выглядят персонажи, мы воспользуемся этим моментом, чтобы набросать для них небольшой эскиз четырёх сестёр, которые были заняты вязанием в сумерках, пока за окном тихо падал декабрьский снег, а в камине весело потрескивал огонь. Комната была уютной, хотя ковёр вытерся, а мебель была очень простой: несколько неплохих картин висело на стенах, книги заполняли полки в нишах вокруг окон, хризантемы и пуансетии цвели на подоконниках, и уютная атмосфера гармонии наполняла дом.

Маргарет, старшей из четырёх, было шестнадцать, она была очень симпатичной, пухленькой и спокойной, с большими глазами, густыми мягкими каштановыми волосами, милым ротиком и белыми руками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо была очень высокой, худой и смуглой и напоминала жеребёнка, потому что она, казалось, никогда не знала, куда пристроить свои длинные конечности, которые ей очень мешали. У неё были чётко очерченные губы, комичный нос и острые серые глаза, которые, казалось, всё замечали и были то сердитыми, то странными, то задумчивыми. Длинные густые волосы были её единственной привлекательной чертой, но обычно она убирала их в пучок и накрывала сеткой, чтобы они ей не мешали. Джо сутулилась, у неё были крупные кисти рук и ступни, и беглого взгляда на её одежду было достаточно, чтобы убедиться, как некомфортно было девочке от того, что она стремительно превращалась в женщину, и как сильно ей это не нравилось. Элизабет, или Бет, как все её называли, была румяной светлоглазой девочкой тринадцати лет, с гладкими волосами, с застенчивыми манерами, робким голосом и выражением спокойствия на лице, которое редко чем-то нарушалось. Отец называл её «Маленькая Мисс Безмятежность», и это прозвище идеально ей подходило, потому что она, казалось, жила в своём собственном счастливом мирке, лишь иногда отваживаясь покидать его, чтобы встретиться с теми немногими, кому она доверяла и кого по-настоящему любила. Эми, младшая сестра, была самой важной персоной, по крайней мере по её личному мнению. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и вьющимися на концах светлыми волосами до плеч, бледная и стройная и всегда держащая себя как барышня, не забывающая о своих манерах. Описание же характеров четырёх сестёр мы прибережём на потом.

Часы пробили шесть, и, выметая золу из камина, Бет поставила к огню пару домашних туфель, чтобы их согреть. Каким-то образом вид старой обуви хорошо подействовал на девочек, потому что мама должна была скоро прийти, и они желали скорее её встретить. Мэг перестала читать нотации и зажгла лампу, Эми встала с кресла, хотя её об этом никто не просил, а Джо забыла, как сильно она устала, сев и подвинув туфли поближе к огню.

– Они довольно поношенные. Нужно купить мамочке новые.

– Я подумывала купить ей новые туфли за свой доллар, – сказала Бет.

– Нет, я куплю! – воскликнула Эми.

– Я старшая, – начала Мэг, но Джо решительно вмешалась:

– Я теперь мужчина в семье, пока папы нет дома, и я куплю ей туфли, потому что он велел мне заботиться о ней, пока он не вернётся.

– Я скажу вам, как мы поступим, – сказала Бет, – давайте каждая подарит маме что-нибудь на Рождество, а себе мы покупать ничего не будем.

– Это так похоже на тебя, дорогая! А что же мы ей подарим? – воскликнула Джо.

Все на минуту глубоко задумались, а потом Мэг объявила о своём решении, словно эта идея была подсказана ей видом её собственных симпатичных рук:

– Я подарю ей пару хороших перчаток.

– Армейские ботинки, что может быть лучше, – воскликнула Джо.

– Несколько носовых платков с подрубленными краями, – сказала Бет.

– Я куплю флакончик духов. Ей они нравятся и стоят недорого, так что у меня останется немного денег, чтобы купить себе карандаши, – добавила Эми.

– А как же мы вручим ей все эти подарки? – спросила Мэг.

– Положим их на стол, приведём её и будем смотреть, как она открывает свёртки. Разве вы не помните, мы так делали в дни нашего рождения? – ответила Джо.

– Я так испугалась, когда подошла моя очередь сидеть в кресле в короне и смотреть, как вы все подходите, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне понравились подарки и поцелуи, но было так страшно, когда вы сидели и смотрели на меня, пока я открывала свёртки, – сказала Бет, в то время как огонь одновременно поджаривал её щеки и гренки к чаю.

– Пусть мамочка думает, что мы покупаем подарки себе, а затем мы устроим ей сюрприз. Мы должны пойти по магазинам завтра после обеда, Мэг. Нам ещё так много надо подготовить для спектакля в Рождественскую ночь, – сказала Джо, горделиво расхаживая туда-сюда, сцепив руки у себя за спиной.

– Я последний раз участвую в таком спектакле. Я слишком взрослая для подобных вещей, – заметила Мэг, которая была сущим ребёнком во всём, что касалось шалостей с «переодеванием».

– Ты не прекратишь этим заниматься, уж я-то знаю, пока у тебя есть возможность разгуливать в белом одеянии, с распущенными волосами и носить украшения из золотой бумаги. Ты лучшая актриса из всех нас, и нашему театру придёт конец, если ты покинешь сцену, – сказала Джо. – Нам нужно провести репетицию прямо сейчас. Иди сюда, Эми, и повтори сцену с обмороком, потому что ты играешь в ней так загато, будто аршин проглотила.

– Ничего не могу с этим поделать. Я никогда не видела, как падают в обморок, и я не хочу вся покрыться синяками, рухнув плашмя, как ты. Если у меня получится упасть естественно, я так и сделаю. Если я не смогу, то опущусь в кресло, и это будет выглядеть изящно. Мне всё равно, даже если Гуго будет наставлять на меня пистолет, – возразила Эми, которая была лишена драматического таланта, но её выбрали на эту роль потому, что она была достаточно маленькой, чтобы злодей из пьесы мог унести её, пронзительно вопящую, за кулисы.

– Сделай вот как. Сожми руки так и отступай, пошатываясь и неистово крича: «Родриго, спаси меня! Спаси меня!» – И Джо удалилась с мелодраматическим криком, который был поистине душераздирающим.

Эми повторила за ней, но вытянула прямые руки так скованно и рванулась вперёд, как машина, а её «О!» больше было похоже на то, что её укололи булавкой, чем на страх и терзания. Джо отчаянно застонала, а Мэг смеялась во весь голос, в то время как у Бет подгорали гренки, пока она с интересом смотрела на эту смешную сцену.

– Это бесполезно! Постарайся сделать всё возможное, когда придёт время, но, если зрители будут смеяться, не вини в этом меня. Продолжай, Мэг.

Дальше всё шло гладко, так как дон Педро бросил вызов миру в речи на две страницы без единого перерыва. Ведьма Хейгар произнесла ужасное заклинание над своим кипящим котелком с жабами, что произвело роковой эффект. Родриго мужественно разорвал свои цепи, а Гуго умер от угрызений совести и мышьяка с иступлённым: «Ха! Ха!»

– Это лучшее из всего, что мы ставили, – сказала Мэг, когда погибший злодей сел и потёр локти.

– Не понимаю, как ты можешь так играть и писать такие великолепные пьесы, Джо, ты просто Шекспир! – воскликнула Бет, которая была твёрдо убеждена, что её сестры талантливы абсолютно во всём.

– Не совсем, – скромно ответила Джо. – Но я правда считаю, что «Проклятие ведьмы», оперная трагедия, – довольно неплохая вещица, хотя я хотела бы попробовать поставить «Макбета», если бы у нас был люк для призрака Банко. Мне всегда хотелось сыграть роль убийцы. «Откуда ты, кинжал, возникший в воздухе передо мною?»² – пробормотала Джо, вращая гла-

² «Макбет». Перевод Б. Пастернака. (Здесь и далее прим. ред.)

зами и хватая воздух, как это делал на сцене один знаменитый трагик, которого она видела в театре.

– Нет, это вилка для гренок, а на ней вместо хлеба мамина туфля. Бет слишком увлеклась театром! – воскликнула Мэг, и репетиция окончилась всеобщим взрывом смеха.

– Рада видеть вас такими весёлыми, девочки мои, – раздался звонкий голос у двери, и актёры и зрители повернулись, чтобы поприветствовать высокую даму с выражением материнской заботы на лице, которое всегда как будто спрашивало: «Чем я могу вам помочь?» – и которое было поистине восхитительным. Она не была роскошно одета, но выглядела благородно, и девочки думали, что серый плащ и немодная шляпка скрывают самую великолепную маму в мире.

– Ну, дорогие мои, как вы сегодня провели время? Я так долго возилась, готовя посылки к завтрашней отправке, и не смогла прийти домой пообедать. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твой насморк, Мэг? Ты выглядишь смертельно усталой, Джо. Иди сюда и поцелуй меня, детка.

Задавая эти материнские вопросы, миссис Марч сняла с себя мокрую одежду, надела тёплые домашние туфли и села в мягкое кресло, притянула Эми к себе и приготовилась наслаждаться самым счастливым часом в конце напряжённого дня. Девушки порхали по дому, стараясь создать уют, каждая по-своему. Мэг накрыла чайный столик, Джо принесла дрова и расставила стулья, роняя и с грохотом переворачивая всё, к чему прикасалась. Бет тихо и хлопотливо сутилась между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все они собрались у стола, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть для вас кое-что на десерт.

Лучезарная улыбка мелькнула на лицах, как вспышка солнечного света. Бет захлопала в ладоши, забыв о печенье, которое держала в руке, а Джо подбросила вверх салфетку, воскликнув:

– Письмо! Письмо! Папе – троекратное ура!

– Да, прекрасное длинное письмо. Он здоров и считает, что сможет пережить холода лучше, чем мы думали. Он передаёт наилучшие пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, – сказала миссис Марч, похлопывая по карману так, будто у неё там было сокровище.

– Быстрее доедаем! Хватит отгибать мизинец и жеманиться над тарелкой, Эми, – воскликнула Джо, захлебываясь чаем и роняя хлеб сливочным маслом вниз на ковёр, в нетерпении поскорее приступить к десерту.

Бет больше ничего не ела и ускользнула в свой тёмный уголок ожидать остальных, размышляя о предстоящем удовольствии.

– Я думаю, как замечательно, что отец пошёл на фронт капелланом, потому что он уже старше призывного возраста и недостаточно здоров, чтобы быть солдатом, – с теплотой сказала Мэг.

– А я хочу быть барабанщиком или *vivan*³... – как его там? Или медсестрой, чтобы быть рядом с папой и помогать ему! – воскликнула Джо со вздохом.

– Должно быть, очень неудобно спать в палатке, и есть всякую невкусную еду, и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

– Когда он вернётся домой, мама? – спросила Бет с небольшой дрожью в голосе.

– Ещё не скоро, дорогая, если только не заболеет. Он останется там и будет добросовестно исполнять свой долг, сколько сможет, и мы не будем просить его вернуться даже на минуту раньше, чем положено. А теперь я прочту вам письмо.

³ Vivandier – маркитантка.

Все устроились поближе к огню: мама села в большое кресло, Бет – у её ног, Мэг и Эми уселись на обе ручки кресла, а Джо опёрлась о спинку, где никто не смог бы увидеть, как она расчувствовалась. Из всех писем, что были написаны в те нелёгкие времена, лишь немногие не были трогательными, особенно те, которые отцы отправляли домой. В этом письме мало говорилось о тех невзгодах, которые пришлось пережить, о тех опасностях, с которыми пришлось столкнуться, или о преодолении тоски по дому. Это было весёлое, обнадеживающее письмо, полное живых описаний солдатской жизни, походов и новостей о войне, и только в конце сердце автора преисполнялось отеческой любовью и тоской по маленьким девочкам, которые ждут его дома.

«Передай им, что я их нежно люблю и целую. Я думаю о них днём, молюсь за них ночью и во все времена нахожу лучшее утешение в их привязанности ко мне. Похоже, что ещё год нам предстоит ожидать встречи, это долгий срок, но напомни им, что, пока мы ждём, мы можем трудиться, так что не нужно тратить впустую эти тяжёлые дни. Я знаю, они помнят всё, что я им говорил: чтобы для тебя они были любящими детьми, честно исполняли свой долг, храбро сражались со своими злыми врагами и преодолевали себя так усердно, что, когда я вернусь, я мог бы гордиться моими маленькими женщинами и любить их больше, чем когда-либо».

Едва услышав эти слова, все прослезилась. Джо не постеснялась большой слезы, скатившейся с кончика её носа, а Эми не побоялась смять свои локоны, спрятав лицо на плече матери и зарываясь:

– Я такая самовлюблённая! Но я постараюсь стать лучше, чтобы он не разочаровался во мне.

– Мы все стараемся, – воскликнула Мэг. – Я слишком много думаю о своей внешности и не хочу работать, но я исправлюсь, если смогу.

– Я постараюсь стать такой, как он любит меня называть, «маленькой женщиной», и не буду грубой и сумасбродной, но исполню свой долг здесь, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь ещё, – сказала Джо, думая, что сохранять самообладание дома будет гораздо более сложной задачей, чем столкнуться с парой мятежников на юге.

Бет ничего не сказала, но вытерла слёзы синим армейским носком и начала вязать изо всех сил, чтобы не терять время, выполняя свой непосредственный долг. Она решила в своей кроткой юной душе стать именно такой, какой папа надеялся встретить её, если новый год принесёт ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав своим весёлым голосом:

– Помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима в небесную страну»⁴, когда были маленькими? Для вас не было большей радости, чем когда я привязывала мешки с лоскутами вам на спины в качестве «тяжкой ноши», давала вам шляпы, посохи и бумажные свитки и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Градом Разрушения, всё выше и выше до крыши, где лежали красивые вещи, чтобы вы могли собрать их и построить Небесный Град.

– Как же это было весело, особенно проходить между львами, сражаться с Аполлионом⁵ и пересекать долину с демонами, – сказала Джо.

– Мне нравился тот момент, когда котомки падали и катились вниз, – сказала Мэг.

⁴ «Путешествие пилигрима» – книга английского писателя и проповедника Джона Баньяна (1628–1688).

⁵ Аполлион – греческое имя Абаддона, ангела бездны и смерти в мифологии иудаизма.

– Я плохо всё это помню, за исключением того, что я боялась погребов и тёмной прихожей, но всегда любила торт и молоко, которые нас ожидали наверху. Если бы я не была слишком взрослой для таких вещей, я бы не отказалась поиграть так снова, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских шалостей в свои зрелые двенадцать лет.

– Мы никогда не будем слишком взрослыми для этого, моя дорогая, потому что это игра, в которую мы так или иначе играем всю жизнь. Наши тяжкие ноши всегда с нами, наша дорога перед нами, а жажда добра и счастья являются проводниками, которые ведут нас через многие неприятности и ошибки к миру, который и является истинным Небесным Градом. А сейчас, мои маленькие паломники, предположим, что вы снова отправляетесь в путь, не в игре, а по-настоящему, и посмотрим, как далеко вы сможете добраться до того, как папа вернётся домой.

– Правда, мама? А где наши котомки? – спросила Эми, которая понимала все буквально.

– Каждая из вас уже рассказала, каково её бремя сейчас, кроме Бет. Я думаю, что, скорее всего, у неё нет такой тяжкой ноши, – сказала мама.

– Нет, она у меня есть. Моя ноша – посуда и тряпки для вытирания пыли, зависть к девочкам, у которых есть хорошее пианино, а ещё я боюсь людей.

Котомка с тяготами Бет была такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто и не подумал это сделать, потому что это бы сильно ранило её.

– Давайте так и сделаем, – задумчиво сказала Мэг. – Эта игра всего лишь другое название для стремления стать добродетельными, а история пилигрима из романа может помочь нам, потому что, пусть мы и хотим быть добродетельными, это тяжкий труд, и мы забываем о своих стремлениях, плохо стараемся.

– Мы были сегодня в Топи Уныния, но мама пришла и вытащила нас, как Помощь в книге ⁶. У нас должны быть свои свитки с напутствиями, как у Христианина. Как нам их найти? – спросила Джо, обрадовавшись, что эта выдумка придала бы немного романтики слишком скучной задаче исполнять свой долг.

– Загляните под ваши подушки рождественским утром, и вы найдёте там свои путеводители, – ответила миссис Марч.

Они говорили о своём новом замысле, пока старушка Ханна убирала со стола, потом достали четыре корзинки с принадлежностями для шитья, и иголки запорхали в воздухе, когда девочки начали шить простыни для тётушки Марч. Шить было скучно, но сегодня никто из-за этого не ворчал. Они приняли предложение Джо разделить длинные швы на четыре части и назвать эти четверти Европой, Азией, Африкой и Америкой и таким образом основательно продвинулись, особенно когда говорили о разных странах, прошивая свой путь через них.

В девять часов они прекратили работать и запели, как обычно делали перед сном. Никто, кроме Бет, не мог извлечь хоть какую-то музыку из старого фортепиано – лишь она могла прикоснуться к пожелтевшим от старости клавишам и сыграть приятный аккомпанемент к простым песням. Голос Мэг звучал как флейта, и они с матерью солировали в их маленьком хоре. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо мило блуждала по мелодии, как ей заблагорассудится, всегда вступая невпопад, хрипя или выводя трели, что портило даже самый меланхоличный мотив. Они пели всегда, с тех пор как научились говорить...

Ты сверкай, звезда ночная...

и это стало домашней традицией, ведь мама была прирождённой певицей. Первым, что они обычно слышали по утрам, был голос мамы, ходившей по дому и распевавшей, как жаворонок, а ночью они засыпали под то же весёлое пение, потому что девочкам никогда не надоела эта колыбельная.

⁶ То есть в «Путешествии пилигрима».

Глава 2

Счастливого рождества

Джо проснулась первой, когда наступил седой рассвет рождественского утра. У камина не висели носки, и она почувствовала себя такой же разочарованной, как когда-то давно, когда её носочек упал, потому что был переполнен подарками. Потом она вспомнила про обещание мамы и, запустив руку под подушку, вытащила маленькую книжку в тёмно-красной обложке. Она была ей хорошо знакома – это была прекрасная старая история о лучшей жизни, когда-либо прожитой на земле, и Джо почувствовала, что это настоящий путеводитель для любого паломника, отправляющегося в долгий путь. Она разбудила Мэг, пожелав ей счастливого Рождества, и предложила ей тоже посмотреть, что у той под подушкой. Оттуда была извлечена зеленоватая книга, с такой же открыткой внутри и несколькими пожеланиями, благодаря которым они так любили мамины подарки. Через некоторое время проснулись Бет и Эми, которые тоже порылись под подушками и нашли свои книжечки, одну серого цвета, а другую – голубого, и все они принялись их рассматривать и обсуждать. Близился день, и небо на востоке розовело.

Несмотря на некоторое тщеславие, по натуре Маргарет была доброй и благочестивой, что произвольно влияло и на сестёр, особенно на Джо, которая очень нежно её любила и слушалась, потому что она никогда не попрекала их понапрасну.

– Девочки, – серьёзно сказала Мэг, переводя взгляд от взъерошенной головы рядом с собой к двум маленьким чепчикам в соседней комнате. – Мама хочет, чтобы мы читали, любили и берегли эти книги, и мы должны начать это делать прямо сейчас. Раньше мы добросовестно выполняли эту обязанность, но с тех пор, как папа ушёл на войну, тяготы, связанные с ней, выбили нас из колеи, мы стали многое делать спустя рукава. Вы можете поступать, как вам угодно, но я буду держать свою книгу на столике рядом с кроватью и буду читать понемногу каждое утро, как только проснусь, ведь я знаю, что это пойдёт мне на пользу и будет поддерживать меня в течение дня.

Затем она открыла свою новую книгу и начала читать. Джо обняла сестру и, прислонившись щекой к её щеке, тоже приступила к чтению с кротким выражением, которое так редко можно было увидеть на её беспокойном лице.

– Какая же Мэг хорошая! Эми, давай тоже последуем их примеру. Я помогу тебе со сложными словами, а они объяснят нам то, что мы не поймём, – прошептала Бет, впечатлившись красотой книг и примером сестры.

– Я рада, что моя книга голубая, – сказала Эми, а потом в комнатах стало очень тихо, лишь бесшумно переворачивались страницы, и свет зимнего солнца просачивался в окна, чтобы прикоснуться к светлым головам и серьёзным лицам, будто поздравляя девочек с Рождеством.

– А где мама? – спросила Мэг, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить маму за подарки.

– Бог её знает. Какой-то бедолага приходил милостыню просить, и ваша мама сразу пошла посмотреть, что ему нужно. Никогда ещё не было на свете женщины, которая так же раздавала еду и питьё, одежду и дрова всем нуждающимся, – ответила Ханна, жившая с семьёй с момента рождения Мэг и которую все считали скорее другом, чем служанкой.

– Думаю, она скоро вернётся, поэтому можете подогревать пирожки и накрывать на стол, – сказала Мэг, осматривая подарки, которые хранились в корзине под диваном, готовые к вручению в нужное время. – А где же флакончик одеколona от Эми? – спросила она, когда не обнаружила в корзине одеколona.

– Она вынула его минуту назад и пошла повязать на него ленту или что-то в этом роде, – ответила Джо, которая ходила по комнате, пританцовывая, чтобы немного разносить новые армейские ботинки.

– Как красиво смотрятся мои носовые платки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, – сказала Бет, с гордостью глядя на несколько неровные буквы, которые стоили ей большого труда.

– Благословенное дитя! Она взяла и вышила на них «мама» вместо «М. Марч». Как забавно! – воскликнула Джо, рассматривая один из платочков.

– А что? Разве это неправильно? Я подумала, что так будет лучше, потому что у Мэг такие же инициалы – М. М., а я не хочу, чтобы этими платками пользовался кто-то, кроме мамы, – смутившись, сказала Бет.

– Всё в порядке, дорогая, и это очень хорошая идея, к тому же вполне разумная, потому что теперь никто не ошибётся. И ей будет очень приятно, я знаю, – сказала Мэг, хмуро посмотрев на Джо, и улыбнулась Бет.

– А вот и мама. Прячем корзину, быстро! – воскликнула Джо, когда хлопнула дверь и в зале послышались шаги.

Эми поспешно вошла в комнату и выглядела довольно смущённой, когда встретила ожидавших её сестёр.

– Где ты была и что это у тебя за спиной? – спросила Мэг, удивившись, увидев, что обычно ленивая Эми сегодня так рано вышла из дома, судя по её капору и плащу.

– Не смейся надо мной, Джо! Я не хотела, чтобы кто-то узнал раньше времени. Я хотела только поменять маленькую бутылочку на большую, и я отдала все свои деньги, чтобы купить её, я правда постараюсь больше никогда не быть эгоисткой.

Эми показала красивый большой флакон, заменивший дешёвый, и выглядела такой серьёзной и смиренной в своём маленьком усилии вести себя достойно, что Мэг тут же обняла её, а Джо назвала её «молодцом», в то время как Бет подбежала к окну и сорвала свою лучшую розу, чтобы украсить этот роскошный флакон.

– Понимаете, мне стало стыдно за свой подарок сегодня утром после того, как я почитала книгу и мы поговорили о том, как важно быть хорошими, поэтому, как только я встала, я побежала в магазин за углом и поменяла флакон, и я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый.

После того как снова хлопнула входная дверь, корзина отправилась под диван, а проголодавшиеся девочки поторопились к столу.

– Счастливого Рождества, мамочка! Желаем встретить ещё много таких праздников! Спасибо тебе за книги. Мы уже прочли немного и будем читать эти книги каждый день, – хором воскликнули они.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я рада, что вы сразу начали их читать, и надеюсь, что продолжите это делать и впредь. Но, прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что вам сказать. В доме неподалёку отсюда лежит бедная больная женщина с маленьким новорождённым ребёнком. Шестеро детей жмутся друг к другу в одной постели, чтобы не замёрзнуть, потому что у них нет дров. Им нечего есть, и старший мальчик пришёл сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы отдадите им свой завтрак в качестве рождественского подарка?

Все они были необычайно голодны, прождав мать почти час, и на минуту все замолчали, но лишь на минуту, потому что Джо порывисто воскликнула:

– Я так рада, что ты пришла до того, как мы начали завтракать!

– Можно я пойду и помогу отнести всё бедным детишкам? – нетерпеливо спросила Бет.

– Я возьму сливки и булочки, – добавила Эми, решительно отказываясь от угощения, которое ей нравилось больше всего.

Мэг уже упаковывала гречневую кашу и складывала хлеб в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с довольной улыбкой. – Вы все поможете мне, а когда мы вернёмся, то будем завтракать хлебом с молоком, а к обеду наедемся упущенное.

Вскоре всё было готово, и процессия двинулась в путь. К счастью, было ещё довольно рано, и они шли по закоулкам, поэтому мало кто их видел, и никто не посмеялся над этой странной компанией.

Они вошли в бедную, пустую, убогую комнату с разбитыми окнами, потухшим камином, рваным постельным бельём, больной матерью, плачущим ребёнком и оравой бледных, голодных детей, свернувшихся калачиком под одним старым одеялом, пытаясь согреться.

С каким же изумлением распахнулись большие глаза и заулыбались синие губы, когда девочки вошли!

– Ах, mein Gott! ⁷ Это добрые ангелы явились к нам! – сказала бедная женщина, заплакав от радости.

– Какие странные ангелы в капорах и варежках! – сказала Джо и всех этим рассмешила.

Через несколько минут и правда могло показаться, что в этом бедном жилище поработали добрые духи. Ханна, которая принесла дрова, развела огонь и заткнула разбитые стёкла старыми шляпами и собственным плащом. Миссис Марч накормила мать овсянкой с чаем, утешая её обещаниями помощи, пока переодевала ребёнка так нежно, как будто он был её собственным.

Тем временем девочки накрыли на стол, усадили детей вокруг очага и накормили их, как голодных птенцов, смеясь, разговаривая и пытаясь понять их смешной ломаный английский.

– Das ist gut! Die Engelkinder! ⁸ – восклицали бедняжки, пока ели и согревали свои багровые руки у уютного огня.

Девочек никогда раньше не называли ангелочками, и им это было очень приятно, особенно Джо, которую с самого рождения все считали проказницей ⁹. Это был очень приятный завтрак, хоть им и не досталось ни крошки. И когда они ушли, оставив уют позади, полагаю, что во всём городе не нашлось бы кого-то веселее, чем четверо голодных девочек, пожертвовавших своим завтраком, довольствуясь хлебом с молоком в рождественское утро.

– Это и значит любить ближнего больше, чем самого себя, и мне это нравится, – сказала Мэг, когда они раскладывали подарки, пока мать наверху собирала одежду для бедняжек Хюммель.

Не бог весть какое роскошное зрелище, но в эти несколько свёртков было вложено так много любви, а стоявшая на столе высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и выющимися стеблями придавала ему весьма элегантный вид.

– Она идёт! Начинай, Бет! Открывай дверь, Эми! Троекратное «ура» в честь мамочки! – воскликнула Джо, подпрыгивая на месте, в то время как Мэг пошла проводить маму к почётному месту. Бет заиграла свой самый весёлый марш, Эми распахнула дверь, а Мэг с большим достоинством ввела мать под руку в комнату. Поражённая, растроганная миссис Марч улыбалась, рассматривая подарки дочерей глазами, полными слёз, и читая прикреплённые к ним записочки. Туфли она надела сразу, а новый носовой платок, надушенный одеколоном Эми, сунула в карман; розу приколотла к груди, а красивые перчатки пришлось ей впору. Было много искренних слов любви, смеха и поцелуев в той нехитрой манере, которая делает семейные

⁷ Mein Gott – Мой Бог! (нем.)

⁸ Das ist gut! Die Engelkinder! – Хорошо! Дети – ангелы! (нем.)

⁹ В оригинале Олкотт употребляет слово «Sancho», употреблявшееся матерями в Новой Англии XIX века в отношении непослушных сыновей.

праздники такими приятными, такими милыми, что о них вспоминают ещё долгое время спустя; а затем все принялись за работу.

Утренние благотворительные мероприятия и церемонии заняли так много времени, что остаток дня был полностью посвящён подготовке к вечернему празднеству. Девочки были ещё слишком юными, чтобы часто посещать театр, и недостаточно богатыми, чтобы тратить много денег на свои спектакли, но постоянно ломали голову над тем, как сделать всё необходимое для домашних представлений. Некоторые их изобретения были очень хитроумными: картонные гитары, старинные лампы из старомодных маслёнок, оклеенных серебряной бумагой, роскошные одеяния из старого ситца, сверкающие звёздами, вырезанными из крышек консервных банок с мариновальной фабрики. Доспехи были обшиты жестяными ромбами, которые оставались после вырезания звёзд из тех же полезных крышек. Большая комната была местом многих невинных развлечений.

Юноши не допускались к участию в представлениях, поэтому Джо сама играла мужские роли сколько душе угодно и получала огромное удовольствие от выступлений в красновато-коричневых кожаных сапогах, подаренных ей подругой, знакомой с дамой, которая была приятельницей одного актёра. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, которые когда-то использовались художником для написания какой-то картины, были главными сокровищами Джо, и она появлялась в них на сцене при каждом удобном случае. Малочисленность труппы обусловила необходимость двух главных актёров исполнять по нескольку ролей в каждой пьесе, и они, несомненно, заслужили похвалу за те усилия, с которыми они заучивали три или четыре разные роли, надевая и снимая различные костюмы и, кроме того, руководя постановкой. Это безобидное развлечение отлично тренировало память и занимало много часов, которые в противном случае они провели бы в праздности, в одиночестве или менее благоприятном обществе.

В Рождественскую ночь на кровати, служившей бельэтажем, сгрудилась дюжина приглашённых девочек, сидевших перед сине-жёлтыми ситцевыми занавесками в подобострастном волнении. Из-за занавески доносились шорох и шёпот, запах дыма от лампы и периодическое хихиканье Эми, которая была склонна смеяться до колик от волнения. Вскоре раздался звонок, занавес раздвинулся, и началась оперная трагедия.

«Мрачный лес», согласно единственной программке спектакля, был представлен несколькими растениями в горшках, зелёным сукном на полу и пещерой чуть поодаль. Пещера эта была сделана из сушилки для белья вместо крыши, комодов вместо стен, а внутри вовсю горел небольшой очаг с чёрным котелком, над которым склонилась старая ведьма. На сцене было темно, и свет от очага производил прекрасный эффект, тем более что из котелка шёл настоящий пар, когда ведьма снимала с него крышку. Спустя мгновение, после того как утихли первые восторги публики, в комнату вошёл Гуго, злодей с чёрной бородой и мечом, лязгающим на боку, в шляпе с опущенными полями, в таинственном плаще и сапогах. Пройдясь взад и вперёд в сильном возбуждении, он хлопнул себя по лбу и разразился диким воплем, воспевая свою ненависть к Родриго, свою любовь к Заре и свою столь привлекательную мысль об убийстве первого и покорении второй. Грубые интонации голоса Гуго, время от времени вскрикивавшего, когда его одолевали чувства, произвели сильное впечатление, и публика зааплодировала, как только он остановился, чтобы перевести дух. Поклонившись с видом человека, привыкшего к публичному восхвалению, он прокрался в пещеру и повелительным тоном приказал Хейгар выйти: «Эй ты, приспешница моя! Ты мне нужна!»

Из пещеры вышла Мэг в красно-чёрном одеянии, с посохом и каббалистическими знаками на плаще; седые пряди из конского волоса обрамляли её лицо. Гуго потребовал у неё одно зелье, которое заставило бы Зару обожать его, а другое – чтобы уничтожить Родриго. Хейгар, полная драматизма, обещала и то и другое, продолжая призывать духа, который принесёт приворотное зелье.

О, воздушный дух, ты волхв?
Варишь зелья? На мой зов
Ты приди, сын роз, сюда!
Дух, роса – твоя еда!
Скор, как эльф, готовь отвар,
Полный приворотных чар,
Быстро действующий! Дух,
Отвечай, я зелье жду!

Зазвучала тихая мелодия, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в молочно-белом одеянии, со сверкающими крыльями, золотыми волосами и венком из роз на голове. Взмахнув волшебной палочкой, дух запел:

Я прилетел, оставил за плечом
На серебре Луны просторный дом!
Я здесь! Используй заговор с умом
И ослабеть не дай всей силе в нём!

И, уронив к ногам ведьмы маленькую позолоченную бутылочку, дух исчез. Ещё одна ария Хейгар вызвала другой дух, на этот раз не очень привлекательный, потому что теперь на сцене с грохотом появился уродливый чёрный бес и, прохрипев что-то в ответ, швырнул тёмную бутылочку в Гуго и исчез со зловещим смехом. Пропев слова благодарности и сунув зелья в сапоги, Гуго удалился, а Хейгар сообщила зрителям, что, поскольку в прошлом он убил нескольких её друзей, она прокляла его и теперь намерена отомстить, расстроив все его планы. Затем занавес опустился, и во время антракта зрители отдыхали и ели конфеты, обсуждая достоинства пьесы.

Прежде чем занавес снова поднялся, долгое время раздавался громкий стук молотков, но, когда стало ясно, какой шедевр сценического столярного искусства был возведён за время перерыва, никто не стал выражать недовольства из-за задержки. Это было поистине великолепно. Высокая башня поднималась к потолку, на середине её высоты виднелось окно с горячей в нём лампой, и из-за белой занавески появилась Зара в прекрасном серебристо-голубом платье в ожидании Родриго. Он вышел в роскошном наряде, в шляпе с перьями, красном плаще, с каштановыми локонами на щеках, с гитарой и, конечно же, всё в тех же красно-коричневых сапогах. Опустившись на одно колено у подножия башни, он запел серенаду трогательным голосом. Зара ответила и после музыкального диалога согласилась совершить побег. Затем наступила кульминация пьесы. Родриго достал верёвочную лестницу с пятью ступенями, забросил наверх один её конец и предложил Заре спуститься. Она робко выбралась из-за решётки, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, как вдруг – о, несчастье! бедная Зара! – она забыла о своём шлейфе, который зацепился за окно: башня пошатнулась, накренилась вперёд, с грохотом упала и погребла несчастных влюблённых под развалинами.

Раздался всеобщий вопль, когда красновато-коричневые сапоги судорожно забились в воздухе, и золотистая головка появилась из-под обломков, восклицая: «Я же тебе говорила! Я же говорила!» С удивительным присутствием духа дон Педро, суровый отец Зары, ворвался в комнату и поспешно оттащил дочь в сторону, шепнув ей: «Не смейся! Веди себя так, будто всё в порядке!» И, приказав Родриго подняться, с гневом и презрением изгнал его из королевства. Хотя Родриго был сильно потрясён падением с башни, он бросил вызов старому джентльмену и отказался тронуться с места. Этот бесстрашный пример воодушевил Зару. Она также отка-

залась подчиниться своему отцу, и он приказал заточить их обоих в самой глубокой темнице замка. Вошёл толстый маленький слуга с цепями и повёл их прочь, выглядя очень напуганным и, очевидно, забыв о том, что должен был сказать.

В третьем акте в зале замка появилась Хейгар, чтобы освободить влюблённых и прикончить Гуго. Услышав его шаги, она прячется, наблюдая, как он подливает зелья в две чаши с вином и приказывает робкому маленькому слуге: «Отнеси их пленникам в темницу и скажи им, что я скоро приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы сообщить ему кое-что, и Хейгар меняет чаши на две другие, безвредные. Прислужник Фердинандо уносит их, а Хейгар ставит на место чашу с ядом, предназначенным для Родриго. Гуго, испытывая жажду после долгой трели, пьёт из чаши, теряет рассудок и после долгих судорог и топая ногами падает на пол и умирает, в то время как Хейгар в мелодичной и проникновенной арии сообщает ему о том, что она сделала.

Это была поистине захватывающая сцена, хотя некоторые могли бы счесть, что эффект смерти злодея несколько испортила копна рыжеватых волос, внезапно выбившихся из-под шляпы. Гуго вызвали на поклон, и он с большим достоинством вышел, ведя за собой Хейгар, чьё пение считалось чудеснее, чем всё остальное в представлении, вместе взятое.

В четвёртом действии предстал отчаявшийся Родриго, готовый заколоть себя ножом, так как ему сказали, что Зара его оставила. Как раз в тот момент, когда кинжал готов был вонзиться в сердце Родриго, под его окном кто-то поёт прекрасную песню, в которой ему сообщается, что Зара ему верна, но она в опасности, и он может спасти её, если пожелает. Ему бросают ключ, чтобы отпереть дверь, и в восторге он срывает с себя цепи, бросаясь прочь из темницы, чтобы найти и спасти свою возлюбленную.

Пятый акт начался бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он настаивает на том, чтобы она ушла в монастырь, но она и слышать об этом не хочет и после трогательной мольбы готова упасть в обморок, как вдруг в комнату врывается Родриго и настойчиво просит её руки. Но он небогат, и дон Педро отказывает ему. Они громко кричат и жестикулируют, но не могут договориться, и Родриго уже собирается увести измученную Зару с собой, как вдруг входит робкий слуга с письмом и мешком от таинственно исчезнувшей Хейгар. Последняя сообщает присутствующим, что она завещает несметные богатства молодой паре и обещает страшную гибель дону Педро, если он помешает их счастью. И тут мешок открывается, и поток оловянных монет с ослепительным блеском высыпается на пол. Это решительно смягчает суровое сердце отца. Он безропотно даёт согласие, все сливаются в радостном хоре, и занавес опускается в тот момент, когда исполненные самой романтической грации влюблённые стоят, преклонив колени, чтобы получить благословение дона Педро.

Последовали бурные овации, которые были неожиданно резко прерваны, так как раскладная кровать, на которой был устроен бельэтаж, внезапно сложилась, что притушило пыл аудитории. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все девочки были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие из них просто давились от смеха. Едва улеглось возбуждение, как появилась Ханна с «наилучшими поздравлениями от миссис Марч и приглашением всем спуститься к ужину».

Это было неожиданностью даже для актёров, и когда они увидели стол, то посмотрели друг на друга в восторженном изумлении. Это было очень похоже на маму – она всегда готовила для них кое-какие лакомства, но со времен ушедших дней изобилия ещё не бывало ничего столь прекрасного, как угощение в этот вечер. Там было мороженое, а именно два вида – розовое и белое, и торт, и фрукты, и бесподобные французские конфеты, а в середине стола стояло четыре больших букета тепличных цветов.

У девочек перехватило дыхание, и они устали сначала на стол, а потом на мать, которая выглядела так, словно ей всё очень нравилось.

– Это феи принесли? – спросила Эми.

– Санта-Клаус, – сказала Бет.

– Это мама сделала. – И Мэг улыбнулась самой милой улыбкой, несмотря на свою седую бороду и белые брови.

– В порыве доброты тётушка Марч прислала этот ужин, – поделилась Джо своим внезапным озарением.

– Вы все ошиблись. Всё это прислал старый мистер Лоуренс, – ответила миссис Марч.

– Дедушка Лоуренса-младшего! О боже, как ему это пришло в голову? Мы же его совсем не знаем, – воскликнула Мэг.

– Ханна рассказала одному из его слуг о нашем сегодняшнем завтраке. Он странный пожилой джентльмен, но ему понравился наш поступок. Он был знаком с моим отцом много лет назад и сегодня днём прислал мне вежливую записку, в которой выражал надежду, что я позволю ему выказать свои дружеские чувства к моим детям, послав им немного сладостей в честь этого праздника. Я не смогла отказать ему, и поэтому этим вечером у вас будет небольшой пир, чтобы компенсировать завтрак хлебом с молоком.

– Это внук его надоумил, я знаю! Он замечательный парень, и мне хотелось бы познакомиться с ним поближе. Он выглядит так, будто он тоже не прочь познакомиться с нами, но стесняется, а Мэг такая чопорная и не позволяет мне самой заговорить с ним, когда мы проходим мимо, – сказала Джо, когда тарелки с угощениями пошли по кругу и мороженое начало таять на глазах под восхищенные охи и ахи.

– Вы имеете в виду ваших соседей, которые живут в большом доме? – спросила одна из девочек. – Моя мать знает старого мистера Лоуренса, но говорит, что он очень высокомерный и не любит общаться с соседями. Он держит своего внука взаперти и заставляет его усердно учиться, когда тот не ездит верхом или не прогуливается со своим гувернёром. Мы пригласили мальчика на нашу вечеринку, но он не пришёл. Мама говорит, что он очень милый, хотя никогда не заговаривает с нами, девочками.

– Как-то раз наша кошка убежала, и он вернул её нам, и мы отлично поболтали через забор о крикете и тому подобном, но, когда он увидел, что Мэг идёт, он ушёл. Когда-нибудь я познакомлюсь с ним поближе, потому что ему нужно как-то развлекаться, я уверена в этом, – решительно сказала Джо.

– Мне нравятся его манеры, и он выглядит как юный джентльмен, так что я не возражаю против того, чтобы вы с ним подружились, если представится подходящая возможность. Он сам принёс эти цветы, и я бы пригласила его войти в дом, если бы знала, что у вас происходит там наверху. Он выглядел таким задумчивым, когда уходил, услышав, как вы веселитесь, и, очевидно, дома у него ничего подобного не происходит.

– Какое счастье, что ты его не пригласила, мама, – засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. – Но когда-нибудь у нас будет ещё одна пьеса, которую он сможет посмотреть. Возможно, он даже сыграет в ней какую-нибудь роль. Было бы здорово, правда?

– Я в жизни не видела такого прекрасного букета! Какой он красивый! – Мэг с большим интересом рассматривала цветы.

– Они прелестны. Но розы Бет мне милее, – сказала миссис Марч, вдыхая запах полуувядшего букетика на своём поясе.

Бет прижалась к ней и тихо прошептала:

– Как бы я хотела послать свой букет папе. Боюсь, у него не такое весёлое Рождество, как у нас.

Глава 3

Лоуренс-младший

– Джо! Джо! Ты где? – крикнула Мэг у подножия чердачной лестницы.

– Здесь! – ответил хриплый голос сверху, и, подбежав, Мэг увидела, что сестра ест яблоки и плачет над «Наследником Рэдклифа»¹⁰, завернувшись в одеяло на старом трёхном диване у солнечного окна. Это было любимое убежище Джо, и здесь она обыкновенно уединялась с полудюжиной коричневых яблок и хорошей книгой, наслаждаясь тишиной и обществом ручной крысы, которая жила рядом и не обращала на неё ни малейшего внимания. Как только появилась Мэг, Скрэббл юркнула в свою нору. Джо стряхнула слёзы со щёк в ожидании новостей.

– Так здорово! Ты только посмотри! Настоящее письменное приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! – воскликнула Мэг, размахивая драгоценным листком и продолжая читать его с девичьим восторгом.

– Миссис Гардинер была бы счастлива увидеть мисс Марч и мисс Джозефину на небольшом балу в канун Нового года. Мама хочет, чтобы мы туда пошли, и что нам теперь надеть?

– Что толку спрашивать об этом, ты же знаешь, мы наденем наши поплиновые платья, потому что у нас нет других, – ответила Джо с набитым ртом.

– Вот бы у меня было шёлковое! – вздохнула Мэг. – Мама говорит, что у меня такое будет, когда мне исполнится восемнадцать, но ещё два года ожидания – это целая вечность.

– Я уверена, что наши поплиновые платья выглядят почти как шёлковые, и они нам вполне идут. Твоё платье как новенькое, но я забыла про прожжённую дыру на своём. Что же мне делать? Пятно сильно заметно сзади, и я ничем не могу его вывести.

– Тебе придётся сидеть неподвижно и не показывать свою испачканную спину – это всё, что ты можешь сделать. Спереди у тебя всё в порядке. У меня будет новая лента для волос, и мама одолжит мне свою маленькую жемчужную булавку, мои новые туфли очень красивые, и мои перчатки тоже сюда подойдут, хотя они не так хороши, как хотелось бы.

– Я пролила на свои перчатки лимонад, а новые я достать не могу, так что придется обойтись без них, – сказала Джо, которая никогда особо не задумывалась о нарядах.

– Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду! – решительно воскликнула Мэг. – Перчатки важнее всего остального. Ты не сможешь танцевать без них, а если ты не наденешь перчатки, ты меня очень обидишь.

– Тогда я не буду танцевать. Я не очень люблю групповые танцы. Ходить по залу, как под парусом, совсем не весело. Я больше люблю порхать и выкидывать коленца.

– Не проси у мамы новые перчатки, они ведь такие дорогие, а ты так неаккуратна. Когда ты испортила ту пару, она сказала, что не купит тебе новые этой зимой. Неужели нельзя обойтись этими?

– Я могу держать их скомканными в руке, так что никто не узнает, насколько они испачканы. Это всё, что я могу сделать. Нет! Я скажу тебе, как мы поступим, каждая наденет одну хорошую перчатку и будет держать в руке по одной плохой. Понимаешь?

– У тебя руки больше, и ты ужасно растянешь мою перчатку, – начала Мэг, чьи перчатки были для неё большим вопросом.

– Тогда я обойдусь без перчаток. Мне всё равно, что скажут люди, – воскликнула Джо, берясь за книгу.

– Ладно-ладно, забирай мою! Только не испачкай её и води себя прилично. Не убирай руки за спину, не глазей по сторонам и не восклицай постоянно: «Христофор Колумб!»

¹⁰ Роман Шарлотты Янг (1823–1901).

– Не беспокойся обо мне. Я буду держать себя в руках и не попаду ни в какие передрыги, если получится. А теперь иди и ответь на свою записку и дай мне дочитать этот великолепный роман.

Итак, Мэг ушла, чтобы «с благодарностью принять приглашение», осмотреть своё платье и, беспечно напевая, пришить к нему свою единственную настоящую кружевную оборку, в то время как Джо дочитала свой роман, доела оставшиеся четыре яблока и поиграла со Скрэббл.

В канун Нового года гостиная опустела, потому что две младшие девочки изображали камеристок, а две старшие были поглощены чрезвычайно важным делом – «подготовкой к вечеринке». Несмотря на простоту туалетов, было много беготни вверх и вниз, смеха и разговоров, как вдруг весь дом наполнился сильным запахом палёных волос. Мэг решила завить несколько локонов у лица, и Джо принялась прижимать намотанные на бумажки кудри горячими щипцами.

– Разве они должны так дымить? – спросила Бет, сидя на кровати.

– Это влага испаряется, – ответила Джо.

– Какой странный запах! Похоже на горелые перья, – заметила Эми, с видом превосходства приглаживая свои красивые кудри.

– Ну вот, сейчас я сниму бумажки, и ты увидишь облако маленьких кудряшек, – сказала Джо, откладывая щипцы в сторону.

Она сняла бумажки, но облачка кудряшек не появилось, потому что вместе с бумажками она сняла и волосы, и незадачливая парикмахерша положила ряд маленьких обгоревших узелков на комод перед своей жертвой.

– Ой, ой, ой! Что ты наделала? Ты испортила мою причёску! Я не могу так пойти! Мои волосы, о, мои волосы, – причитала Мэг, с отчаянием глядя на неровные завитки на лбу.

– Просто я невезучая! Лучше бы ты не просила меня об этом, я такая нескладная. Мне очень жаль, но щипцы были слишком горячими, и я всё испортила, – простонала бедная Джо, со слезами сожаления глядя на маленькие чёрные блинчики.

– Ничего не испорчено. Просто завей их и завяжи ленту так, чтобы концы локонов немного падали на лоб, и это будет выглядеть как по последней моде. Я видела, многие девушки так делают, – сказала Эми, успокаивая её.

– Поделом мне за то, что я стараюсь выглядеть красиво. Лучше бы я не трогала свои волосы, – раздражённо воскликнула Мэг.

– Я тоже так считаю, они были такими гладкими и красивыми. Но скоро они снова отрастут, – сказала Бет, подходя, чтобы поцеловать и утешить стриженую овцу.

Преодолев другие, более мелкие неудачи, Мэг наконец закончила приготовления, и объединёнными усилиями всей семьи Джо была одета, а её волосы – уложены. Они очень хорошо смотрелись в своих простых нарядах: Мэг – в серебристо-сером платье, с синей бархатной лентой, кружевными оборками и жемчужной булавкой, а Джо – в бордовом платье с жёстким мужским льняным воротничком и парой белых хризантем в качестве единственного украшения. На одной руке каждой из них была надета красивая лёгкая перчатка, а в другой руке они сжимали по одной испачканной, и все сошлись на том, что они выглядят «довольно непринужденно и привлекательно». Туфли Мэг на высоких каблуках были очень тесными и причиняли ей боль, хотя она и не признавалась в этом, а девятнадцать шпилек Джо, казалось, вонзались ей прямо в голову, что было не совсем удобно, но, господи, будем же элегантны или умрём!

– Желаю вам хорошо провести время, дорогие! – сказала миссис Марч, когда сёстры грациозно зашагали по дорожке. – Не ешьте много на ужин и приходите в одиннадцать, я пришлю за вами Ханну.

Когда за ними захлопнулась калитка, из окна раздался голос:

– Девочки, девочки! Вы захватили чистые носовые платки?

– Да, да, совершенно новые, а Мэг надушила свой платок одеколоном, – воскликнула Джо и со смехом добавила: – Я думаю, что матушка спросила бы об этом, даже если бы мы спасались от землетрясения.

– Это одна из её аристократических привычек, что очень правильно, потому что настоящую леди всегда узнают по безупречной обуви, перчаткам и носовому платку, – ответила Мэг, у которой было немало своих «аристократических привычек».

– А ты, Джо, не забывай скрывать испорченную сторону подола своего платья. Мой пояс в порядке? А волосы у меня очень плохо выглядят? – спросила Мэг, отвернувшись от зеркала в гардеробной миссис Гардинер после продолжительного прихорашивания.

– Я точно забуду. Если увидишь, что я делаю что-то не так, просто напони мне, подмигнув, ладно? – ответила Джо, поддёрнув свой воротничок и торопливо поправляя причёску.

– Нет, леди не подобает подмигивать. Я подниму брови, если что-то не так, и кивну, если с тобой будет всё в порядке. Теперь расправь плечи, делай шаги поменьше и не пожимай людям руку, если тебя с кем-то знакомят. Так делать неприлично.

– Как тебе удаётся всегда помнить обо всех этих приличиях? Я всё время об этом забываю. Какая весёлая музыка, правда?

Они спустились вниз, чувствуя некоторую робость, так как редко бывали на вечеринках, и, каким бы неофициальным ни был этот выход в свет, все же он был для них очень важен. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, приветливо поздоровалась с ними и передала их на попечение старшей из своих шести дочерей. Мэг знала Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, а Джо, которая не очень жаловала девушек и девичьи сплетни, стояла, осмотрительно прислонившись спиной к стене, и чувствовала себя не в своей тарелке, как жеребёнок в цветнике. Полдюжины весёлых парней болтали о коньках в другой части комнаты, и ей очень хотелось присоединиться к ним, потому что катание на коньках было одной из основных радостей её жизни. Она взглядом сообщила о своём намерении Мэг, но брови её так тревожно поползли вверх, что Джо не осмелилась сдвинуться с места. Никто не подходил поговорить с ней, и одна за другой группы удалялись, пока она не осталась совсем одна. Она не могла ходить по залу и развлекаться, потому что кто-то мог увидеть её прожжённый подол, из-за чего она довольно тоскливо смотрела на людей вокруг, пока не начались танцы. Мэг один раз пригласили на танец, и её тесные туфли запорхали так быстро, что никто не догадался, какую боль они причиняют своей улыбающейся обладательнице. Джо увидела, что к её углу приближается высокий рыжеволосый юноша, и, испугавшись, что он собирается пригласить её на танец, проскользнула в занавешенную нишу, намереваясь подглядывать оттуда и отдохнуть в тишине. К несчастью, ещё одна застенчивая особа выбрала то же самое убежище, потому что, когда штора опустилась за её спиной, Джо оказалась лицом к лицу с Лоуренсом-младшим.

– Бог мой, я не знала, что здесь ещё кто-то есть! – пробормотала Джо, готовясь так же быстро выйти из-за шторы, как она туда ворвалась. Но юноша засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел немного испуганным:

– Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь здесь, сколько хотите.

– Я вас не беспокою?

– Ни капельки. Я зашёл сюда только потому, что мало кого знаю и поначалу чувствовал себя довольно странно, знаете ли.

– Не уходите, пожалуйста, если хотите, оставайтесь.

Юноша снова сел и стал смотреть на свои бальные туфли, пока Джо не сказала, стараясь быть вежливой и непринужденной:

– Я думаю, что имела удовольствие встречать вас раньше. Вы ведь наш сосед, не так ли?

– Да, я ваш сосед. – Он поднял глаза и рассмеялся, потому что чопорная речь Джо показалась ему довольно забавной, – он вспомнил, как они болтали о крикете, когда он принёс ей пропавшую кошку.

Это успокоило Джо, и она тоже рассмеялась, сказав самым сердечным тоном:

– Мы так хорошо провели время, получив ваш чудесный подарок к Рождеству.

– Это вам дедушка прислал.

– Но ведь это вы предложили ему, правда?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил молодой человек, стараясь выглядеть сдержанным, в то время как его чёрные глаза весело блеснули.

– Прекрасно, благодарю вас, мистер Лоуренс. Но я не мисс Марч, я просто Джо, – ответила юная леди.

– И я не мистер Лоуренс, зовите меня Лори.

– Лори Лоуренс, какое странное имя.

– Меня зовут Теодор, хотя мне не нравится это имя, потому что мои друзья звали меня Дорой, но я заставил их называть меня «Лори».

– Я тоже ненавижу своё имя, оно такое сентиментальное! Мне бы хотелось, чтобы все называли меня «Джо», а не «Джозефина». А как вы заставили мальчиков перестать называть себя Дорой?

– Я их поколотил.

– Я не могу побить тётушку Марч, так что, видимо, мне придётся терпеть это дальше. – И Джо вздохнула со смирением.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори с таким видом, словно это имя ей очень подходило.

– Мне очень нравится танцевать, когда просторно и шумно. Но в таком месте, как это, я обязательно что-нибудь испорчу, отдавлю всем пятки или сделаю что-нибудь ужасное, поэтому я стараюсь избегать неприятностей и позволяю Мэг фланировать по залу без меня. А вы не танцуете?

– Иногда. Видите ли, я много лет жил за границей и ещё не успел влиться в ваше общество, чтобы узнать, какая у вас тут мода.

– За границей! – воскликнула Джо. – О, расскажите мне об этом! Я очень люблю послушать, как люди описывают свои путешествия.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но нетерпеливые расспросы Джо вскоре его раззадорили, и он рассказал ей, как учился в школе в Веве ¹¹, где мальчики никогда не носили шляп, и у них была целая флотилия лодок на озере, и для развлечения на каникулах они ходили в походы по Швейцарии со своими учителями.

– Как бы я хотела там побывать! – воскликнула Джо. – Вы были в Париже?

– Мы провели там прошлую зиму.

– Вы говорите по-французски?

– В Веве нам можно было говорить только по-французски.

– Скажите что-нибудь! Я могу читать на французском, но не могу говорить.

– *Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?* ¹²

– Как хорошо у вас получается! Дайте-ка подумать... вы спросили: «Кто эта юная леди в красивых туфельках?»

– *Oui, mademoiselle.*

– Это моя сестра Маргарет, и вы знали, что это она! Вы считаете, она хорошенькая?

– Да, она напоминает мне немецких девушек, она выглядит такой цветущей и спокойной и танцует, как настоящая леди.

Джо вся просияла от удовольствия, услышав эту мальчишечью похвалу в адрес сестры, и запомнила этот комплимент, чтобы потом передать Мэг. Оба подглядывали из-за штор, обсуж-

¹¹ Швейцарский город в кантоне Во.

¹² Как зовут молодую девушку в красивых туфлях? (*фр.*)

дали гостей и болтали, пока не почувствовали себя старыми знакомыми. Застенчивость Лори скоро прошла, потому что мальчишеское поведение Джо забавляло и успокаивало его, и Джо снова развеселилась, потому что её платье было забыто и никто не поднимал на неё брови. Лоуренс-младший понравился ей больше, чем когда-либо, и она несколько раз внимательно посмотрела на него, чтобы потом описать его девочкам, потому что у них не было братьев, очень мало кузенов, а мальчики были для них практически незнакомыми существами.

«Вьющиеся тёмные волосы, смуглая кожа, большие чёрные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, маленькие руки и ноги, выше меня, очень вежливый для юноши и довольно весёлый. Интересно, сколько ему лет?»

Этот вопрос вертелся у Джо на кончике языка, но она вовремя сдержалась и с необычным тактом попыталась выяснить это окольным путём.

– Полагаю, вы скоро поступите в колледж? Я вижу, как вы чахнете над книгами, нет, я имею в виду усердно занимаетесь. – И Джо покраснела от ужасного слова «чахнете», которое случайно у неё вырвалось.

Лори улыбнулся, но не выглядел шокированным и ответил, пожав плечами:

– Через год или два, не раньше. Так или иначе, я не буду поступать, пока мне не исполнится семнадцать лет.

– Вам что, только пятнадцать? – спросила Джо, глядя на высокого юношу, думая, что ему уже семнадцать.

– В следующем месяце будет шестнадцать.

– Как бы я хотела поступить в колледж! А по вам не скажешь, будто вы горите желанием.

– Ненавижу колледж! Там нет ничего, кроме зубрёжки или глупых забав. И мне не нравится, как живут люди в этой стране.

– А что вам нравится?

– Жить в Италии так, как мне хочется.

Джо не терпелось спросить, как именно он хочет проводить время, но его чёрные брови выглядели так угрожающе, когда он их нахмурил, поэтому она сменила тему, сказав, отбивая ногой такт:

– Какая превосходная полька! Почему бы вам не пойти и не попробовать потанцевать?

– Если вы присоединитесь ко мне, – ответил он с галантным поклоном.

– Я не могу, я обещала Мэг, что не буду, потому что... – Тут Джо замолчала и, казалось, не знала, продолжать ей разговор или засмеяться.

– Потому что – что?

– Вы никому не скажете?

– Никогда!

– Ну, у меня плохая привычка стоять близко к камину, и поэтому я подпаливаю свои платья, а это я прожгла насквозь, и хотя оно хорошо заштопано, но всё-таки очень заметно, и Мэг велела мне сидеть на месте, чтобы никто ничего не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся. Он опустил взгляд на мгновение, и выражение его лица озадачило Джо, когда он очень мягко сказал:

– Я скажу вам, как мы поступим. Там есть длинный зал, где мы сможем замечательно потанцевать, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдёмте туда.

Джо поблагодарила Лори и с радостью пошла с ним, жалея, что у неё нет двух чистых перчаток, когда она увидела красивые, жемчужного цвета перчатки на руках её партнёра. Зал был пуст, и они станцевали большую польку, так как Лори хорошо танцевал и научил её немецким па, которые привели Джо в восторг, потому что состояли из частых взмахов руками и прыжков. Когда музыка смолкла, они присели на ступеньки, чтобы отдышаться, и Лори как раз

рассказывал о студенческом празднике в Гейдельберге ¹³, когда Мэг появилась в зале, разыскивая сестру. Она поманила её, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где побледневшая Мэг опустилась на диван, держась за свою ногу.

– Я растянула лодыжку. Этот дурацкий высокий каблук подвернулся, из-за чего я глупейшим образом вывихнула ногу. Болит так, что я еле могу стоять, и я не знаю, как вообще доберусь до дома, – сказала она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

– Я так и знала, что ты повредишь себе ноги своими дурацкими туфлями. Извини. Но я не вижу для тебя другого выхода, кроме как нанять экипаж или остаться здесь на ночь, – ответила Джо, нежно поглаживая пострадавшую лодыжку Мэг, пока говорила.

– Я не смогу нанять экипаж, это будет стоить очень дорого. Боюсь, что свободных вообще не найдется, потому что большинство гостей приезжают на своих, а до конюшни идти далеко и послать некого.

– Я схожу.

– Нет, что ты! Уже девятый час, и на улице тьма египетская. Я не могу остаться здесь, потому что дом полон гостей. У Салли остаются какие-то девушки. Я отдохну, пока не придёт Ханна, а потом постараюсь дойти до дома.

– Я попрошу Лори. Он сходит в конюшню, – сказала Джо, вздохнув с облегчением, когда эта мысль пришла ей в голову.

– Мерси, нет! Не проси никого и никому не говори. Принеси мне мои калоши и положи эти туфли к нашим вещам. Я больше не смогу танцевать, но, как только ужин закончится, поищи Ханну и скажи мне, когда она придёт.

– Гости сейчас будут ужинать. Я останусь здесь. Я бы хотела побыть с тобой.

– Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, что даже не могу пошевелиться.

Итак, Мэг откинулась на спинку дивана, тщательно спрятав калоши, а Джо, спотыкаясь, направилась в столовую, которую обнаружила только после того, как сначала заглянула в шкаф с фарфором, а потом открыла дверь комнаты, где старый мистер Гардинер подкреплялся в уединении. Бросившись к столу, она схватила чашку кофе, который тут же пролила на себя, испортив перед платья так же, как и спину.

– О боже, какая же я дура! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мэг.

– Чем я могу помочь? – спросил дружелюбный голос. Это был Лори, который в одной руке держал чашку с кофе, а в другой – тарелку с мороженым.

– Я пыталась отнести что-нибудь Мэг, она очень устала, но кто-то меня толкнул, и вот я здесь в таком милом виде, – ответила Джо, мрачно переводя взгляд с испачканной юбки на перчатку кофейного цвета.

– Мне очень жаль! Я искал кого-нибудь, кого можно было бы этим угостить. Могу я отнести это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она. Я не предлагаю отнести самой, потому что боюсь попасть в ещё одну передрыгу.

Джо шла впереди, и, словно он давно привык ухаживать за дамами, Лори придвинул маленький столик, принес вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже требовательная Мэг назвала его «милым юношей». Когда пришла Ханна, они весело проводили время за конфетами и остротами ¹⁴ и в самом разгаре была тихая игра в «Бззз!» ¹⁵ с

¹³ Гейдельберг – город в Германии, где расположен знаменитый университет, где в XIX в. среди студентов было немало американцев.

¹⁴ Известные в XIX в. конфеты, заворачиваемые в фантик, на внутренней стороне которого был написан стишок, пословица или девиз.

¹⁵ Популярная в XIX в. детская игра, участники которой по кругу быстро называли числа. Вместо числа, кратного семи или пишущегося с цифрой семь (например, 7, 14, 27), говорилось «Бззз». Совершивший ошибку выбывал из игры.

двумя или тремя другими молодыми людьми, которые случайно забрели в комнату. Мэг забыла про свою ногу и вскочила так резко, что была вынуждена опереться о Джо, вскрикнув от боли.

– Тише! Ничего не говори, – прошептала она, а вслух добавила: – Ничего. Я немного подвернула ногу, вот и всё, – и захромала наверх, чтобы надеть верхнюю одежду.

Ханна ворчала, Мэг плакала, а Джо была в полном отчаянии, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из комнаты, она побежала вниз и, найдя слугу, спросила, не может ли он найти для них экипаж. Это был наёмный официант, который ничего не знал об окрестностях, и Джо оглядывалась в поисках помощи, когда подошёл Лори, услышавший её слова, и предложил дедушкин экипаж, который, по его словам, только что приехала за ним.

– Но ведь ещё так рано! Вы ведь не собирались уходить? – с облегчением начала Джо, но всё ещё не решаясь принять предложение.

– Я всегда ухожу рано, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Мне ведь с вами по пути, и, говорят, идёт дождь.

Это решило дело, и, рассказав ему о несчастье Мэг, Джо с благодарностью согласилась и бросилась наверх, чтобы привести остальных. Ханна любила дождь не больше, чем кошка, поэтому уговорить её не составило труда, и они укатили в роскошном закрытом экипаже, чувствуя себя так, словно принадлежали к высшему обществу. Лори сел на козлы, чтобы Мэг могла вытянуть и держать ногу на весу, и девочки без стеснения обсуждали прошедшую вечеринку.

– Я отлично провела время. А ты? – спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу. Подруга Салли, Энни Моффат, отнеслась ко мне с симпатией и попросила приехать к ней на недельку вместе с Салли. Она будет здесь весной, когда опера приедет на гастроли, и это будет просто великолепно, если только мама отпустит меня, – ответила Мэг, приободрившись от этой мысли.

– Я видела, как ты танцевала с рыжеволосым юношей, от которого я убежала. Он был милым?

– О, очень! Волосы у него золотисто-каштановые, а не рыжие, и он был очень вежлив, и мы с ним танцевали очаровательный рейдовак ¹⁶.

– Он прыгал, как кузнечик, когда исполнял очередное па. Мы с Лори не могли удержаться от смеха. Нас не было слышно?

– Нет, но вы вели себя очень невоспитанно. Чем это вы занимались всё время, прячась там?

Джо рассказала о своих приключениях, и к тому времени, как она закончила, они уже были дома. Рассыпаясь в благодарностях, они пожелали спокойной ночи Лори и прокрались в дом, надеясь никого не разбудить, но в тот момент, когда скрипнула дверь, над подушками подскочили два маленьких ночных чепчика и послышались два сонных, но нетерпеливых голоса:

– Как прошла вечеринка? Расскажите о вечеринке!

Проявив то, что Мэг называла «полным отсутствием манер», Джо принесла несколько конфет для младших сестёр, и они вскоре успокоились, выслушав рассказ о самых волнующих событиях вечера.

– Клянусь, я действительно выгляжу как прекрасная молодая леди, которая возвращается домой с вечеринки в карете, а потом сидит в своём пеньюаре с горничной, которая ей прислуживает, – сказала Мэг, когда Джо перевязала ей ногу, смазав лодыжку арникой, и расчесала волосы.

– Не думаю, что прекрасные юные леди проводят время лучше, чем мы, хотя у нас подгорели волосы, старые платья, по одной перчатке на каждую и тесные туфли, из-за которых мы получаем растяжение лодыжек, по собственной глупости надевая их на бал.

¹⁶ Рейдовак – чешский танец.

И я считаю, что Джо была совершенно права.

Глава 4

Тяжёлые ноши

– Боже мой, как же тяжело снова пускаться в путь со своей котомкой, – вздохнула Мэг наутро после вечеринки, когда праздники закончились, а неделя веселья вовсе не располагала к тому, чтобы вновь браться за нелюбимую работу.

– Хорошо бы Рождество и Новый год никогда не кончались. Вот было бы здорово! – ответила Джо, удрученно зевая.

– Тогда бы мы и наполовину так им не радовались. Но ведь это так прекрасно – ужины, букеты, вечеринки и поездки домой, когда можно читать книги, отдыхать и ничего не делать. Так живут другие люди, и я всегда завидовала девочкам, которые ведут такой образ жизни, ведь я так люблю роскошь, – сказала Мэг, выбирая из двух платьев то, которое выглядело поновее.

– Ну, это не для нас, не будем ворчать и продолжим нести нашу ношу с радостью, как наша матушка. Я уверена, тётушка Марч – как Старик-водяной ¹⁷, и когда я научусь нести её на своих плечах и не жаловаться, она сама оставит меня или станет такой лёгкой, что я перестану обращать на неё внимание.

Эта мысль позабавила Джо и подняла ей настроение, но лицо Мэг не посветлело, ведь её ноша, состоявшая из четырёх капризных детей, показалась ей тяжёлой, как никогда. Она даже не попыталась принарядиться, как делала всегда, повязывая на шею голубую бархотку и сделав красивую причёску.

– Какой смысл прихорашиваться, ведь меня никто не видит, кроме этих злобных недомерков, и никому нет дела, красивая я или нет, – прошептала она, шумно задвинув ящик секретера. – Я всю жизнь буду тянуть лямку и лишь изредка получать удовольствие, я состарюсь, стану уродливой и угрюмой, потому что я бедная и не могу радоваться жизни, как другие девочки. Как жаль!

Мэг спустилась вниз с понурым видом и весь завтрак была не в духе. Казалось, все остальные тоже были не в духе и завтракали с кислыми минами.

У Бет болела голова, и она легла на диван, пытаясь удобно устроиться вместе с кошкой и тремя котятками. Эми нервничала, потому что не выучила уроки и никак не могла найти свои калоши. Джо насвистывала и, собираясь, переворачивала всё вверх дном. Миссис Марч изо всех сил старалась закончить письмо, которое нужно было сегодня же отправить, а Ханна брюзжала, потому что ей не нравилось так поздно вставать.

– Свет не видывал такой сварливой семьи, – воскликнула Джо, выйдя из себя, опрокинув чернильницу, порвав оба шнурка на ботинках и сев на свою шляпку.

– Да, а ты в ней злее всех прочих! – возразила Эми, роняя слёзы на грифельную доску и смывая ими неправильное решение задачи.

– Бет, если ты не отнесёшь этих ужасных котят в подвал, я их утоплю, – воскликнула Мэг, пытаясь избавиться от котёнка, который забрался к ней на спину и вцепился в платье, как репейник.

Джо засмеялась, Мэг выругалась, Бет запричитала, а Эми зарыдала, потому что не могла вспомнить, сколько будет девятью двенадцать.

– Девочки, девочки, помолчите хоть минуту! Я должна отправить это письмо утренней почтой, а вы меня отвлекаете своими пустяками, – воскликнула миссис Марч, зачёркивая третье неудачное предложение в письме.

¹⁷ См. «Пятое путешествие Синдбада-морехода»: злой старик, обманом севший ему на шею и поработивший его, заставляя таскать на себе. В совр. значении – прилипала.

Тут же наступила тишина, которую нарушила Ханна, прошествовав в комнату, положив на стол два горячих пирожка и удалившись с гордым видом. Это были особенные пирожки, которые девочки называли «муфтами» за неимением настоящих, и они приятно согревали руки холодным утром. Ханна никогда не забывала их приготовить, как бы она ни была занята и сердита, ведь путь им предстоял неблизкий, и идти приходилось в холодную и ветреную погоду. Второго завтрака у бедняжек не было, а домой они редко возвращались раньше двух часов дня.

– Прижми к себе покрепче своих кошек, Бетти, и они вылечат твою головную боль. До свидания, мамочка. Сегодня утром мы были бандой негодниц, но когда мы вернёмся домой, то будем настоящими ангелочками. Пошли, Мэг!

И Джо неохотно зашагала прочь из дома, чувствуя, что пилигримам не подобает отправляться в путь так, как это сделали они. Как обычно, они оглянулись, прежде чем свернуть за угол, потому что мама всегда кивала им, улыбалась из окна и махала рукой. Казалось, без этого они не смогут пережить предстоящий день, потому что независимо от их настроения мелькнувшее на прощанье лицо матери освещало их путь, как солнечный луч.

– Если бы матушка вместо воздушного поцелуя погрозила нам кулаком, то поделом нам, потому что таких неблагодарных созданий свет ещё не видывал, – воскликнула Джо, которая получала полное раскаяние и удовлетворение от прогулки по снегу под пронизывающим ветром.

– Не говори так, это ужасно, – возразила Мэг из глубины своей шали, завернувшись в неё, словно монашка, которой опостылел мир.

– А я люблю говорить прямо и именно то, что имею в виду, – ответила Джо, поймав шляпку, которая едва не слетела с её головы.

– Называй себя любыми словами, какие тебе нравятся, но я не негодница и не злодейка, я не хочу, чтобы меня так называли.

– Ты избалованное создание, и сегодня ты злишься, потому что тебе не дано жить в роскоши. Бедняжка, ну подожди, вот разбогатею, и ты будешь с наслаждением ездить в экипажах, есть мороженое, носить туфли на высоких каблуках и танцевать с рыжеволосыми мальчиками.

– Какая ты глупенькая, Джо!

Но эта чепуха рассмешила Мэг, что вопреки её желанию улучшило ей настроение.

– Тебе повезло, что я такая. Хороши бы мы были, если бы я грустила и горевала, как ты. Слава богу, я всегда могу найти что-нибудь забавное, чтобы подбодрить себя. Эй, хватит жаловаться и ворчать, возвращайся домой весёлой.

Джо одобряюще похлопала сестру по плечу, и девочки расстались, каждая сжимала свой пирожок и старалась быть весёлой, несмотря на зимнюю погоду, трудную работу и неудовлетворённые желания жадной до удовольствий юности. Когда мистер Марч разорился, пытаясь помочь попавшему в беду другу, две старшие дочери упростили его разрешить им заняться чем-то, чтобы хотя бы компенсировать расходы на своё содержание. Считая, что никогда не рано поощрять в детях активность, предприимчивость и независимость, родители дали своё согласие, и обе девочки стали работать с искренним рвением, и, несмотря на все препятствия, их усилия должны были увенчаться успехом. Маргарет нашла место гувернантки и чувствовала себя богатой даже со своим маленьким жалованьем. Как она говорила, она «любила роскошь», и бедность была её главной бедой. Выносить такую жизнь ей было тяжелее, чем другим девочкам, потому что она ещё помнила то время, когда их дом был красивым, жизнь – лёгкой и полной радости и они ни в чём не нуждались. Она старалась не завидовать другим и не раздражаться, но для девушки так естественно стремиться к счастливой жизни, успеху, красивым вещам, весёлым друзьям. В доме Кингов она каждый день видела то, чего она так хотела, и когда старшие сёстры её подопечных выезжали в свет, Мэг частенько мельком замечала их изящные бальные платья и букеты, слушала оживлённые разговоры о театрах, концертах, катании на санях и всевозможных развлечениях, она наблюдала, как деньги тратятся на пустяки, которые были для неё так дороги. Бедняжка Мэг редко жаловалась, но иногда чувство неспра-

ведливости ожесточало её против всех и каждого, так как она ещё не научилась понимать, что она богата дарами, которых вполне достаточно, чтобы сделать жизнь счастливой.

Джо была приставлена к тётушке Марч, которая хромала и нуждалась в подвижной помощнице. Бездетная пожилая дама предложила удочерить одну из девочек, когда для семьи Марч наступили тяжёлые времена, и глубоко оскорбилась, когда её предложение отклонили. Друзья сказали супругам Марч, что они потеряли шанс быть упомянутыми в завещании богатой леди, на что эта «непрактичная пара» лаконично ответила:

– Мы не отдадим наших девочек ни за какие деньги. Богатые или бедные, мы будем держаться вместе и обретём счастье друг в друге.

Старая леди некоторое время не разговаривала с ними, но однажды встретила Джо у своих друзей – ей понравились забавное лицо и прямолинейность девочки, и она предложила взять её к себе в компаньонки. Джо это совершенно не устраивало, но она согласилась, так как ничего лучшего ей не предлагали, и, ко всеобщему удивлению, она прекрасно поладила со своей сварливой родственницей. Иногда между ними случались бурные сцены, и, придя домой, Джо объявляла, что не в силах больше это терпеть, но тётушка Марч была отходчива и посылала за девочкой с такой настойчивой просьбой вернуться как можно скорее, что Джо не могла отказать, потому что в глубине души ей нравилась вспыльчивая старая леди.

Я подозреваю, что на самом деле её привлекала огромная библиотека прекрасных книг, после смерти дядюшки Марча отданных на откуп паукам да пыли. Джо помнила доброго старого джентльмена, который разрешал ей строить мосты и железные дороги из огромных словарей, рассказывал истории, показывая занимательные картинки в книгах на латинском языке, и покупал ей имбирные пряники всякий раз, когда встречал девочку на улице. Полутёмная пыльная комната с бюстами, взирающими с книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и, самое главное, море книг, в котором она могла плавать, куда пожелает, – всё это превращало библиотеку в уголок райского блаженства. Стоило тётушке Марч задремать или завести беседу с гостями, Джо тут же скрывалась в своём убежище, сворачивалась калачиком в удобном кресле и, словно книжный червь, поглощала стихи, художественные и исторические романы, книги о путешествиях и художественные альбомы. Но эти счастливые моменты, как и любые другие, не длились долго, и едва она добиралась до кульминации романа, до самой удачной строки стихотворения или самого опасного приключения путешественника, раздавался пронзительно громкий зов: «Джозе-фина! Джозе-фина!» – и ей приходилось покидать свой рай и идти мотать пряжу, купать пуделя или часами напролёт читать «Эссе» какого-то Белшема ¹⁸.

Джо всегда стремилась сделать что-то прекрасное. Что именно, она пока не знала, но время должно было ей это подсказать, а пока её больше всего угнетало, что она не может читать, бегать и кататься верхом на лошади столько, сколько ей хотелось бы. Вспыльчивость, остроумие и беспокойный дух всегда ставили её в неловкое положение, и вся её жизнь была чередой взлётов и падений, одновременно комичных и трогательных. Но то обучение, которое она проходила у тётушки Марч, было ей необходимо, и она была рада заработать себе на жизнь, несмотря на постоянное: «Джозе-фина!»

Бет была слишком застенчивой, чтобы ходить в школу, хотя она и пыталась это делать. Она так страдала на уроках, что школу ей пришлось бросить и учиться дома под руководством отца. Даже когда он покинул дом, а матушку призвали посвятить все свои силы и навыки Обществу помощи солдатам, Бет изо всех сил продолжала заниматься самостоятельно. Она была маленькой домохозяйкой и помогала Ханне поддерживать порядок и уют в доме, пока другие работали, никогда не ожидая благодарности, а лишь желая получить взамен любовь. По своей натуре она была трудолюбивой пчёлкой, и поэтому долгие тихие дни она не проводила

¹⁸ Томас Белшем (1752–1827) – английский писатель, историк, поддерживавший американцев, противившихся английской короне.

в праздном одиночестве, а хлопотала по дому, и её маленький мирок был населён воображаемыми друзьями. Но всё же Бет оставалась ребёнком: у неё было шесть кукол, которых она каждое утро будила, одевала и любила всей душой. Среди них не было ни одной целой или красивой, все они были брошены, пока не попали в руки Бет, когда сёстры переросли этих кумиров детства и передали их ей, потому что Эми не терпела рядом с собой ничего старого и уродливого. Бет же, наоборот, по этой причине обожала их всех и устроила для кукол-калек настоящий приют. В их тельца из ваты больше не втыкали булавки, их не бранили и не били, больше никто не относился с пренебрежением даже к самой некрасивой из них, все они были накормлены, одеты, обласканы и окружены любовью, которая никогда не ослабевала. Принадлежавшая ранее Джо одна из отщепенек кукольного сообщества, проведя бурную жизнь, в конце концов была сослана в мешок с лоскутами, где пребывала в плачевном состоянии. Но Бет спасла несчастную из этой богадельни и поместила её в свой приют. У головы куклы отсутствовала макушка, и Бет накрыла её аккуратной шапочкой, а поскольку руки и ноги тоже отсутствовали, девочка вышла из этого положения, обернув куклу в одеяло и предоставила лучшую кукольную кровать этой тяжелобольной. Если бы кто-нибудь узнал, какой внимательный уход был обеспечен этой кукле, я думаю, это тронуло бы его сердце, пусть даже одновременно рассмешив. Бет приносила ей букетики, читала вслух, выносила куклу подышать свежим воздухом, спрятав у себя под пальто, пела колыбельные и, ложась спать, всегда целовала её чумазое личико, нежно шепча: «Спокойной ночи, бедняжка».

У Бет, как и у других девочек, были свои трудности, и поскольку она была не ангелом, а просто очень человеческой девочкой, она частенько, как говорила Джо, «пускала слезу» из-за того, что не могла брать уроки музыки и иметь хорошее пианино. Она страстно любила музыку, изо всех сил пыталась научиться хорошо играть и так терпеливо упражнялась на дребезжащем старом пианино, что казалось, будто кто-то (не будем намекать на тётушку Марч) должен ей помочь, и никто не замечал, как Бет, оставшись одна, вытирала слёзы с пожелтевших клавиш расстроенного инструмента.

Она пела как ласточка во время работы, неумоимо трудясь ради мамочки и девочек, и день за днём с надеждой повторяла: «Я знаю, когда-нибудь у меня будет новое пианино, если буду хорошо себя вести». В мире много девочек, похожих на Бет, застенчивых и тихих, сидящих в уголке, пока их не позовут, и с радостью живущих ради других, но никто не замечает их жертвы, пока маленький сверчок за очагом ¹⁹ не перестанет стрекотать и тёплое солнечное присутствие не исчезнет, оставив после себя лишь тишину и тень.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что было главной заботой в её жизни, она, не задумываясь, ответила бы: «Мой нос». Когда она была младенцем, Джо случайно уронила её в ведёрко с углём, и Эми настаивала, что это падение изуродовало ей нос навсегда. Он не был крупным или красным, как у бедняжки Петры ²⁰, а лишь немного приплюснутым, и никакие прищепки не могли сделать его форму аристократической. Ни у кого, кроме самой Эми, её нос не вызывал нареканий, и хотя со временем он немного вырос, она страстно желала иметь греческий нос и, чтобы утешиться, изрисовывала огромное количество листов бумаги красивыми носами. Сёстры звали её «маленький Рафаэль» из-за её явного таланта к живописи, и она была просто счастлива, когда рисовала цветы, фей или создавала причудливые иллюстрации к сказкам. Учителя жаловались, что, вместо того чтобы решать задачки, она рисовала разных зверей на грифельной доске и пустых страницах своего географического атласа, а листки с озорными карикатурами выпадали из её учебников в самые неподходящие моменты. Она училась в меру своих способностей и избегала замечаний учителей благодаря образцовому поведению. Одно-

¹⁹ Волшебный персонаж повести Диккенса (1845), входящей в состав «Рождественских повестей».

²⁰ Персонаж романа «Семейство, или Домашние радости и огорчения» шведской писательницы Фредрики Бремер (1801–1865).

классницы её любили, так как она обладала покладистым характером и умела угождать без особых усилий. Её лёгкое важничанье и грациозность вызывали всеобщее восхищение, равно как и её таланты, поскольку кроме рисования она умела играть двенадцать мелодий на пианино, вязать крючком и читать по-французски, не коверкая больше двух третей слов. У неё была трогательная привычка жаловаться: «Когда папа был богат, мы делали то-то и то-то», а сложные слова, которые она употребляла, девочки считали «невероятно элегантными».

Эми вполне можно было избаловать, потому что все потакали ей, и её детское тщеславие и гордыня стремительно росли. Одно лишь обстоятельство ущемляло её самолюбие. Ей приходилось донашивать одежду кузины Флоренс, у матери которой начисто отсутствовал вкус, и Эми глубоко страдала от необходимости носить красную, а не синюю шляпку, платья, которые ей не подходили, и вычурные фартуки не по её фигуре. Вся одежда была хорошо, добротнo сшита и лишь слегка поношена, но художественный вкус Эми, особенно этой зимой, был сильно оскорблён подаренным школьным платьем тускло-фиолетового цвета в жёлтый горошек и совсем без отделки.

– Единственное моё утешение, – сказала она Мэг со слезами на глазах, – это то, что мама не подкалывает подол моих платьев, когда я капризничаю, как это делает мама Марии Паркс. Боже мой, это просто ужасно, потому что иногда она так плохо себя ведёт, что её платье доходит ей только до колен, и она не может прийти в школу в таком виде. Когда я думаю о такой *дискриминации*, я понимаю, что могу смириться даже со своим плоским носом и фиолетовым платьем в жёлтых кляксах.

Мэг была наставницей и воспитательницей для Эми, а Джо, из-за странного притяжения противоположностей, – для нежной Бет. Только с Джо эта застенчивая девочка делилась своими мыслями и неосознанно влияла на свою безалаберную старшую сестру гораздо сильнее, чем другие члены семьи. Две старшие девочки очень много значили друг для друга, но каждая брала под свою опеку одну из младших сестёр и присматривала за ней по-своему, «играя в дочки-матери», как они это называли, заменив своих брошенных кукол сёстрами и окружив их материнской заботой маленьких женщин.

– Кому-нибудь есть что рассказать? Сегодня был такой унылый день, что я просто умираю от желания как-нибудь отвлечься, – сказала Мэг, когда они сидели за шитьём в тот вечер.

– Сегодня у меня был забавный случай с тётей, и я с вами поделюсь, – начала Джо, которая очень любила рассказывать истории. – Я читала этого беконечного Белшема и бубнила себе под нос, как всегда, потому что тётя быстро засыпает от чтения, и тогда я обычно достаю какую-нибудь хорошую книгу и читаю, как бешеная, пока она не проснётся. Меня саму чуть было не сморил сон, и, прежде чем она начала клевать носом, я так широко зевнула, что она спросила меня, зачем я так широко открываю рот, уж не собираюсь ли я проглотить всю книгу целиком. «Хотела бы я это сделать и положить этому конец», – сказала я, стараясь не быть дерзкой. Потом она прочла мне длинную лекцию о моих грехах и велела сидеть и обдумывать их, пока она немного «подремлет». Она никогда быстро не просыпается, поэтому в ту минуту, когда её чепец начал раскачиваться, как увесистый георгин, я выхватила из кармана «Уэйкфильдского священника»²¹ и стала читать, поглядывая одним глазом в книгу, а другим – на тётю. Я как раз добралась до того места в книге, когда они все упали в воду, и, забыв о тёте, громко рассмеялась. Тётушка проснулась и, придя в благодушное настроение после сна, велела мне ещё немного почитать ей и показать, какое легкомысленное чтиво я предпочитаю достойному и поучительному Белшему. Я была в ударе, и ей понравилось моё чтение, но она только сказала: «Я не понимаю, о чём всё это. Прочти-ка сначала, дитя моё». Я начала сначала и постаралась читать так, чтобы семейство Примрозов выглядело как можно интереснее. Один раз я была настолько коварна, что нарочно остановилась в каком-то захватывающем месте и

²¹ Роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774).

кратко спросила тётю: «Боюсь, это утомляет вас, мэм. Не пора ли мне остановиться?» Она подхватила вязанье, выпавшее у неё из рук, резко на меня взглянула сквозь очки и коротко сказала: «Дочитывайте главу и не дерзите, мисс».

– А она призналась, что ей понравилось? – спросила Мэг.

– Бог с тобой, конечно, нет! Но она оставила старину Белшема в покое, а когда вечером я вернулась за своими перчатками, и вижу – вот это картина! – она так погрузилась в книгу про викария, что даже не услышала моего смеха, когда я танцевала джигу в холле в предвкушении лучших времён. Как хорошо бы ей жилось, если бы она только захотела! Я не очень ей завидую, несмотря на её деньги, потому что, в конце концов, у богатых людей столько же забот, сколько и у бедных, – добавила Джо.

– Это напомнило мне, – сказала Мэг, – что я тоже должна кое-что рассказать. Это не такая смешная история, как у Джо, но я много думала об этом по дороге домой. Сегодня у Кингов я застала всех в смятении, и одна из девочек сказала, что её старший брат натворил что-то ужасное и папа выгнал его из дома. Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг очень громко что-то говорил, а Грейс и Эллен, проходя мимо меня, отворачивались, чтобы я не видела их красные опухшие глаза. Я, конечно, не задавала никаких вопросов, но мне было их очень жалко, и я была рада, что у меня нет непослушных братьев, которые могли бы сделать что-то плохое и опозорить семью.

– Я думаю, что быть опозоренной в школе – это гораздо тяжелее, чем всё, что могут сделать плохие мальчики, – сказала Эми, качая головой, как будто у неё был очень богатый жизненный опыт. – Сьюзи Перкинс пришла сегодня в школу с прекрасным кольцом из красного сердолика. Я ужасно захотела себе такое же и страстно желала быть на её месте. Так вот, она нарисовала мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом, и слова – «Юные леди, я всё вижу!» – вылетали у него изо рта, как воздушный шар. Мы смеялись над этим рисунком, как вдруг его взгляд остановился на нас, и он приказал Сьюзи принести ему свою дощечку. Она застыла от страха, но всё-таки подошла, и что, по-вашему, он сделал? Он схватил её за ухо – за ухо! Только представьте себе, какой ужас! – отвёл её к помосту для выступлений и заставил стоять там полчаса, держа дощечку так, чтобы все видели.

– А девочки из класса не смеялись над этим рисунком? – спросила Джо, явно смакуя эту историю.

– Смеялись? Ни одна! Все сидели тихо, как мыши, а Сьюзи умоляла её простить, я точно знаю, так и было. Я ей тогда не завидовала, потому что чувствовала, что даже миллионы сердоликовых колец не сделали бы меня счастливой после этого. Я никогда, никогда не смогу пережить такого мучительного унижения. – И Эми продолжила шить, гордясь своей добродетелью и тем, что произнесла два последних длинных слова без запинки.

– Сегодня утром я увидела кое-что, что мне понравилось, и собиралась рассказать об этом за ужином, но забыла, – сказала Бет, приводя в порядок корзинку Джо, где царил полный хаос. – Когда я пошла в рыбную лавку за устрицами для Ханны, там был мистер Лоуренс, но он меня не заметил, потому что я стояла за бочкой с рыбой, а он разговаривал с мистером Каттером, хозяином этой лавки. Какая-то бедная женщина пришла с ведром и шваброй и спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей прибраться у него. За это она просила немного рыбы, потому что у неё ничего не было на ужин для своих детей и никакой другой работы она в этот день найти не смогла. Мистеру Каттеру было некогда, и он довольно сердито отказал ей, и когда она собралась уходить с голодным и грустным видом, мистер Лоуренс подцепил одну крупную рыбу изогнутым концом своей трости и протянул ей. Она так обрадовалась и удивилась, что взяла её обеими руками и поблагодарила несколько раз. Он велел ей «пойти и приготовить её», и она поспешно удалилась, такая счастливая! Разве это не хорошо с его стороны? Она так забавно обнимала эту большую, скользкую рыбу, желая мистеру Лоуренсу «мягкой постели на небесах».

Посмеявшись над историей Бет, они попросили матушку тоже что-нибудь рассказать им, и, немного подумав, она с серьёзным видом заговорила:

– Сегодня, когда я сидела в комнате и кроила синие фланелевые куртки, я очень беспокоилась об отце и подумала, как мы будем одиноки и беспомощны, если с ним что-нибудь случится. Это было неразумно, но я не могла успокоиться, пока не пришёл один старик, чтобы заказать кое-какую одежду. Он сел рядом со мной, и я с ним заговорила, потому что он выглядел бедным, усталым и встревоженным. «У вас есть сыновья в армии?» – спросила я, потому что записка, которую он принёс, была адресована не мне. «Да, мэм. У меня было четверо сыновей, но двое погибли, один в плену, а я еду к четвёртому, который очень болен и лежит в госпитале в Вашингтоне», – тихо ответил он. «Вы много сделали для нашей страны, сэр», – сказала я, теперь чувствуя не жалость, а уважение. «Ничуть не больше, чем должен был, мэм. Я бы и сам пошёл воевать, если бы от меня была хоть какая-то польза. А раз я остался, то я отдаю своих мальчиков и ничего не требую взамен». Он говорил таким бодрым голосом, выглядел таким искренним и, казалось, был так рад отдать всё, что у него было, и мне стало стыдно. Я отдала стране одного человека и думала, что это слишком много, в то время как он отдал четверых, ничуть не жалея об этом. Все мои дочки дома и утешают меня, а его единственный, оставшийся в живых сын ждёт за много миль отсюда, чтобы, возможно, попрощаться с отцом навсегда! Вспомнив о дарованных мне благах, я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, что собрала ему большой сверток, дала немного денег и сердечно поблагодарила за урок, который он мне преподавал.

– Расскажите ещё одну историю, матушка, с моралью, как эта. Я люблю вспоминать о них потом, если они жизненные и не слишком нравоучительные, – сказала Джо после минутного молчания.

Миссис Марч улыбнулась и сразу же заговорила, потому что она много лет рассказывала истории этой небольшой аудитории и знала, как ей угодить.

– Давным-давно жили-были четыре девочки, у которых было достаточно еды, питья и одежды, много удовольствий и развлечений, добрые друзья и родители, которые нежно любили их, и всё же они не были довольны. – Тут слушательницы украдкой переглянулись и принялись усердно шить. – Эти девочки старались вести себя хорошо и у них было множество благих намерений, но они не очень хорошо им соответствовали и постоянно говорили: «Ах, если бы только у нас было это» или «Вот если бы мы только могли сделать то», совершенно забывая, как много у них уже было и как много они действительно могли сделать. Так, они однажды спросили у одной старушки, есть ли такое заклинание, чтобы сделать их счастливыми, и она ответила: «Когда вы чувствуете себя недовольными, подумайте о благах, дарованных вам, и будьте благодарны». – Тут Джо быстро подняла глаза, как будто собираясь что-то сказать, но передумала, видя, что история ещё не закончена. – Будучи благоразумными девочками, они решили воспользоваться её советом и вскоре с удивлением обнаружили, как хорошо им живётся. Одна утверждала, что деньги не могут избавить богатые дома от стыда и горя, другая – что хотя она и бедна, но с её молодостью, здоровьем и хорошим настроением она гораздо счастливее, чем какая-нибудь капризная, немощная старуха, которая не может наслаждаться тем, что имеет, третья – что, как ни мучительно помогать готовить обед, но просить милостыню ещё труднее, а четвёртая – что даже кольца с сердоликом не так ценны, как хорошее поведение. Поэтому они решили перестать жаловаться и радоваться уже имеющимся благам и стараться заслужить их, потому что они могут их лишиться, а не приумножить, и я думаю, что они никогда не разочаровались в том, что последовали совету старушки.

– Ну, мамочка, это было очень хитро с вашей стороны, что вы обратили наши собственные истории против нас, и мы выслушали наставления вместо рассказа! – воскликнула Мэг.

– Мне нравятся такие наставления – папа говорил нам то же самое, – задумчиво сказала Бет, аккуратно втыкая иголки в подушечку Джо.

– Я не жалуюсь так часто, как другие, и теперь буду осторожнее, чем когда-либо, потому что проступок Сюзи стал мне предупреждением, – нравоучительно сказала Эми.

– Нам нужен был этот урок, и мы его не забудем. А если забудем, то просто скажите нам, как это сделала старая Хлоя в «Хижине дяди Тома»²². «Думайте о милосердии Божьем, дети», – добавила Джо, которая – что с ней поделать! – всё-таки нашла частичку юмора в этом наставлении, хотя и приняла его так же близко к сердцу, как и её сёстры.

²² Знаменитый антирабовладельческий роман американской аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896).

Глава 5

Добрые соседи

– Ради всего святого, Джо, куда ты собралась? – спросила Мэг однажды снежным днём, когда её сестра топала по коридору в резиновых сапогах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой.

– Иду на улицу размяться, – ответила Джо с озорным блеском в глазах. – Думаю, двух долгих утренних прогулок будет достаточно!

– На улице холодно и пасмурно, и я советую тебе оставаться дома у огня, где тепло и сухо, как это делаю я, – сказала Мэг, поёжившись.

– Никогда не слушаю советов! Не могу весь день сидеть на месте, я не кошка, чтобы дремать у огня. Я люблю приключения и отправляюсь на их поиски.

Мэг вернулась, чтобы погреть ноги у камина и почитать «Айвенго», а Джо принялась энергично очищать от снега дорожки возле дома. Снег был рыхлый, и вскоре она расчистила метлой дорожку вокруг сада, чтобы Бет могла там гулять, когда выглянет солнце и кукулам-инвалидам понадобится свежий воздух. Итак, сад отделял дом Марчей от дома мистера Лоуренса. Дома стояли на окраине города, который всё ещё был похож на деревню с рощами и лужайками, большими садами и тихими улицами. Невысокая живая изгородь разделяла два владения. По одну сторону изгороди стоял старый коричневый дом, выглядевший довольно обветшалым и голым, так как зимой лишился виноградных лоз, которые летом обвивали его стены, и цветов, которые его окружали. А по другую – величественный каменный особняк, всем своим видом говоря о всевозможных удобствах и роскоши: от большого каретного сарая и ухоженного сада до оранжереи и очертаний роскошной обстановки, которые проглядывали сквозь богатые занавеси на окнах. И всё же этот дом казался одиноким, лишённым жизни, потому что ни один ребёнок не резвился на лужайке, ни одно материнское лицо никогда не улыбалось в окне и мало кто входил и выходил из него, кроме старого джентльмена и его внука.

Для живого воображения Джо этот прекрасный дом был чем-то вроде волшебного замка, полного великолепия и удовольствий, которыми никто не наслаждался. Она давно мечтала увидеть то, что скрыто за этой красотой, и узнать поближе Лоуренса-младшего, который выглядел так, словно был не прочь познакомиться, если бы знал, с чего начать. После вечеринки она ещё больше горела желанием подружиться с ним, выдумывая для этого различные поводы, но в последнее время его не было видно, и Джо начала думать, что он уехал, как вдруг однажды она заметила в верхнем окне смуглое лицо, задумчиво устремившее взор вниз, на их сад, где Бет и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик так страдает без общения и развлечений, – сказала она себе. – Его дедушка не знает, что ему пойдёт на пользу, и держит его взаперти в полном одиночестве. Ему нужна компания весёлых мальчишек, с которыми можно поиграть, или ещё кто-нибудь молодой и весёлый. Я готова сама пойти и сказать об этом старому джентльмену!»

Эта мысль захватила Джо, которая любила совершать смелые поступки и всегда шокировала Мэг своим странным поведением. План «похода к дедушке» не был забыт, и в этот снежный день Джо решила предпринять попытку. Она видела, как мистер Лоуренс отъехал от дома в экипаже, и стала прокладывать себе путь в снегу, чтобы пробиться к живой изгороди, а потом остановилась и огляделась. Всё было тихо, занавеси на нижних окнах опущены, не было видно ни слуг, ни других людей, кроме головы с вьющимися чёрными волосами, опирающейся на тонкую руку у окна наверху.

«Вот он, – подумала Джо, – бедный мальчик! Он совсем один, и ему тоскливо в этот унылый день. Так не должно быть! Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул из окна, а потом скажу ему доброе слово». И вот пригоршня мягкого снега полетела вверх, и голова сразу повернулась,

показалось лицо, с которого тут же исчезло безразличное выражение, большие глаза заблестели, а губы растянулись в улыбке. Джо кивнула, засмеялась и, размахивая метлой, крикнула:

– Как дела? Ты что, заболел?

Лори открыл окно и хрипло прокаркал, как ворон:

– Мне уже лучше, спасибо. Я сильно простудился и неделю сидел взаперти.

– Сочувствую. А как ты развлекаешься?

– Никак. Здесь скучно, как в склепе.

– Ты что, не читаешь?

– Не так много. Мне не позволяют.

– А разве тебе никто не может почитать?

– Дедушка иногда читает, но мои книги ему неинтересны, а всё время просить Брука мне совсем не хочется.

– Тогда пусть кто-нибудь тебя навестит.

– Здесь нет того, кого я хотел бы видеть. Мальчишки так шумят, что у меня голова идёт кругом.

– Разве нет какой-нибудь милой девочки, которая почитала бы тебе и развлекала? Девочки не шумят и любят играть в медсестёр.

– Не знаю ни одной.

– Ты же знаешь нас, – начала Джо, потом рассмеялась и замолчала.

– Так и есть! Пожалуйста, заходи! – воскликнул Лори.

– Я, правда, не милая тихоня, но приду, если мама позволит. Пойду спрошу у неё. Закрой окно, будь хорошим мальчиком и жди моего прихода.

С этими словами Джо вскинула на плечо метлу и зашагала в дом, гадая, что ей скажут мама и сёстры. Лори взволновала мысль, что ему будет с кем пообщаться, и он поспешил подготовиться, и, будучи «маленьким джентльменом», как назвала его миссис Марч, он решил оказать честь ожидаемой гостье, расчесав копну своих вьющихся волос, надев свежий воротничок и попытавшись навести порядок в своей комнате, которая, несмотря на полдюжины слуг, совсем не выглядела опрятной. Вскоре раздался громкий звонок, затем решительный голос, спросивший «мистера Лори», и удивленный слуга побежал доложить о появлении молодой леди.

– Хорошо, проводите её сюда, это мисс Джо, – сказал Лори, направляясь к двери своего маленького кабинета, чтобы приветствовать Джо, которая появилась, румяная и такая неприуждённая, с накрытым блюдом в одной руке и тремя котятками Бет в другой.

– А вот и я со своими пожитками, – быстро сказала она. – Мама передаёт тебе привет и будет рада, если я смогу тебе чем-нибудь помочь. Мэг захотела, чтобы я принесла тебе её бланманже, оно у неё очень хорошо получается, а Бет подумала, что её котятка развлекут тебя. Я подумала, что это тебя позабавит, и не смогла им отказать.

Так получилось, что забавное одолжение Бет было как раз тем, что нужно Лори, так как, смеясь над котятками, он забыл о своей застенчивости и сразу стал куда общительнее.

– Это слишком красивое блюдо, чтобы его есть, – сказал он с довольной улыбкой, когда Джо сняла крышку и показала бланманже, окружённое гирляндой зелёных листьев и алыми цветами любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто все они хотели сделать для тебя что-нибудь хорошее. Скажи служанке, чтобы она подала это к чаю. Это лёгкое блюдо, тебе можно его есть, и так как оно нежное, то не будет раздражать твоё больное горло. Какая у тебя уютная комната!

– Может, и уютная, если бы её убирали почаще, но горничные ленивы, и я не знаю, как заставить их уделять этому больше внимания. Меня это расстраивает.

– Я приведу здесь всё в порядок за две минуты: всего-то нужно вымести золу из камина, вот так... и аккуратно расставить вещи на каминной полке, вот так... книги положить сюда, и

флакончики туда, и диван отвернуть от окна, а подушки немного взбить. Ну вот, мы и навели здесь порядок.

Так и было, потому что, смеясь и болтая, Джо расставляла вещи по местам и придавала комнате совершенно иной вид. Лори наблюдал за ней в почтительном молчании, а когда она пригласила его присесть на диван, он так и сделал и, удовлетворенно вздохнув, сказал с благодарностью:

– Как ты добра! Да, это именно то, что нужно. А теперь, пожалуйста, садись в большое кресло и позволь мне развлечь свою гостью.

– Нет, это я пришла тебя развлечь. Может, мне почитать вслух? – И Джо с нежностью посмотрела на некоторые заманчивые книги, лежавшие рядом с ней.

– Спасибо! Но я всё это уже прочёл и, если не возражаешь, давай лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Не возражаю. Я готова болтать целый день, если мне дать волю. Бет говорит, что я не знаю, когда остановиться.

– А Бет – это та румяная девочка, которая всё время сидит дома и изредка выходит на улицу с корзинкой? – с интересом спросил Лори.

– Да, это Бет, моя сестрёнка, и к тому же очень хорошая.

– Симпатичная – это Мэг, а кудрявая – Эми, кажется?

– Откуда ты это знаешь?

Лори покраснел, но честно ответил:

– Видишь ли, я часто слышу, как вы зовёте друг друга по имени, и когда я здесь сижу в одиночестве, то невольно смотрю на ваш дом, вы всегда так хорошо проводите время. Прошу прощения за грубость, но иногда вы забываете опустить занавеску на окне, где стоят цветы. А когда зажигают лампы, это всё равно что смотреть на картину, на которой камин и вы все сидите за столом с вашей матерью. Её лицо в обрамлении цветов прямо напротив окна, и оно такое милое, что я не могу отвести глаз. У меня нет матери, ты же знаешь. – И Лори поворошил угли в камине, чтобы скрыть лёгкую дрожь губ, которую он никак не мог унять.

Его взгляд, полный одиночества и страдания, проник прямо в сердце отзывчивой Джо. Её так бесхитростно воспитывали, что в её голове не было места для глупостей, и в пятнадцать лет она была невинной и открытой, как ребёнок. Лори болел и был одинок, и, чувствуя, что её дом богат счастьем, она была рада поделиться и с ним. Её лицо было очень дружелюбным, а её обычно резкий голос стал необычайно мягким, когда она сказала:

– Мы больше не будем закрывать наше окно занавеской, смотри на нас сколько хочешь. Но мне бы хотелось, чтобы вместо подглядывания ты бы пришёл к нам в гости. Мама такая чудесная, она будет к тебе очень добра, Бет споёт тебе, если я её попрошу, и Эми станцует. Я и Мэг рассмешим тебя нашими забавными сценками, и мы все хорошо повеселимся. Как ты думаешь, твой дедушка тебе разрешит?

– Думаю, он бы разрешил, если бы твоя мама попросила. Он очень добрый, хотя по нему этого не скажешь, и позволяет мне делать то, что я хочу, даже слишком мне потворствует, он только боится, что я буду обузой для посторонних, – начал Лори, все больше и больше оживляясь.

– Мы не посторонние, мы ваши соседи, даже не думай, что ты нам мешаешь. Мы хотим получше узнать тебя, и я так давно пыталась это сделать. Мы, знаешь ли, только недавно здесь поселились, но уже познакомились со всеми соседями, кроме вас.

– Понимаешь, дедушка живёт среди своих книг, и ему нет дела до того, что происходит вокруг. Мистер Брук, мой воспитатель, с нами не живёт, и мне не с кем гулять, так что я просто остаюсь дома и занимаюсь чем попало.

– Это плохо. Постарайся ходить в гости везде, куда тебя приглашают, тогда у тебя будет много друзей и приятных мест, куда можно пойти. Забудь про свою робость. Это быстро пройдёт, если ты будешь часто ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся, что его упрекнули в застенчивости, ведь Джо была так доброжелательна, и её прямолинейные слова нельзя было истолковать иначе, чем идущие от чистого сердца.

– Тебе нравится твоя школа? – спросил мальчик, меняя тему разговора после небольшой паузы, во время которой он смотрел на огонь, а Джо оглядывала комнату, очень довольная своей уборкой.

– Я не хожу в школу, я деловой человек, вернее сказать, я работаю. Я ухаживаю за своей двоюродной бабушкой, а она презлая старушка, сказать по правде, – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы задать ещё один вопрос, но вовремя вспомнив, что много расспрашивать о чужих делах невежливо, замолчал с неловким видом. Джо оценила его хорошее воспитание, к тому же она была не прочь посмеяться над тётушкой Марч, в красках описав неугомонную старую леди, её толстого пуделя, попугая, который говорил по-испански, и библиотеку, где она наслаждалась хорошими книгами. Лори это очень понравилось, и когда она рассказала о чопорном старом джентльмене, который однажды пришёл свататься к тётушке Марч, а в середине его прекрасной речи, к великому ужасу жениха, попугай Попка сорвал с него парик, мальчик откинулся на спинку дивана и хохотал до слёз так, что горничная просунула голову в комнату, чтобы посмотреть, что там происходит.

– О! Смех мне безмерно полезен. Расскажи что-нибудь ещё, пожалуйста, – сказал он, подняв с диванной подушки сияющее лицо, покрасневшее от смеха.

Окрылённая успехом, Джо продолжала свой рассказ об их пьесах и планах, надеждах и страхах за отца и о самых интересных событиях маленького мира, в котором жили она и её сёстры. Потом они заговорили о чтении, и, к радости Джо, она обнаружила, что Лори тоже очень любит читать и прочёл их даже больше, чем она сама.

– Если тебе так нравится читать, давай спустимся и посмотрим на наши книги. Дедушка ушёл, так что не бойся, – сказал Лори, поднимаясь с дивана.

– Я не из робкого десятка, – ответила Джо, тряхнув головой.

– Неужели! – воскликнул мальчик, глядя на неё с большим восхищением, хотя в глубине души полагал, что у неё были бы веские основания немного побаиваться старого джентльмена, если бы она застала его в дурном настроении.

В доме было тепло, словно летом, и Лори водил её из комнаты в комнату, позволяя Джо останавливаться, чтобы рассмотреть всё, что поражало её воображение. И вот наконец они пришли в библиотеку, где она захлопала в ладоши и запрыгала, как обычно делала, когда была чем-то сильно восхищена. Вдоль стен комнаты тянулись полки с книгами, там были картины, статуэтки, маленькие застеклённые шкафчики с коллекциями монет и дикувинок, глубокие стеганные кресла, причудливые столы, бронзовые фигурки и, что самое главное, большой камин, отделанный затейливыми изразцами.

– Какое богатство! – вздохнула Джо, опускаясь в глубину велюрового кресла и оглядываясь вокруг с выражением глубокого удовлетворения. – Теодор Лоуренс, ты, должно быть, самый счастливый мальчик на свете, – внушительно добавила она.

– Человек не может жить только книгами, – покачал головой Лори, усаживаясь на стол напротив.

Не успел он договорить, как зазвонил колокольчик, и Джо вскочила, воскликнув с тревогой:

– Бог мой! Это твой дедушка!

– А что такого? Ты ведь не из робкого десятка, – лукаво ответил мальчик.

– Мне кажется, я немного побаиваюсь его, сама не знаю почему. Матушка разрешила мне к тебе прийти, и я не думаю, что тебе от этого стало хуже, – сказала Джо, взяв себя в руки, хотя при этом она не сводила глаз с двери.

– Я чувствую себя намного лучше, и я тебе очень благодарен за это. Боюсь только, что разговор со мной тебя утомил, но мне было так приятно, что я не мог остановиться, – с благодарностью сказал Лори.

– К вам доктор, сэр. – И горничная поманила его рукой.

– Ты не против, если я оставлю тебя на минутку? Наверное, я должен его принять, – сказал Лори.

– Не обращай на меня внимания. Я от счастья сама не своя, – ответила Джо.

Лори вышел, а его гостя развлекалась в одиночестве. Когда дверь снова отворилась, Джо стояла перед прекрасным портретом старого джентльмена и, не оборачиваясь, решительно заявила:

– Теперь я уверена, что мне не следует его бояться, потому что у него добрые глаза, хотя его губы сурово сжаты и он выглядит как человек с огромной силой воли. Он не так красив, как мой дедушка, но он мне нравится.

– Благодарю вас, мэм, – раздался хриплый голос за её спиной, и когда она обернулась, то, к её великому ужасу, увидела перед собой старого мистера Лоуренса.

Бедняжка Джо залилась краской так, что покраснеть ещё сильнее было невозможно, и сердце её тревожно забилося, когда она подумала о том, что сказала. На мгновение её охватило дикое желание убежать, но это было бы трусостью, и девочки дома смеялись бы над ней, поэтому она решила остаться и выбраться из этой передраги на свой страх и риск. Посмотрев внимательнее, она увидела, что живые глаза под густыми бровями были даже добрее, чем на картине, и в них сверкал лукавый огонёк, который значительно уменьшил её страх. Хриплый голос прозвучал резче, чем прежде, и старый джентльмен внезапно спросил после ужасной паузы:

– Значит, вы меня не боитесь, да?

– Немного, сэр.

– И вы не считаете меня таким же красивым, как ваш дедушка?

– Не совсем, сэр.

– И у меня огромная сила воли, не так ли?

– Я только сказала, что я так думаю.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на это?

– Да, нравитесь, сэр.

Этот ответ обрадовал старого джентльмена. Он усмехнулся, пожал ей руку и, взяв её пальцем за подбородок, поднял потупившееся лицо, серьёзно осмотрел его и отпустил, сказал, кивнув:

– У вас характер вашего деда, хотя внешне вы на него не похожи. Он был прекрасным человеком, моя дорогая, но, что ещё важнее, он был храбрым и честным, и я горжусь нашей дружбой с ним.

– Спасибо, сэр. – И после этих слов Джо почувствовала себя совершенно спокойной, потому что слова старого джентльмена были ей по душе.

– Чем это вы тут занимались с моим мальчиком, а? – последовал прямой вопрос.

– Просто пыталась вести себя по-соседски, сэр. – И Джо подробно рассказала о своём визите.

– Вы считаете, его нужно немного подбодрить?

– Да, сэр, ему, кажется, немного одиноко, и общество молодых людей, возможно, пошло бы ему на пользу. Мы всего лишь девочки, но мы были бы рады помочь Лори, если бы могли,

потому что мы не забываем о великолепном рождественском подарке, который вы нам прислали, – с жаром сказала Джо.

– Ц-ц-ц! Благодарите моего мальчика. Как поживает та бедная женщина?

– Неплохо, сэр. – И Джо торопливо выпалила историю о семье Хюммель, в судьбе которой её мать смогла заинтересовать людей более состоятельных, чем они сами.

– Прямо как её отец, который делал всем добро. На днях я зайду повидать вашу мать. Так ей и передайте. А вот и колокольчик звонит к чаю – мы теперь рано пьём чай из-за болезни мальчика. Спускайтесь и продолжайте вести себя по-соседски.

– Если вы так хотите, сэр.

– Я бы не стал вас приглашать, если бы не хотел. – И мистер Лоуренс со старомодной учтивостью предложил ей руку.

«Что бы сказала на это Мэг?» – подумала Джо, когда её сопровождали к чаю, а в глазах её плясали весёлые огоньки, когда она представила, как будет рассказывать эту историю дома.

– Эй! Что, чёрт возьми, случилось с этим парнем? – спросил старый джентльмен, когда Лори сбегал вниз и остолбенел от неожиданности, увидев Джо под руку со своим грозным дедушкой.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал он, когда Джо бросила на него торжествующий взгляд.

– Это очевидно, судя по тому, как вы грохочете, сбегая вниз. Пойдёмте пить чай, сэр, и ведите себя как джентльмен. – И ласково взъерошив волосы мальчика, мистер Лоуренс двинулся дальше под руку с Джо, в то время как Лори за их спинами принимал разные комические позы, чем едва не заставил её расхохотаться.

Старый джентльмен почти не разговаривал, выпив четыре чашки чая, пока наблюдал за молодыми людьми, которые вскоре начали болтать, как старые друзья, и перемена в его внуке от него не ускользнула. К его лицу вернулись цвет, лучезарность и жизнь, к его поведению – энергия, а смех его стал искренне весёлым.

«Она права, парню одиноко. Посмотрим, как эти девочки смогут ему помочь», – подумал мистер Лоуренс, наблюдая и слушая. Джо ему понравилась, потому что ему импонировали её странные, грубоватые манеры, и она, казалось, понимала Лори почти так же хорошо, как если бы сама была мальчишкой.

Если бы Лоуренсы были тем, кого Джо называла «чопорными и высокомерными», она бы с ними вообще не поладила, потому что в присутствии таких людей она всегда чувствовала себя застенчиво и неловко. Но, находя их свободными и непринуждёнными, она вела себя так же и произвела хорошее впечатление. Когда все встали из-за стола, она собралась идти домой, но Лори сказал, что хочет показать ей ещё кое-что, и повел её в оранжерею, где специально для неё зажгли свет. Джо казалось, что она попала в сказку: она ходила туда-сюда по дорожкам, наслаждаясь стенами из цветов по обеим сторонам, мягким светом, влажным сладким воздухом, чудесными вьющимися растениями и ветками деревьев у неё над головой, в то время как её новый друг срезал самые прекрасные цветы, пока у него в руках не оказалась целая охапка. Потом он перевязал их, сказав со счастливым видом, который так понравился Джо:

– Пожалуйста, передай этот букет своей матери и скажи, что мне очень помогло лекарство, которое она мне прислала.

Вернувшись в дом, они увидели, что мистер Лоуренс стоит перед камином в большой гостиной, но внимание Джо целиком привлёк открытый рояль.

– А ты играешь? – спросила она, повернувшись к Лори, глядя на него с уважением.

– Иногда, – скромно ответил он.

– Пожалуйста, поиграй. Я хочу послушать, чтобы потом рассказать Бет.

– Сыграй ты первая.

– Я не умею. Я слишком глупая и никак не могу этому научиться, но я очень люблю музыку.

Поэтому Лори начал играть на рояле, а Джо слушала, с наслаждением зарывшись носом в букет из гелиотропов и чайных роз. Её уважение и почтение к Лоуренсу-младшему сильно возросло, потому что он играл замечательно, при этом не напуская на себя важного вида. Ей хотелось, чтобы Бет услышала его игру, но она не сказала этого вслух, а только стала его нахваливать, пока он не смутился и дед не пришёл ему на помощь:

– Довольно, довольно хвалить его, юная леди. Ему вредно много сладкого. Играет он неплохо, но я надеюсь, что он не меньше преуспееет и в более важных делах. Уходите? Что ж, я очень вам благодарен и надеюсь, что вы придёте к нам ещё. Передайте моё почтение вашей матушке. Спокойной ночи, доктор Джо. – Он ласково пожал ей руку, но вид у него был такой, словно ему что-то не понравилось. Когда они вышли в холл, Джо спросила Лори, не сказала ли она чего-нибудь лишнего. Он покачал головой.

– Нет, это из-за меня. Он не любит, когда я играю на рояле.

– А почему он против этого?

– Как-нибудь расскажу. Джон проводит тебя домой – я не могу.

– Не стоит беспокоиться. Я не корчу из себя юную леди, и до моего дома всего лишь пара шагов. Будь здоров!

– Ладно, но ты, надеюсь, придёшь к нам ещё?

– Если ты пообещаешь зайти к нам, когда поправишься.

– Обязательно.

– Спокойной ночи, Лори!

– Спокойной ночи, Джо, спокойной ночи!

Когда рассказ обо всех приключениях этого дня был окончен, вся семья изъявила желание отправиться в гости в полном составе, так как каждая нашла что-то очень привлекательное лично для себя в большом доме по ту сторону живой изгороди. Миссис Марч хотела поговорить об отце со стариком, который помнил его, Мэг мечтала прогуляться по оранжерее, Бет вздыхала о рояле, а Эми не терпелось увидеть прекрасные картины и статуэтки.

– Мама, а почему мистеру Лоуренсу не понравилось, что Лори играл на рояле? – спросила Джо, которая была любопытна.

– Я не уверена, но думаю, что причина в том, что его сын, отец Лори, женился на итальянской музыкантше, и она пришлась не по вкусу высокомерному старику. Эта дама была добра, привлекательна и хорошо воспитанна, но она ему не нравилась, и после женитьбы своего сына он перестал с ним общаться. Родители Лори умерли, когда он был совсем маленьким, и дедушка забрал внука к себе домой. Мне кажется, что у родившегося в Италии мальчика не очень крепкое здоровье и старик боится потерять его, поэтому он такой осторожный. У Лори естественная любовь к музыке, так как он пошёл в свою мать, и я думаю, его дед опасается, что он захочет стать музыкантом. Во всяком случае, талант внука напоминает ему о женщине, которая ему не нравилась, и поэтому он сердился, как ты сказала, Джо.

– О боже, как это романтично! – воскликнула Мэг.

– Как глупо! – сказала Джо. – Пусть он станет музыкантом, если хочет, и пусть старик не портит ему жизнь, отправляя его в колледж, который ему так ненавистен.

– Наверное, поэтому у него такие красивые чёрные глаза и изящные манеры. Итальянцы такие славные, – сказала Мэг, которая была немного сентиментальна.

– Откуда ты знаешь, какие у него глаза и манеры? Вы же с ним почти не разговаривали, – воскликнула Джо, которая совсем не была сентиментальна.

– Я видела его на вечеринке, и, судя по твоим рассказам, он знает, как себя вести. Он так мило отозвался о лекарстве, которое прислала ему мама.

– Он, наверное, имел в виду бланманже.

– Какая же ты глупая, детка! Он, конечно, имел в виду тебя.

– Неужели? – И Джо открыла глаза, как будто ей это даже не приходило в голову.

– В жизни не встречала такой девочки! Ты не понимаешь, когда тебе делают комплименты, – сказала Мэг с видом молодой леди, которая прекрасно разбирается в таких вещах.

– Я думаю, что комплименты – сущая чепуха, и я буду благодарна тебе, если ты не будешь портить мне настроение своими глупостями. Лори хороший мальчик, он мне нравится, но я не потерплю никаких сентиментальных разговоров о комплиментах и прочей ерунде. Мы все будем добры к нему, потому что у него нет мамы, и он может прийти к нам в гости, правда, мамочка?

– Да, Джо, твой юный друг будет самым желанным гостем, и я надеюсь, Мэг не забудет, что дети должны оставаться детьми как можно дольше.

– Я не считаю себя ребёнком, хотя я ещё не достигла подросткового возраста, – заметила Эми. – А ты что скажешь, Бет?

– Я думала о нашем «Путешествии пилигрима», – ответила Бет, которая не прислушивалась к разговору. – Как, решив быть хорошими, мы выбрались из Топи и прошли сквозь Тесные Врата, с трудом поднялись на Крутой Холм, и что на нём может стоять тот дом, полный великолепных вещей, который станет нашим Украшенным Чертогом.

– Но сначала мы должны пройти мимо львов, – сказала Джо, как будто её привлекала такая перспектива.

Глава 6

Бет находит украшенный чертог

Большой дом Лоуренсов действительно оказался Украшенным Чертогом, хотя сёстрам потребовалось некоторое время, чтобы попасть внутрь, и Бет было очень трудно пройти мимо львов, самым главным из которых был старый мистер. Но, после того как он навестил их дома, сказав что-то смешное или доброе каждой из девочек и поговорив о былых временах с их матерью, все перестали бояться его, кроме робкой Бет. Другим львом была их бедность. Лори был богат, и потому они стеснялись принимать его знаки внимания, на которые они не могли ответить. Но через некоторое время стало ясно, что это он считает их благодетелями и не может выразить свою благодарность миссис Марч за её материнское участие, за весёлое общество девочек и за уют, окружавший её в их скромном доме. Так что вскоре они забыли о своей гордости и открыто оказывали друг другу знаки внимания, не задумываясь, кто из них был щедрее.

В это время произошло много приятных событий, ибо новая дружба расцвела, словно природа весной. Вся семья души не чаяла в Лори, который по секрету сообщил своему воспитателю, что «сёстры Марч отличные девчонки». С восторженным энтузиазмом молодости они приняли одинокого мальчика в свою компанию и высоко ценили его, а он находил нечто привлекательное в невинном обществе этих простодушных девушек. Лишённый матери и сестёр, он быстро попал под их влияние, и их деловитый, активный образ жизни заставлял его стыдиться праздной жизни, которую он вёл. Ему надоели книги, и теперь он находил общение с людьми таким интересным, что мистеру Бруку приходилось делать весьма нелестные отчёты об успеваемости своего подопечного, потому что Лори постоянно прогуливал уроки и пропадал у Марчей.

– Ничего, пусть он немного отдохнёт от занятий, а потом наверстаёт упущенное, – сказал старый джентльмен. – Наша добрая соседка говорит, что он слишком много учится и нуждается в обществе его сверстников, развлечениях и физических нагрузках. Я думаю, она права, я слишком нянчился с этим парнем, играя роль его бабушки. Пусть поступает как знает, лишь бы был счастлив. Ему не сделают ничего плохого в этом маленьком женском царстве, а материнская забота миссис Марч не сравнится с тем, что можем сделать мы.

Как прекрасно они проводили время, поверьте! За пьесами и трогательными сценками, прогулками на санях, катанием на коньках, а также приятными вечерними посиделками в старой гостиной, и время от времени – весёлые маленькие праздники в большом доме Лоуренсов! Мэг могла в любое время прогуливаться по оранжерее, наслаждаясь собранными букетами, Джо жадно изучала книги в новой для неё библиотеке и шокировала старого джентльмена своими критическими замечаниями, Эми копировала картины и упивалась красотой от всей души, а Лори неподражаемо играл роль «хозяина усадьбы».

Хотя Бет страстно желала добраться до рояля, ей не хватало смелости, чтобы отправиться в «чертог блаженства», как называла его Мэг. Однажды она пошла туда вместе с Джо, но старый джентльмен, не зная о её робости, бросил на неё суровый взгляд из-под густых бровей и громко сказал: «Эй!» – так напугав девочку, что у неё затряслись поджилки, ничего не сказав матери, она убежала прочь, заявив, что никогда больше не пойдёт туда, даже ради столь дорогого для неё рояля. Никакие уговоры и соблазны не могли заставить её преодолеть свой страх, пока это каким-то таинственным образом не стало известно мистеру Лоуренсу, и он решил загладить эту неловкость. Во время одного из своих коротких визитов он искусно перевёл разговор на музыку, поведав истории о великих певцах, выступления которых посетил, и чудесных органах, которые ему довелось услышать, и рассказывал такие занимательные анекдоты, что Бет не могла усидеть в своём дальнем углу и, как зачарованная, подкрадывалась всё ближе и ближе

к старику. Она остановилась за спинкой его кресла и замерла, слушая с широко раскрытыми огромными глазами и возбуждённо раскрасневшись от такого необычного представления. Не обращая на неё внимания, как на муху, мистер Лоуренс продолжил говорить, перейдя к урокам и учителям Лори. И вдруг, словно эта мысль только что пришла ему в голову, он обратился к миссис Марч:

– Мальчик совсем забросил музыку, и я доволен этим, потому что он слишком увлекался ею в прошлом. Но инструмент портится, когда на нём не играют. Может быть, кто-нибудь из ваших девочек захочет иногда забегать к нам и играть на рояле, просто чтобы он не расстраивался, понимаете меня, мэм?

Бет шагнула вперёд и сжала руки в кулаки, чтобы не захлопать в ладоши, потому что такое предложение было непреодолимым искушением для неё, и у неё перехватило дыхание от одной мысли, что она будет играть на таком великолепном инструменте. Прежде чем миссис Марч успела ответить, мистер Лоуренс продолжил, загадочно кивнув и улыбаясь:

– Там никого не будет и им не придётся ни с кем разговаривать, они могут заходить в любое время. Потому что я закрываюсь в своём кабинете в другом конце дома, Лори часто отсутствует, а слуги никогда не заходят в гостиную после девяти.

Тут он встал, как бы собираясь уходить, и Бет решила заговорить, так как для неё не могло быть ничего лучше предложения старика.

– Пожалуйста, передайте юным леди то, что я сказал, и ничего страшного, если они не захотят прийти.

Тут маленькая рука скользнула в его ладонь, и Бет благодарно посмотрела на него снизу вверх, искренне и робко сказав:

– Ах, сэр, они хотят, очень-очень!

– Вы та девочка, которая любит музыку? – спросил он без всякого пугающего «Эй!», очень ласково глядя на неё сверху вниз.

– Я Бет. Я очень люблю музыку и приду, если меня точно никто не услышит и не потревожит, – прибавила она, боясь показаться невежливой и дрожа от собственной смелости.

– Ни одна живая душа, моя дорогая. Дом полдня пустует, так что буду признателен, если вы придёте и будете стучать по клавишам, сколько хотите.

От его дружелюбного взгляда Бет зарделась, как алая роза, но теперь она не боялась и крепко сжала его руку, потому что у неё не было слов, чтобы поблагодарить его за столь драгоценный подарок. Старый джентльмен нежно убрал прядь волос с её лба и, наклонившись, поцеловал девочку, сказав таким голосом, который редко кто когда-либо слышал от него:

– Когда-то у меня была маленькая девочка с глазами, как у тебя. Благослови тебя Бог, моя дорогая! Хорошего дня, мадам. – И он поспешно удалился.

Бет поделила свой восторг с матерью и бросилась наверх, чтобы сообщить эту славную новость своей семье кукол-инвалидов, так как сестёр не было дома. Как весело она пела в тот вечер и как все смеялись над ней, потому что она разбудила Эми ночью, во сне играя на её лице, как на пианино. На следующий день, увидев, как старый и молодой джентльмены вышли из дома, Бет, после двух или трех попыток, довольно быстро вошла в боковую дверь особняка и бесшумно, как мышь, направилась в гостиную, где стоял предмет её поклонения. Совершенно случайно, конечно, на рояле оказались ноты какого-то прелестного и лёгкого произведения, и дрожащими пальцами, часто останавливаясь, чтобы прислушаться и оглядеться, Бет наконец прикоснулась к клавишам огромного инструмента, тотчас забыв о своём страхе, о себе самой и обо всём, кроме невыразимого восторга, который доставляла ей музыка, ибо она была похожа на голос любимого друга.

Она оставалась в особняке, пока за ней не пришла Ханна, чтобы отвести её домой обедать, но у неё не было аппетита, и она могла только сидеть и улыбаться всем в состоянии полного блаженства.

После этого дня маленькая тень в коричневом капоре почти каждый день проскальзывала через изгородь, и большую гостиную посещал дух музыки, который незаметно появлялся и так же незаметно исчезал. Она и не догадывалась, что мистер Лоуренс приоткрывал дверь своего кабинета, чтобы послушать его любимые старомодные мелодии. Она так и не увидела Лори, снаружи охранявшего гостиную и не пускавшего к ней прислугу. Она и не подозревала, что ноты этюдов и новых песен, которые она находила на пюпитре, были положены туда специально для неё, и когда Лори говорил с ней о музыке у них дома, она думала только о том, с какой добротой он подсказывал ей именно то, что ей помогало. Поэтому она искренне наслаждалась, осознав, что её заветное желание исполнилось, что бывает очень редко. Возможно, за то, что она была так благодарна за этот дар судьбы, ей воздалось сторицей. Во всяком случае, она всё это заслужила.

– Мама, я собираюсь сшить тапочки для мистера Лоуренса. Он так добр ко мне, я должна отблагодарить его, и я не знаю другого способа. Можно? – спросила Бет через несколько недель после этого богатого событиями визита старика.

– Да, дорогая. Ему будет очень приятно, и это прекрасная возможность выразить свою признательность. Девочки помогут тебе с вышивкой, а я оплачу всё остальное, – ответила миссис Марч, которой было особенно приятно исполнять просьбы Бет, потому что она почти никогда ни о чём не просила.

После долгих серьёзных обсуждений вместе с Мэг и Джо они выбрали узор для вышивки, купили материал и приступили к работе над тапочками. Букетик тёмных, но ярких анютиных глазок на насыщенном фиолетовом фоне был признан очень подходящим и красивым, и Бет трудилась с утра до вечера, время от времени задерживаясь на трудных участках. Она была проворной маленькой рукодельницей, и тапочки были завершены прежде, чем работа стала её тяготить. Затем она написала короткую простую записку и однажды утром с помощью Лори, пока старый джентльмен спал, тайком положила их на его рабочий стол.

Когда первое волнение улеглось, Бет стала ждать, что произойдёт дальше. Прошёл день и половина следующего, а какой-либо реакции от старика не последовало, и она стала опасаться, что не угодила своему капризному другу. На второй день после полудня она отправилась выполнить поручение матери и вывести бедняжку Джоанну, больную куклу, на ежедневную прогулку. Возвращаясь по улице домой, она увидела, как три, нет, четыре головы мелькают в окнах гостиной, несколько рук машут ей, и слышались радостные голоса:

– Тебе письмо от старого джентльмена! Иди читай!

– О, Бет, он тебе прислал... – начала было Эми, энергично и нелепо жестикулируя, но не окончила фразу, потому что Джо прервала её, захлопнув окно.

Взволнованная Бет поспешила домой. В дверях сёстры подхватили её под руки, торжественной процессией отвели в гостиную, указывая на что-то пальцами и все одновременно говорили: «Смотри! Смотри!» Бет посмотрела и побледнела от восторга и удивления: в комнате стояло маленькое пианино, а на его глянцевой крышке, словно вывеска, лежало письмо, адресованное: «Мисс Элизабет Марч».

– Это мне? – задыхаясь, сказала Бет, держась за Джо и чувствуя, что она вот-вот упадёт – так она была ошеломлена.

– Да, только тебе, моя драгоценная! Разве это не прекрасно с его стороны? Ты не думаешь, что он самый милый старик на свете? Вот ключ в конверте. Мы его не открывали, но сгораем от нетерпения узнать, что он пишет, – воскликнула Джо, обнимая сестру и протягивая ей письмо.

– Лучше ты прочти! Я не могу, у меня кружится голова! О, это так мило. – И Бет уткнулась в фартук Джо, совершенно ошарашенная подарком.

Джо развернула письмо и рассмеялась, потому что первыми словами, которые она увидела, были:

«Мисс Марч, милостивая государыня!...»

– Вот бы мне кто-нибудь так написал! – воскликнула Эми, находившая это старомодное обращение очень элегантным.

– *«За свою жизнь я износил много тапочек, но ни одна пара не подходила мне лучше, чем те, что я получил от Вас, – продолжала Джо. – Анютины глазки – мои любимые цветы, и они всегда будут напоминать мне о нежной дарительнице. Я не привык оставаться в долгу и уверен, что Вы позволите старому джентльмену прислать Вам то, что когда-то принадлежало его маленькой внучке, которую он потерял. С искренней благодарностью и наилучшими пожеланиями,*

*Ваш благодарный друг и покорный слуга,
Джеймс Лоуренс».*

– Ну вот, Бет, тебе оказана честь, которой стоит гордиться, я уверена! Лори говорил мне, как мистер Лоуренс любил покойную девочку и как бережно хранил все её вещи. Только подумай, он подарил тебе её пианино. Это всё потому, что у тебя большие голубые глаза и ты любишь музыку, – сказала Джо, пытаясь успокоить Бет, которую била дрожь, и она выглядела такой взволнованной, как никогда прежде.

– Видишь, какие изящные подсвечники и красивая драпировка из зелёного шёлка – вся в складках, с золотой розой посередине, красивый пюпитр и стульчик, полный комплект, – добавила Мэг, открывая инструмент и демонстрируя его красоту.

– «Ваш покорный слуга, Джеймс Лоуренс». Только подумай, это он тебе написал! Я расскажу девочкам в школе. Это их впечатлит, – сказала Эми, восхищённая письмом.

– Поиграй-ка, милочка. Послушаем, как звучит эта крошка-пианино, – сказала Ханна, которая всегда разделяла все семейные радости и печали.

Бет заиграла, и все признали, что это самое замечательное пианино, которое они когда-либо слышали. Очевидно, что его недавно настроили и привели в образцовый порядок, но каким бы совершенным ни был инструмент, я думаю, что настоящее очарование заключалось в самом счастливом на свете лице, склонившемся над ним, когда Бет любовно коснулась красивых чёрно-белых клавиш и нажала блестящие педали.

– Тебе нужно пойти и поблагодарить его, – сказала Джо в шутку, потому что мысль о том, что девочка действительно пойдёт, даже не пришла ей в голову.

– Да, я и собиралась. Пожалуй, я пойду, пока мне не страшно думать об этом.

И, к крайнему изумлению всей семьи, Бет неторопливо пересекла сад, прошла сквозь живую изгородь и вошла в дом Лоуренсов.

– Ну, умереть мне на этом месте, если я в своей жизни видела что-нибудь подобное! Она совсем помешалась на этой пианине! Она бы никогда не пошла туда в здравом уме, – воскликнула Ханна, глядя ей вслед, в то время как девочки просто онемели от такого чуда.

Их бы ещё больше поразило, если бы они увидели, что сделала Бет потом. Поверите ли, она пошла и постучала в дверь кабинета старика, не успев опомниться, и когда хриплый голос крикнул: «Войдите!» – она вошла, прямо к мистеру Лоуренсу, которого застала врасплох, протянув ему руку и сказав с лёгкой дрожью в голосе: «Я пришла поблагодарить вас, сэр, за...» Но она недоговорила, потому что он выглядел таким дружелюбным, что она забыла свою речь и, помня только о том, что он потерял маленькую девочку, которую любил, обняла его обеими руками за шею и поцеловала.

Старый джентльмен удивился бы меньше, если бы вдруг снесло крышу его дома. Но ему это понравилось. О боже, да, ему это чрезвычайно понравилось! И он был так тронут и обрадован этим доверчивым поцелуем, что вся его обычная грубость исчезла, и он просто посадил её к себе на колени, прижался морщинистым лицом к её розовой щёчке, чувствуя себя так, словно снова обрёл свою маленькую внучку. С этого момента Бет перестала его бояться и сидела, разговаривая с ним так доверительно, словно знала его всю жизнь, ведь любовь прогоняет страх, а благодарность побеждает гордыню. Когда она пошла домой, он проводил её до калитки, сер-

дечно пожал ей руку и, коснувшись шляпы, зашагал обратно, выглядя очень величественно и не сутулясь, как подобает красивому, солидному старому джентльмену, каким и являлся. Когда девочки увидели эту сцену, Джо начала танцевать джигу, чтобы выразить, как она довольна, Эми чуть не выпала из окна от удивления, а Мэг воскликнула, воздев руки в воздух:

– Да, и впрямь настал конец света!

Глава 7

Эми в долине унижений

– Этот мальчик – настоящий *циклон*, не правда ли? – сказала однажды Эми, когда Лори проскакал мимо на лошади, размахивая хлыстом.

– Не смей так говорить, ведь у него два глаза! И к тому же очень красивые, – воскликнула Джо, которую возмущали любые пренебрежительные замечания в адрес её друга.

– Я ничего не говорила о его глазах и не понимаю, почему ты кипятишься, я восхищаюсь его ездой.

– Господи! Эта маленькая гусыня имела в виду кентавра, а назвала Лори циклопом, – воскликнула Джо, разразившись смехом.

– Не надо быть такой грубой, это всего лишь *ляпсус линвы*²³, как говорит мистер Дэвис, – возразила Эми, уничтожив Джо своей латынью. – Жаль только, что у меня нет и половины тех денег, которые Лори тратит на эту лошадь, – добавила она как бы про себя, надеясь, что сёстры услышат.

– Почему? – ласково спросила Мэг, так как Джо снова рассмеялась над вторым промахом Эми.

– Мне так нужны деньги. Я в долгах как в шелках, а моя очередь получить карманные деньги наступит только через месяц.

– У тебя долги, Эми? Что ты имеешь в виду? – И Мэг посерьёзнела.

– Ну, я должна по крайней мере дюжину маринованных лаймов²⁴ девочкам в школе, и я не смогу вернуть долг, пока у меня не будет денег, потому что мамочка запретила мне брать что-либо в лавке в кредит.

– Расскажи-ка поподробнее. Что, лаймы сейчас популярны? Раньше я прокалывала булавкой кусочки каучука, чтобы сделать мячики. – И Мэг старалась сохранить невозмутимое выражение лица, ведь Эми выглядела такой серьёзной и важной.

– Видишь ли, девочки всегда их покупают, и если ты не хочешь, чтобы тебя считали жадиной, ты тоже должна это делать. Сейчас нет ничего, кроме лаймов, и все сосут их под партами на уроках и на переменах меняют их на карандаши, кольца из бусин, бумажных кукол или ещё что-нибудь. Если одной девочке нравится другая, она даёт ей лайм. Если она злится на неё, она съедает лайм у неё на глазах и даже не предлагает попробовать. Они обычно угощают лаймами по очереди, и меня угощали уже много раз, а я – ни разу, и я должна вернуть этот долг чести, понимаешь.

– Сколько тебе нужно заплатить, чтобы вернуть их уважение? – спросила Мэг, доставая кошелек.

– Четверти доллара будет больше, чем нужно, и останется ещё несколько центов, чтобы угостить тебя. А ты не любишь лаймы?

– Не очень. Можешь забрать себе мою долю. Возьми деньги. Постарайся, чтобы их тебе хватило надолго, потому что, знаешь ли, это не так уж много.

– О, спасибо! Должно быть, так здорово, когда у тебя есть карманные деньги! Я устрою грандиозный пир, ведь на этой неделе я ни одного лайма не попробовала. Я чувствовала себя неловко, когда меня угощали, так как не могла ответить, и я страсть как хочу хотя бы одну штучку.

²³ Эми ненароком искажает *lapsus linguae* (лат.) – оговорка.

²⁴ Налог на импорт лаймов в США XIX века был низок, и по причине их дешевизны маринованные лаймы были чрезвычайно популярным лакомством среди школьников.

На следующий день Эми пришла в школу довольно поздно, но не смогла устоять перед искушением с горделивым видом (простим ей это) выставить на обозрение влажный сверток в коричневой бумаге, прежде чем спрятать его в самый дальний угол парты. Не прошло и нескольких минут, среди её «компании» прошёл слух, что Эми Марч купила двадцать четыре восхитительных лайма (один она съела по дороге в школу) и собирается всех угостить, что вызвало совершенно ошеломляющее внимание всех её подружек. Кэти Браун тут же пригласила её на следующую вечеринку. Мэри Кингсли настояла на том, чтобы одолжить ей свои часики до перемены, а Дженни Сноу, юная насмешница, которая подло высмеивала Эми за отсутствие у той лаймов, сразу же зарыла топор войны, предложив ей дать ответы на некоторые ужасающие задачи. Но Эми не забыла резких замечаний мисс Сноу, что «кое у кого нос хоть и плоский, но он всё равно суёт его в чужие лаймы, а у кого-то нос хоть и высоко задран, но это не мешает ему попрошайничать», и она мгновенно разбила надежды «этой девицы Сноу» уничтожающим посланием: «Нет нужды вдруг становиться такой учтивой, вы всё равно ничего не получите».

В то утро школу посетила некая знатная особа, и прекрасно выполненные географические карты Эми удостоились её похвалы, и эта честь, оказанная её врагу, терзала душу мисс Сноу, из-за чего мисс Марч напустила на себя вид молодого учёного павлина. Но, увы, увы! Гордыня до добра не доведёт, и мстительная Сноу нанесла ответный удар, закончившийся полным фиаско Эми. Едва гостя произнесла обычные банальные комплименты и откланялась, как Дженни, под предлогом важного вопроса, сообщила учителю, мистеру Дэвису, что Эми Марч прячет в парте маринованные лаймы.

Мистер Дэвис недавно объявил лаймы контрабандным товаром и торжественно поклялся публично наказать первого, кто будет уличён в этом нарушении правил. Этот очень терпеливый человек весьма преуспел в изгнании жевательной резинки после долгой и изнурительной войны. Он развёл костёр из конфискованных романов и газет, искоренил частную переписку, запретил гримасничать, давать прозвища и рисовать карикатуры, то есть сделал всё, что по силам одному человеку, чтобы держать в узде полсотни непослушных девочек. Мальчики, видит Бог, довольно сильно испытывают человеческое терпение, но девочки – гораздо сильнее, особенно если они досаждают нервным джентльменам, склонным к тирании, которые способны к преподаванию не более, чем доктор Блимбер²⁵. Мистер Дэвис в совершенстве знал греческий, латынь, алгебру и всевозможные «-ологии», поэтому его называли прекрасным учителем, игнорируя его воспитание, нравственный облик, эмоции и тот пример, который он мог подать своим ученицам. Это был самый благоприятный момент, чтобы обличить Эми, и Дженни об этом знала. В то утро мистер Дэвис, очевидно, выпил слишком крепкий кофе; дул восточный ветер, который всегда дурно действовал на его нервную систему, и его ученицы не оказали ему того уважения, которое он, по его мнению, заслуживал. Поэтому, говоря выразительным, но не столь изящным языком школьниц «он был зол, как карга, и сердит, как медведь». Слово «лаймы» словно воспламенило порох, жёлтое лицо учителя покраснело, и он стукнул по столу с такой силой, что Дженни помчалась к своей парте с необычным проворством.

– Внимание, девочки!

Его суровый окрик оборвал жужжание в классе, и пятьдесят пар голубых, чёрных, серых и карих глаз послушно уставились на его внушающее страх лицо.

– Мисс Марч, подойдите ко мне.

Эми поднялась, сохраняя внешнее спокойствие, сжимаясь внутри от страха, потому что лаймы давили на её совесть.

²⁵ Персонаж романа Чарльза Диккенса «Домби и сын» (1846–1848).

– И захватите с собой лаймы, которые вы прячете в своей парте, – неожиданно раздался приказ, который остановил её, не успела она встать.

– Все не бери, – прошептала её соседка, юная леди, отличавшаяся хладнокровием.

Эми поспешно вытряхнула из свёртка полдюжины лаймов и положила остальные перед мистером Дэвисом, чувствуя, что любой мужчина, у которого есть сердце, должен смягчиться, когда этот восхитительный аромат коснётся его носа. К несчастью, мистер Дэвис особенно сильно ненавидел запах модного маринада, и отвращение только усилило его гнев.

– И это всё?

– Не совсем, – запинаясь, пробормотала Эми.

– Немедленно принесите остальное.

Бросив отчаянный взгляд на свою компанию, она повиновалась.

– Вы уверены, что ничего больше нет?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Да, я вижу. А теперь возьмите эту мерзость в руки и бросайте в окно по две штуки.

Девочки одновременно издали вздох, отчего по классу пронёсся лёгкий ветерок, и последняя надежда улетучилась, когда угощение было вырвано из их алчущих губ. Покраснев от стыда и гнева, Эми ходила туда и обратно шесть ужасных раз, и когда каждая обречённая пара лаймов – о, таких пухленьких и сочных! – выпадала из её рук, неохотно ронявших их в окно, крики с улицы усугубляли страдания девочек, ибо они означали, что их заклятые враги – ирландские детишки – торжествуют, лакомясь их угощением. Это... это было уже слишком. Все бросали негодующие или умоляющие взгляды на неумолимого Дэвиса, а одна страстная любительница лаймов не выдержала и заплакала.

Когда Эми вернулась из своего последнего похода к окну, мистер Дэвис издал злое «Гм!» и сказал самым внушительным тоном:

– Юные леди, вы помните, что я говорил вам неделю назад. Мне очень жаль, что так получилось, но я никогда не позволяю нарушать свои правила и всегда держу своё слово. Мисс Марч, протяните руку.

Эми вздрогнула и, заложив обе руки за спину, обратила на него умоляющий взгляд, говорящий лучше, чем слова, которые она не могла произнести. Она была одной из любимиц «старины Дэвиса», как его, конечно, называли, и, по моему личному убеждению, он нарушил бы своё слово, если бы одна неугомонная молодая леди не выразила своего возмущения шипением. Это шипение, хотя и чуть слышное, разозлило вспыльчивого джентльмена и решило судьбу преступницы.

– Вашу руку, мисс Марч! – было единственным ответом на её немой призыв, и Эми, слишком гордая, чтобы плакать или умолять, стиснув зубы, вызываясь вскинула голову и, не дрогнув, стерпела несколько обжигающих ударов по своей маленькой ладошке. Ударов было несколько, и они были несильными, но для неё это уже не имело значения. Впервые в жизни её ударили, и позор в её глазах был таким страшным, как будто её опрокинули на землю.

– Теперь вы будете стоять на помосте до перемены, – сказал мистер Дэвис, решив довести дело до конца, раз уж он его начал.

Это было ужасно. Ей было бы достаточно тяжело даже вернуться на своё место и видеть сочувствующие лица своих подруг или довольные физиономии её немногочисленных врагов, но стоять на виду перед всей школой, только что перенеся такой позор, казалось просто невыносимым, и на секунду ей показалось, что она упадёт и расплачется, разбив своё сердце. Горькое чувство несправедливости и мысль о Дженни Сноу помогли ей это вынести, и, заняв позорное место на помосте, она, не мигая, смотрела на дымоход, который возвышался над тем, что теперь казалось морем лиц, и стояла там, такая бледная и неподвижная, что девочкам было трудно заниматься, видя перед собой эту жалкую фигуру.

В течение следующих пятнадцати минут гордая и чувствительная девочка испытывала стыд и боль, о которых помнила всю жизнь. Другим это могло показаться смешным или банальным, но для неё это был тяжёлый опыт, потому что все двенадцать лет жизни её окружала только любовь и никогда прежде она не испытывала подобных ударов. Ноющая рука и шемящее сердце отступили на второй план при мысли: «Мне придётся рассказать об этом дома, и все будут так разочарованы во мне!»

Пятнадцать минут показались ей целым часом, но наконец они подошли к концу, и слово «перемена!» никогда ещё не казалось ей таким приятным.

– Вы можете идти, мисс Марч, – сказал мистер Дэвис с чувством неловкости. Он не скоро забыл укоризненный взгляд, брошенный на него Эми, когда она, молча прошествовала прямо в переднюю, схватила свои вещи и покинула это место «навсегда», как она в сердцах заявила себе. Она была расстроена, придя домой, и, когда через некоторое время старшие девочки вернулись, тут же состоялся совет возмущённой семьи. Миссис Марч говорила мало, но выглядела встревоженной и нежно утешала свою несчастную маленькую дочь. Мэг обработала пострадавшую руку глицерином и омыла её своими слезами, Бет почувствовала, что даже её любимые котята не смогут исцелить такое горе, Джо гневно предложила немедленно арестовать мистера Дэвиса, а Ханна погрозила «злодею» кулаком и толкла картошку к обеду с такой яростью, как будто под пестом у неё был учитель.

Никто не обратил внимания на бегство Эми с уроков, кроме её подружек, но проницательные девицы заметили, что мистер Дэвис к концу дня стал весьма снисходительным, но при этом необычайно нервным. Перед самым закрытием школы Джо с мрачным выражением лица и гордым видом подошла к столу учителя, вручила ему письмо от матери, затем забрала вещи Эми и ушла, тщательно очищая грязь с ботинок о коврик у двери, словно стряхивая с ног прах этого места.

– Да, ты можешь устроить себе каникулы, но я хочу, чтобы ты всё-таки каждый день немного занималась с Бет, – сказала миссис Марч в тот вечер. – Я не одобряю телесных наказаний, особенно для девочек. Мне не нравится, как преподаёт мистер Дэвис, и я не считаю, что общение с такими девочками идёт тебе на пользу, поэтому я посоветуюсь с отцом, прежде чем отправить тебя в какую-нибудь другую школу.

– Как здорово! Вот бы все девочки ушли, как я, и старая школа Дэвиса закрылась. Я просто схожу с ума при мысли об этих прелестных лаймах, – вздохнула Эми с видом мученицы.

– Мне не жаль, что ты их лишилась, потому что ты нарушила правила и заслужила наказание за непослушание. – Эти суровые слова несколько разочаровали юную леди, которая не ожидала ничего, кроме сочувствия.

– Вы хотите сказать, что рады, что меня опозорили перед всей школой? – воскликнула Эми.

– Я бы выбрала другой способ исправления недостатков, – ответила мама, – но я не уверена, что он будет для тебя полезнее, чем более жестокий метод. Ты становишься довольно тщеславной, моя дорогая, и тебе уже пора исправлять это. У тебя много способностей и хороших качеств, но нет нужды выставлять их напоказ, ибо самодовольство портит даже прекрасный дар. Не беда, если истинный талант или добродетель надолго остаются незамеченными, даже если это так, человеку должно быть достаточно осознавать, что он отмечен им и правильно его использует, а скромность – поистине великое очарование любой силы.

– Так и есть! – воскликнул Лори, который играл в шахматы в углу с Джо. – Я был знаком с одной девочкой, у неё был действительно замечательный талант к музыке, но она не осознавала этого, даже не догадывалась, как милы были вещицы, которые она сочиняла в одиночестве, и никогда бы не поверила, если бы кто-нибудь об этом ей сказал.

– Как я хотела бы познакомиться с этой милой девочкой. Может быть, она помогла бы мне, ведь я такая глупая, – сказала Бет, которая стояла рядом с ним, жадно слушающая.

– Ты её знаешь, и она помогает тебе больше, чем кто-либо другой, – ответил Лори, многозначительно глядя на неё с таким озорством в весёлых чёрных глазах, что Бет вдруг сильно покраснела и спрятала лицо в диванную подушку, совершенно потрясённая таким неожиданным открытием.

Джо позволила Лори выиграть партию, чтобы отплатить ему за эту похвалу своей Бет, которую после этого комплимента нельзя было уговорить поиграть для них. Поэтому за пианино сел Лори и старался изо всех сил и восхитительно пел, пребывая в особенно оживлённом настроении, ибо у Марчей он редко проявлял угрюмую сторону своего характера. Когда он ушёл, Эми, весь вечер пребывавшая в задумчивости, вдруг спросила, словно ей в голову пришла новая мысль:

– А Лори способный мальчик?

– Да, он прекрасно образован и обладает большими способностями. Он вырастет хорошим человеком, если его не испортит чрезмерная опека, – ответила мама.

– И он совсем не тщеславный, правда? – спросила Эми.

– никоим образом. Поэтому он такой обаятельный и всем нам так нравится.

– Понимаю. Приятно быть воспитанным и элегантным, но не выпендриваться и не задирать нос, – задумчиво сказала Эми.

– Хорошие манеры всегда заметны и чувствуются в поведении и разговоре, если человек скромно ими пользуется, но не нужно выставлять их напоказ, – сказала миссис Марч.

– Это так же нелепо, как надевать на себя сразу все свои шляпки, платья и ленты, чтобы люди знали, что они у тебя есть, – добавила Джо, и наставление закончилось смехом.

Глава 8

Джо встречается с Аполлионом

– Девочки, вы куда-то собираетесь? – спросила Эми, войдя в их комнату одним субботним днём и обнаружив, что они с таинственным видом готовятся к выходу, что возбудило её любопытство.

– Не важно. Маленькие девочки не должны задавать много вопросов, – резко ответила Джо.

Если и есть что-то унижающее наши чувства, когда мы молоды, так это то, что нам нередко напоминают о нашем возрасте и говорят: «А теперь беги, дорогая». Эми пришла в негодование от подобного оскорбления и решила, что узнает тайну, даже если будет расспрашивать об этом целый час. Обращаясь к Мэг, которая никогда долго ей не противилась, она вкрадчиво сказала:

– Ну скажи! Я думаю, вы могли бы и меня взять с собой, потому что Бет возится со своим пианино, а мне нечего делать и очень одиноко.

– Я не могу, дорогая, потому что ты не приглашена, – начала было Мэг, но Джо нетерпеливо перебила её:

– Ты не можешь пойти с нами, Эми, так что не веди себя как ребёнок и не ной.

– Вы куда-то идёте с Лори, я знаю. Вчера вечером вы шептались и смеялись на диване, а когда я вошла, перестали. Разве вы не с ним куда-то идёте?

– Да, это так. А теперь успокойся и перестань нам докучать.

Эми придержала язык, но решила понаблюдать и увидела, как Мэг незаметно сунула в карман веер.

– Я знаю! Я знаю! Вы идёте в театр смотреть «Семь замков»!» – воскликнула она и решительно добавила: – И я пойду, потому что мама разрешила мне посмотреть этот спектакль, и у меня есть свои бумажные деньги, и было подло с вашей стороны не предупредить меня заранее.

– Послушай меня минутку и будь хорошей девочкой, – успокаивающе сказала Мэг. – Мама не хочет, чтобы ты выезжала на этой неделе, потому что твои глаза ещё недостаточно здоровы, чтобы выдержать яркий свет этой пьесы. На следующей неделе ты можешь поехать с Бет и Ханной и хорошо провести время.

– Это понравится мне вдвое меньше, чем если я пойду с вами и Лори. Пожалуйста, позволь мне пойти. Я так долго болела этой простудой и сидела взаперти, я умираю от желания повеселиться. Разреши мне, Мэг! Я буду очень хорошо себя вести, – умоляла Эми, стараясь выглядеть как можно более достойной жалости.

– А что, если мы возьмём её с нами. Я думаю, мама не будет возражать, если мы её хорошенько укутаем, – начала Мэг.

– Если она поедет, тогда я не поеду, и в таком случае Лори это не понравится, и будет очень невежливо тащить туда Эми, после того как он пригласил только нас. Я думаю, и ей не понравится соваться туда, куда её не просят, – сердито сказала Джо, которой не хотелось нянчиться с непоседливым ребёнком, потому что она хотела развлечься.

Её тон и поведение рассердили Эми, и она начала надевать ботинки, сказав самым раздражающим тоном:

– Мэг говорит, что я могу пойти с вами, и если я сама за себя заплачу, то Лори тут ни при чём.

– Ты не сможешь сесть с нами, потому что наши места зарезервированы, и тебе нельзя сидеть одной, поэтому Лори уступит тебе своё место, и это испортит нам всё удовольствие. Или он найдет для тебя другое место, а это неприлично, если тебя не приглашали. Ты не сделаешь

больше ни шагу, так что оставайся дома, – проворчала с ещё большим раздражением Джо, только что в спешке уколов себе палец булавкой.

Сидя на полу в одном ботинке, Эми начала плакать, а Мэг пыталась её урезонить, как вдруг Лори позвал их снизу, и обе девочки поспешили спуститься, оставив сестру рыдать. Время от времени она забывала о своих взрослых привычках и вела себя как избалованный ребёнок. Как раз в тот момент, когда все поспешили к началу вечеринки, Эми угрожающе крикнула, перегнувшись через перила:

– Ты ещё пожалеешь об этом, Джо Марч, вот увидишь!

– Ерунда! – отозвалась Джо, хлопнув дверью.

Они чудесно провели время, потому что пьеса «Семь замков Алмазного озера» была настолько чудесна, что лучше и не пожелаешь. Но, несмотря на смешных красных демонов, сверкающих эльфов и великолепных принцев и принцесс, в удовольствии Джо была капля горечи. Жёлтые кудри королевы фей напомнили ей об Эми, и в перерывах между выступлениями она развлекалась, гадая, что же сделает сестра, чтобы заставить её «пожалеть об этом». За свою жизнь они с Эми пережили немало бурных стычек, так как обе отличались вспыльчивостью и склонностью к насилию, если были вне себя. Эми дразнила Джо, а Джо растравляла Эми, и между ними происходили нередкие ссоры, которых обе потом очень стыдились. Хотя Джо была старше, она куда хуже владела собой и с трудом могла обуздать свой вспыльчивый нрав, постоянно доставлявший ей неприятности. Её гнев никогда не длился долго, и, смиренно признав свою вину, она искренне раскаивалась, стараясь всё исправить. Её сестры часто говорили, что им нравится доводить Джо до бешенства, потому что после этого она всегда становилась сущим ангелом. Бедная Джо отчаянно пыталась себя вести хорошо, но её закадычный враг всегда был готов вспыхнуть и одержать верх, и ей потребовались годы терпеливых усилий, чтобы его подавить.

Вернувшись домой, они застали Эми за чтением в гостиной. Когда они вошли, она приняла оскорблённый вид, не отрывая глаз от книги и не задав ни единого вопроса. Возможно, любопытство победило бы её негодование, если бы не расспросы Бет, восторгавшейся их рассказами о спектакле. Поднявшись наверх, чтобы убрать свою лучшую шляпку на место, Джо первым делом посмотрела на письменный стол, потому что во время их последней ссоры Эми успокоила свои чувства, перевернув на пол верхний ящик Джо вверх дном. Однако в этот раз всё было как прежде, и, быстро проверив различные шкафы, сумки и коробки, Джо решила, что Эми простила её и забыла свои обиды.

Но Джо ошиблась, ибо на следующий день она сделала открытие, которое вызвало бурю эмоций. Ближе к вечеру Мэг, Бет и Эми сидели вместе, когда в комнату ворвалась взволнованная и задыхающаяся Джо:

– Кто-нибудь брал мою книгу?

– Нет, – сразу ответили Мэг и Бет, и вид у них был удивлённый. Эми потушила огонь и ничего не сказала. Джо увидела, как она покраснела, и мгновенно набросилась на неё.

– Эми, она у тебя!

– Нет, не у меня.

– Значит, ты знаешь, где она!

– Нет, не знаю.

– Неправда! – воскликнула Джо, схватив её за плечи и глядя на неё так свирепо, что испугался бы даже кто-то куда храбрее Эми.

– Это не так. У меня её нет, я не знаю, где она сейчас, и мне всё равно.

– Ты что-то знаешь об этом, и тебе лучше рассказать всё немедленно или я тебя заставлю.

– Ругайся сколько хочешь, всё равно ты никогда больше не увидишь свою дурацкую старую книжку, – воскликнула Эми, в свою очередь тоже распаляясь.

– Почему же?

– Я её сожгла.

– Что?! Мою книжку, которую я так любила, над которой работала и собиралась закончить до возвращения отца? Ты действительно сожгла её? – спросила Джо, сильно побледнев, в то время как её глаза загорелись, а руки нервно сжали плечи Эми.

– Да, сожгла! Я же говорила, что заставлю тебя заплатить за то, что ты вчера была такой противной, и я так и сделала, так что...

Эми не смогла продолжить, потому что горячий нрав Джо взял верх, и, плача от горя и гнева, она затрясла Эми так, что у той застучали зубы...

– Ты злобная, дрянная девчонка! Я никогда не смогу написать всё это снова, и я никогда не прощу тебя, пока я жива.

Мэг ринулась спасать Эми, а Бет – успокаивать Джо, но та была вне себя, и, напоследок ударив сестру в ухо, она бросилась из комнаты к старому дивану на чердаке и закончила борьбу со своим гневом в одиночестве.

Буря внизу утихла, потому что миссис Марч вернулась домой и, услышав эту историю, вскоре заставила Эми осознать, что она поступила подло с сестрой. Джо неподдельно гордилась своей книгой, и её семья видела в ней росток литературного таланта, подающий большие надежды. Книга содержала всего с полдюжины маленьких сказок, но Джо усердно работала над ними, вкладывая в них всю душу и надеясь написать что-нибудь достойное быть опубликованным. Она недавно очень тщательно переписала свои сказки и уничтожила старый черновик, так что разведённый Эми костёр поглотил драгоценный труд нескольких лет. Другим это казалось незначительной потерей, но для Джо это было ужасным бедствием, и она чувствовала, что никогда не сможет с этим примириться. Бет скорбела, как по умершему котёнку, а Мэг отказалась защищать свою любимицу. Миссис Марч выглядела серьёзной и опечаленной, и Эми чувствовала, что никто не будет любить её так, как прежде, пока она не попросит прощения за свой поступок, о котором теперь сожалела больше всех.

Когда раздался звонок к чаю, появилась Джо, выглядевшая такой мрачной и неприступной, что Эми потребовалось всё её мужество, чтобы сказать кротко:

– Пожалуйста, прости меня, Джо. Мне очень, очень жаль.

– Я никогда тебя не прощу, – сурово ответила Джо и с этого момента не обращала никакого внимания на Эми.

Никто не говорил о случившейся великой беде, даже миссис Марч, ибо все по опыту знали, что, пока Джо в таком настроении, слова пропадут даром и самое мудрое – подождать, пока какая-нибудь маленькая случайность или её собственная великодушная натура не смягчат негодование Джо и не положат конец размолвке. Это был не самый веселый вечер, потому что, хотя они, как обычно, шили, а мать читала вслух Бремера, Скотта или Эджворта, чего-то не хватало, и милый домашний покой был нарушен. Острее всего они ощутили это, когда пришло время петь, потому что Бет могла только играть на пианино, Джо стояла онемевшая, как рыба, а Эми была совершенно разбита, так что Мэг и мама пели одни. Но, несмотря на все их усилия казаться весёлыми, как жаворонки, их голоса, похожие на звуки флейты, казалось, звучали не так хорошо, как обычно, и все чувствовали себя не в своей тарелке. Миссис Марч тихо шепнула, целуя Джо на ночь:

– Дорогая, не держи зла слишком долго. Простите друг друга, помогите друг другу и начните следующий день с чистого листа.

Джо хотелось прильнуть к материнской груди и выплакать всё своё горе и гнев, но слёзы были слабостью, не подобающей мужчине, и рана, нанесённая ей, была столь глубока, что она ещё не могла простить сестру до конца. Поэтому она с усилием сморгнула слёзы, покачала головой и сказала хрипло, потому что Эми подслушивала:

– Это было отвратительно с её стороны, и она не заслуживает прощения.

Сказав это, она демонстративно пошла спать, и в тот вечер не было ни веселья, ни доверительных бесед.

Эми была чрезвычайно оскорблена тем, что все её попытки помириться были отвергнуты, и начала жалеть, что так унижалась, почувствовав себя более униженной, чем когда-либо, и стала выпячивать свою высокомерную добродетель самым раздражающим образом. Джо по-прежнему напоминала грозовую тучу, и весь день всё шло наперекосяк. Утром было очень холодно, она уронила свой драгоценный пирожок в канаву, у тёти Марч случился нервный срыв, Мэг была особенно раздражительной, Бет выглядела печальной и задумчивой, а Эми продолжала делать замечания о некоторых людях, которые постоянно говорят о том, как важно быть добродетельными, но даже не пытаются следовать достойному примеру других.

– Вы все такие противные, приглашу-ка я Лори покататься на коньках. Он всегда такой добрый и радостный, и он меня точно развеселит, – сказала Джо, ни к кому не обращаясь, и вышла вон.

Эми услышала звон коньков и выглянула в окно, воскликнув с раздражением:

– Вот! Она обещала, что я смогу пойти с ней кататься в следующий раз, потому что это последний лёд в этом году. Но нет смысла просить такую злючку взять меня с собой.

– Не говори так. Ты вела себя очень гадко, и ей трудно простить потерю своей драгоценной книжечки, но я думаю, что теперь она могла бы это сделать, и мне кажется, что она так и поступит, если ты попробуешь попросить у неё прощения в нужный момент, – сказала Мэг. – Иди за ними. Не говори ничего, пока Джо не подбодрит, пообщавшись с Лори, и просто поцелуй её или сделай что-нибудь хорошее, и я уверена, что она искренне захочет помириться с тобой.

– Я постараюсь, – сказала Эми, потому что этот совет её устроил, и, поспешно собравшись, побежала за друзьями, которые вот-вот готовы были скрыться за холмом.

До реки было недалеко, но оба успели надеть коньки, прежде чем Эми добралась до них. Джо заметила её приближение и повернулась к ней спиной. Лори ничего не видел, так как осторожно катался вдоль берега, пробуя лёд на прочность, потому что перед недавним похолоданием была оттепель.

– Я доеду до первой излучины и проверю, всё ли в порядке, прежде чем мы начнем гонку, – услышала Эми слова Лори, когда он умчался, похожий на русского парня в своём отороченном мехом пальто и шапке.

Джо слышала, как запыхавшаяся Эми топает ногами и дует на пальцы, пытаясь надеть коньки, но так и не обернулась, медленно покотившись зигзагами вниз по реке, испытывая горькое, невесёлое удовлетворение от того, как непросто было её сестре. Она лелеяла свой гнев до тех пор, пока он не окреп и не овладел ею, как злые мысли и чувства обычно берут верх над людьми, если их сразу не прогнать. Когда Лори свернул за поворот, он крикнул, обернувшись назад:

– Держись поближе к берегу. На середине небезопасно.

Джо услышала это, а до Эми, с трудом державшейся на ногах, не донеслось ни слова. Джо оглянулась, и затаившийся в ней дьяволёнок шепнул ей на ухо: «Не важно, услышала она или нет, пусть сама о себе позаботится».

Лори миновал излучину, Джо приближалась к нему, а далеко позади Эми пыталась выбраться на середину, где лёд был ровнее. Джо вдруг застыла – ею овладело какое-то странное предчувствие, потом снова решила ехать дальше, но что-то удержало её, и она обернулась в тот самый миг, когда Эми, взмахнув руками, рухнула, затем внезапно раздался треск подтаявшего льда, всплеск воды и крик, сковавший страхом сердце Джо. Она хотела позвать Лори, но у неё пропал голос. Она попыталась броситься вперед, но ноги, казалось, не держали её, и секунду-другую она не могла двинуться с места, с ужасом глядя на маленький синий капор над чёрной водой. Что-то стремительно промчалось мимо неё, и раздался крик Лори:

– Принеси жердь. Быстрее, быстрее!

Как ей это удалось, она так никогда и не вспомнила, но следующие несколько минут она действовала как одержимая, слепо повинаясь Лори, который был совершенно спокоен и, лежа ничком, держал Эми за руку, другой протягивая ей хоккейную клюшку, пока Джо не выдернула жердь из забора и вместе они не вытащили её из воды – невредимую, но очень испуганную.

– А теперь мы должны как можно скорее отвести её домой. Набрось на неё наши вещи, а я пока сниму с себя эти проклятые коньки, – крикнул Лори, закутывая Эми в пальто и дёргая за ремни, которые никогда ещё не казались так замысловато застёгнутыми.

Они привели дрожащую, мокрую и плачущую Эми домой, и, когда улеглась суматоха, она уснула, завернувшись в несколько одеял перед жарким огнём камина. Во время этой суеты Джо почти не разговаривала, но летала вокруг, бледная и растрёпанная, полураздетая, в разорванном платье, с руками в ссадинах и ушибах из-за льда, жерди и непослушных застёжек коньков. Пока Эми спокойно спала, в доме воцарилась тишина, а миссис Марч сидела у кровати; она позвала Джо и начала перевязывать её израненные руки.

– Вы уверены, что ей ничего не угрожает? – прошептала Джо, с раскаянием глядя на золотую голову, которую она могла больше не увидеть, так как она навсегда бы исчезла под коварным льдом.

– Теперь она в полной безопасности, дорогая. Она невредима и, думаю, даже не простудится, ведь вы были так благоразумны, укрыв её своими вещами и быстро отведя домой, – бодро ответила мама.

– Это всё благодаря Лори. Я просто отвернулась от неё. Мама, если она умрёт, это будет моя вина. – И Джо, заливаясь слезами раскаяния, упала на пол рядом с кроватью, рассказывая обо всём, что случилось, горько осуждая своё жестокосердие и всхлипывая от благодарности за то, что она избавлена от ужасной кары, которая могла бы постигнуть её. – Всему виной мой скверный нрав! Я пытаюсь исправиться, думаю, что все позади, как вдруг становлюсь несносней, чем когда-либо. Ах, мама, что же мне делать? Что же мне делать? – в отчаянии воскликнула бедная Джо.

– Бодрствуй и молись ²⁶, дорогая, никогда не оставляй попыток победить свои недостатки и никогда не думай, что это невозможно, – сказала миссис Марч, притягивая к плечу растрёпанную голову и целуя мокрую от слёз щёку так нежно, что Джо расплакалась ещё сильнее.

– Вы не знаете, вы даже не догадываетесь, как всё плохо! Кажется, я могу сделать всё что угодно, когда я в ярости. Я становлюсь такой неуправляемой, что могу причинить боль любому человеку и наслаждаться этим. Я боюсь, что когда-нибудь сделаю что-то ужасное, испорчу себе жизнь и заставлю всех меня ненавидеть. Мамочка, помоги мне, сделай что-нибудь, помоги мне!

– Обязательно, дитя моё, обязательно. Не плачь так горько, но запомни этот день и всей душой прими решение, что другого такого дня больше никогда не будет. Джо, дорогая, у всех нас есть свои искушения, некоторые из которых гораздо сильнее твоих, и часто нам не хватает и всей жизни, чтобы преодолеть себя. Ты считаешь, что у тебя самый плохой характер на свете, но у меня ведь такой же.

– У тебя, мама? Но ведь ты никогда не сердишься! – И на мгновение Джо от удивления забыла о жалости к себе.

– Вот уже сорок лет, как я борюсь с собой, и мне удалось лишь научиться держать себя в руках. Я злюсь почти каждый день своей жизни, Джо, но я научилась не показывать этого, и я всё ещё надеюсь научиться не чувствовать этого, хотя такие старания могут занять ещё сорок лет.

Рассудительные слова и кроткое выражение лица, которое она так любила, были для Джо лучшим уроком, чем самое мудрое наставление, самый резкий упрёк. Она сразу же ощутила,

²⁶ Евангелие от Матфея, 26:41.

что ей сочувствуют и верят, и ей немедля полегчало. Осознание того, что у её матери был такой же недостаток, как и у неё, и она тоже пыталась исправить его, облегчало её страдания и укрепляло её решимость исправиться, хотя пятнадцатилетней девочке казалось, что сорок лет – это довольно долгий период, чтобы только бодрствовать и молиться.

– Мама, вы иногда поджимаете губы и выходите из комнаты, если тётя Марч ругается или когда другие люди вам докучают. Именно в эти моменты вы сердитесь? – спросила Джо, чувствуя себя ближе к матери, чем когда-либо.

– Да, я научилась сдерживать резкие слова, которые готовы сорваться с губ, и, когда я чувствую, что вот-вот сболтну лишнее, я просто ухожу на минуту и немного встряхиваю себя за то, что была такой слабой и злой, – ответила миссис Марч со вздохом и улыбкой, приглаживая и поправляя растрёпанные волосы Джо.

– Как ты научилась сдерживать этот поток слов? Вот что меня беспокоит, ведь грубости вылетают прежде, чем я могу осознать то, о чём говорю, и чем больше я говорю, тем хуже становлюсь, пока не получу удовольствие от того, что задеваю чувства людей и говорю им ужасные вещи. Скажи мне, как тебе это удастся, дорогая мамочка.

– Моя добрая матушка помогала мне...

– Как и ты – нам... – прервала её Джо благодарным поцелуем.

– Но я потеряла её, когда была немного старше тебя, и долгие годы мне приходилось бороться с собой в одиночестве, потому что я была слишком горда, чтобы признаться в своей слабости кому-то ещё. Мне пришлось нелегко, Джо, и я пролила немало горьких слёз из-за своих ошибок, так как, несмотря на все свои усилия, мне казалось, что у меня никогда не получится. Потом появился твой отец, и я была так счастлива, что мне стало легко быть доброй. Но мало-помалу, когда у меня родилось четверо маленьких дочерей и мы обеднели, я снова столкнулась со старыми неприятностями, ведь я по своей натуре нетерпелива, и мне было очень тяжело видеть, что мои дети в чём-то нуждаются.

– Бедная мама! Что же тогда тебе помогло?

– Твой отец, Джо. Он никогда не теряет терпения, никогда не сомневается и не жалуется, но всегда надеется, трудится и ждёт без уныния так, что при нём стыдно вести себя иначе. Он помогал мне и утешал меня, показывая, что я должна стремиться к тем добродетелям, которые я хотела бы видеть в своих дочерях, ибо я всегда буду для них примером. Было проще стараться ради вас, чем ради себя. Испуганный или удивлённый взгляд одной из вас в ответ на моё резкое слово служил мне самым большим упреком, а любовь, уважение и доверие моих детей были самой сладкой наградой за мои усилия стать такой женщиной, которой они бы могли подражать.

– О, мама, если я когда-нибудь стану хоть наполовину такой хорошей, как ты, я буду просто счастлива, – воскликнула Джо, сильно растрогавшись.

– Надеюсь, ты станешь намного лучше меня, дорогая, но ты должна следить за своим «закадычным врагом», как называет его отец, иначе это может опечалить, если не испортить тебе всю жизнь. Ты получила предупреждение. Помни об этом и постарайся всем сердцем и душой совладать со своим вспыльчивым нравом, пока он не принёс тебе ещё большие неприятности и сожаления, чем те, что сегодня выпали на твою долю.

– Я постараюсь, мама, я правда постараюсь. Но ты должна помочь мне, позаботиться обо мне и не позволять мне быть вспыльчивой. Я видела, как отец иногда прикладывал палец к губам и смотрел на вас с очень добрым, но серьёзным выражением лица, и вы всегда плотно сжимали губы и уходили. Об этом он напоминал вам тогда? – тихо спросила Джо.

– Да. Я попросила его мне помочь, и он никогда не забывал об этом, предостерегая меня от многих опрометчивых слов этим маленьким жестом и добрым взглядом.

Джо заметила, что глаза матери наполнились слезами, а губы задрожали, и, испугавшись, что сказала лишнее, она с тревогой прошептала:

– Было неправильно наблюдать за вами и говорить об этом? Я не хотела быть грубой, но мне так приятно говорить тебе обо всём, что я думаю, и чувствовать себя в безопасности и совершенно счастливой.

– Моя милая Джо, ты можешь говорить своей матери что угодно, ибо для меня величайшее счастье и гордость чувствовать, что мои девочки доверяют мне и знают, как сильно я их люблю.

– Я подумала, что огорчила тебя.

– Нет, дорогая, но разговор об отце напомнил мне, как сильно я скучаю по нему, скольким я ему обязана и как преданно я должна заботиться о его маленьких дочерях, стараясь, чтобы они были невредимы и чтобы он был ими доволен.

– И всё же ты сказала ему, чтобы он пошёл на войну, мама, и не плакала, когда он уходил, и никогда не жаловалась и не показывала, что тебе нужна помощь, – удивлённо сказала Джо.

– Я отдала стране, которую люблю, всё самое дорогое и сдерживала слёзы, пока он не ушёл. Почему я должна жаловаться, если мы оба просто выполняем свой долг и, несомненно, в конце концов станем от этого счастливее? Если мне кажется, что я не нуждаюсь в помощи, то это потому, что у меня есть друг лучше, чем даже твой отец, который утешит и поддержит меня. Дитя моё, беды и искушения твоей жизни только начинаются, и их может быть много, но ты сможешь преодолеть и пережить их все, если научишься так же чувствовать силу и нежность нашего Небесного Отца, как ты ощущаешь поддержку своего земного отца. Чем больше ты любишь Его и доверяешь Ему, тем меньше ты будешь зависеть от человеческой силы и мудрости. Его любовь и забота неустанны и никогда не изменятся, никогда не смогут быть отняты у вас, но могут стать источником мира, счастья и силы на всю жизнь. Верь в это от всего сердца и обращайся к Богу со всеми своими маленькими заботами, надеждами, грехами и печалью так же свободно и доверчиво, как ты приходишь к своей матери.

В ответ Джо только крепче прижалась к маме, и в наступившей тишине самая искренняя молитва из всех, которые она когда-либо читала, сотворилась в её сердце без слов. Ибо в этот печальный, но счастливый час она познала не только горечь раскаяния и отчаяния, но и сладость самоотречения и самоограничения и, ведомая рукой матери, приблизилась к Другу, который всегда встречает каждого ребёнка с любовью более сильной, чем любовь любого отца, более нежной, чем любовь любой матери.

Эми пошевелилась и вздохнула во сне, и, словно желая немедленно начать исправлять свою ошибку, Джо подняла глаза с выражением, которого никогда ещё не было на её лице.

– Я позволила солнцу сесть прежде, чем пройдёт мой гнев. Я не простила бы её, а сегодня, если бы не Лори, было бы уже слишком поздно! Как я могла быть такой злой? – спросила Джо вполголоса, наклоняясь к сестре и нежно поглаживая её мокрые волосы, рассыпавшиеся по подушке.

Как будто услышав её слова, Эми открыла глаза и протянула руки с улыбкой, которая проникла прямо в душу Джо. Ни одна из них не сказала ни слова, но они крепко обнялись, несмотря на одеяла, и всё было прощено и забыто после одного сердечного поцелуя.

Глава 9

Мэг отправляется на ярмарку тщеславия

– Какое счастье, что эти дети заболели корью именно сейчас, – сказала Мэг однажды апрельским днём, стоя упаковывая свой «выездной» чемодан в своей комнате, в окружении своих сестёр.

– И так мило со стороны Энни Моффат, что она не забыла о своём обещании. Целых две недели веселья будут просто великолепны, – ответила Джо, складывая юбки своими длинными руками, напоминая ветряную мельницу.

– И такая чудесная погода, я так этому рада, – добавила Бет, аккуратно раскладывая ленты для волос и бархотки в свою лучшую шкатулку, одолженную ею сестре ради такого торжественного случая.

– Как бы я хотела хорошо провести время и надеть все эти красивые вещи, – сказала Эми с полным ртом булавок, которыми она искусно наполняла игольницу сестры.

– А мне бы хотелось, чтобы вы все поехали со мной, но так как вы не можете этого сделать, я расскажу вам о своих приключениях, когда вернусь. Я уверена, это самое меньшее, что я могу сделать для вас, так как вы так добры, что одолжили мне свои вещи и помогли собраться, – сказала Мэг, рассматривая свои бедные наряды, казавшиеся сестрам безупречными.

– А что мама дала тебе из своей шкатулки с драгоценностями? – спросила Эми, которая не присутствовала при открытии некоего сундучка из кедрового дерева, в котором миссис Марч хранила остатки былой роскоши, чтобы подарить их своим девочкам, когда придёт время.

– Пару шёлковых чулок, красивый резной веер и чудесный голубой пояс. Я хотела взять фиолетовое шёлковое платье, но у нас нет времени, чтобы перешить его на меня, так что придётся довольствоваться моим старым платьем из тарлатана²⁷.

– Оно будет хорошо смотреться поверх моей новой нижней муслиновой юбки, а пояс замечательно его украсит. Жаль, что я разбила свой коралловый браслет, я бы тебе его дала, – сказала Джо, которая любила дарить и давать взаймы свои вещи, но те обычно были слишком ветхими, чтобы кому-то пригодиться.

– В сундучке с драгоценностями есть чудесная старинная жемчужина, но мама сказала, что живые цветы – самое красивое украшение для юной девушки, а Лори пообещал прислать мне из их галереи любые цветы, которые я захочу, – ответила Мэг. – Дайте-ка подумать, вот мой новый серый прогулочный костюм, только загни перо на шляпе, Бет, потом поплиновое платье – его можно надеть в воскресенье и на небольшую вечеринку, оно выглядит тяжеловатым для весны, не так ли? Как хорошо было бы взять фиолетовое шёлковое платье. О боже!

– Ничего, у тебя есть тарлатановое для большого бала, и в белом ты всегда похожа на ангела, – сказала Эми, размышляя об этом небольшом запасе нарядов, радовавшем её душу.

– Вырез у него не слишком глубокий, и оно недостаточно длинное, чтобы стелиться по полу, но сойдёт и это. Моё голубое домашнее платье так хорошо выглядит, после того как его перелицевали и заново отделали, и я чувствую себя в нём так, будто на мне новое платье. Моя шёлковая накидка выглядит старомодно, а шляпка совсем не такая, как у Салли. Мне не хотелось ничего говорить, но я была удручена, что у меня такой зонтик. Я сказала маме купить мне чёрный с белой ручкой, но она забыла и купила зелёный с желтоватой ручкой. Он крепкий и аккуратно сделан, так что я не должна жаловаться, но я знаю, что буду стыдиться того, как

²⁷ Схожая с кисейй лёгкая хлопчатобумажная ткань, из которой шили женские платья в XIX в.

он будет выглядеть на фоне шёлкового зонтика Эми с золотистым наконечником, – вздохнула Мэг, с большим неодобрением рассматривая свой маленький зонтик.

– Поменяй его, – посоветовала Джо.

– Это было бы очень глупо, и я не стану обижать маму, которая так старалась, покупая мне эти вещи. Это моё глупое мнение, и я не собираюсь ему поддаваться. Шёлковые чулки и две пары новых перчаток – вот моё утешение. Ты была так любезна, что одолжила мне свои перчатки, Джо. Я чувствую себя такой богатой и в некотором роде элегантной с двумя парами новых перчаток для балов и вычищенной парой старых на каждый день. – И Мэг бросила взгляд на свою коробку для перчаток, что её ободрило.

– У Энни Моффат на ночных чепчиках голубые и розовые бантики. Не могла бы ты пришить несколько лент на мой? – спросила она, когда Бет принесла стопку белоснежного белья из муслина, только что выглаженного Ханной.

– Нет, я бы не стала этого делать, потому что шикарные чепчики не подойдут к твоим простым ночным рубашкам без всякой отделки. Бедным людям не пристало так наряжаться, – решительно сказала Джо.

– Интересно, буду ли я когда-нибудь счастливой обладательницей настоящих кружев и бантов на своей одежде?

– На днях ты сказала, что была бы совершенно счастлива, если бы только могла пойти к Энни Моффат, – заметила Бет своим спокойным тоном.

– Да, я так говорила! Что ж, я счастлива и не буду недовольно ворчать, но мне кажется, что чем больше получаешь, тем больше хочешь, не так ли? Ну вот, всё готово и уложено, кроме моего бального платья, которое я лучше дам упаковать маме, – сказала Мэг, повеселев, переводя взгляд с наполовину заполненного чемодана на много раз отглаженное и заштопанное белое платье из тарлатана, которое она с важным видом называла своим «балльным платьем».

На следующий день всё было в порядке, и Мэг с шиком отбыла на две недели, полные новизны и развлечений. Миссис Марч согласилась на этот визит без большой охоты, опасаясь, что Маргарет вернётся ещё более недовольной, чем перед отъездом. Но она так упрашивала, и Салли обещала позаботиться о ней, и небольшое развлечение показалось таким восхитительным после утомительных зимних трудов, что мать уступила уговорам, и её дочь впервые отправилась навстречу светской жизни.

Моффаты ни в чём не отставали от моды, и простодушная Мэг поначалу была несколько обескуражена великолепием дома и элегантностью его обитателей. Но они были добрыми людьми, несмотря на ту праздную жизнь, которую вели, и вскоре помогли своей гостье освоиться в их доме. Возможно, Мэг почувствовала, сама не понимая почему, что они не были особенно образованными или умными людьми и что вся их позолота не могла полностью скрыть обычного материала, из которого они были сделаны. Конечно, приятно было изысканно питаться, ездить в прекрасном экипаже, каждый день надевать своё лучшее платье и ничего, кроме этого, не делать, только наслаждаться жизнью. Это её вполне устраивало, и вскоре она начала подражать манерам и разговорам окружающих, напускать на себя надменный вид и вести себя жеманно, употреблять французские фразы, завивать волосы, зауживать платья в талии и обсуждать моду так старательно, как только могла. Чем больше она смотрела на красивые вещи Энни Моффат, тем больше завидовала ей и мечтала стать богатой. Родной дом, когда она о нём вспоминала, теперь казался ей облезлым и унылым, работа казалась тяжелее, чем когда-либо, и она чувствовала себя очень бедной и ущербной девушкой, несмотря на свои новые перчатки и шёлковые чулки.

Впрочем, у неё было не так уж много времени на то, чтобы жаловаться, так как три юные девушки всё время усердно занимались «весёлым времяпрепровождением». Целыми днями они ходили по магазинам, гуляли, катались верхом и наносили визиты, посещали театры и оперы или весело проводили вечера дома, потому что у Энни было много друзей, и она знала,

как их развлечь. Её старшие сёстры были очень красивыми юными леди, и одна из них была помолвлена, что, по мнению Мэг, было чрезвычайно интересно и романтично. Мистер Моффат был полным, весёлым пожилым джентльменом и знал её отца, а миссис Моффат – толстой, весёлой пожилой дамой, любившей Мэг так же сильно, как и собственную дочь. Все баловали её, и Маргаритка, как они её стали называть, была на пути к тому, чтобы окончательно потерять голову.

Когда настало время для небольшой вечеринки, она обнаружила, что её поплиновое платье совсем не годится, потому что другие девушки надели лёгкие платья и выглядели очень изящно. Тогда из сундука было извлечено кисейное платье, выглядевшее ещё более старым, растянутым и потрёпанным, чем когда-либо, рядом с новеньким, хрустящим платьем Салли. Мэг заметила, как девочки посмотрели на её платье, а потом переглянулись, и её щёки запылали, потому что при всей своей мягкости она была очень горда. Никто не сказал ни слова, но Салли предложила ей сделать причёску, а Энни – повязать пояс, а Белль, помолвленная сестра, похвалила её белые руки. Но в их доброте Мэг увидела лишь жалость к своей бедности, и на душе у неё стало очень тяжело, когда она стояла одна в стороне, пока другие смеялись, болтали и порхали, как прозрачные бабочки. Тяжёлое, горькое чувство Мэг усилилось, когда горничная принесла коробку с цветами. Прежде чем она успела всё объяснить, Энни сняла крышку с коробки, и все стали восклицать, глядя на прекрасные розы, вереск и папоротник внутри.

– Это, конечно, для Белль, Джордж всегда присылает ей цветы, но эти просто восхитительны, – воскликнула Энни, шумно вдыхая аромат.

– Это для мисс Марч, как сказал посыльный. А вот и записка, – вставила горничная, протягивая её Мэг.

– Как интересно! От кого же они? А мы и не знали, что у тебя есть поклонник, – воскликнули девочки, порхая вокруг Мэг и сгорая от любопытства и удивления.

– Это записка от мамы, а цветы – от Лори, – просто ответила Мэг, всё же очень довольная, что он не забыл о ней.

– О да, конечно! – сказала Энни с шутливым выражением лица, когда Мэг сунула записку в карман, как своего рода талисман от зависти, тщеславия и ложной гордости, потому что несколько ласковых материнских слов пошли ей на пользу, а цветы порадовали её своей красотой.

Снова почувствовав себя почти счастливой, она отложила несколько папоротников и роз для себя, а из остальных цветов ловко сделала изящные букеты для корсажей, волос и юбок своих подруг, преподнося их так мило, что Клара, старшая сестра, сказала ей, что она «самая милая крошка, которую она когда-либо встречала», и все выглядели совершенно очарованными её небольшим знаком внимания. Каким-то образом этот добрый поступок покончил с её унынием, и, когда все остальные отправились показываться миссис Моффат, она увидела в зеркале счастливое, ясноглазое лицо, прикладывая папоротники к своим волнистым волосам и прикалывая розы к платью, которое теперь не казалось ей таким уж поношенным.

В тот вечер ей было очень весело, потому что она танцевала сколько душе угодно. Все были очень добры к ней, и она получила три комплимента. Энни попросила её спеть, и кто-то сказал, что у неё удивительно красивый голос. Майор Линкольн спросил, кто такая «эта новенькая девочка с прекрасными глазами», а мистер Моффат настоял на том, чтобы потанцевать с ней, потому что она «не канителится, есть в ней какая-то живость», как он изящно выразился. Так что в целом она прекрасно провела время, пока не услышала обрывок разговора, который чрезвычайно её встревожил. Она сидела в оранжерее, ожидая, когда её кавалер принесёт мороженое, как вдруг услышала голос, спрашивающий по другую сторону цветочной стены:

– Сколько ему лет?

– Шестнадцать или семнадцать, я думаю, – ответил другой голос.

– Одной из этих девочек очень бы повезло, не так ли? Салли говорит, что теперь они очень близки, и старик просто души в них не чает.

– Миссис М., я полагаю, уже всё спланировала и умело пользуется обстоятельствами. Сама девушка, очевидно, ещё даже не думает об этом, – сказала миссис Моффат.

– Она рассказала эту выдумку о своей маме, как будто всё знала заранее, и так мило покраснела, когда принесли цветы. Бедняжка! Она была бы просто прелесть, если бы только одевалась со вкусом. Как ты думаешь, она обидится, если предложить ей платье на бал в четверг? – спросил другой голос.

– Девица она гордая, но я не думаю, что она будет против, потому что старомодное кисейное платье – это всё, что у неё есть. Она может порвать его сегодня вечером, и это будет хорошим предлогом для того, чтобы предложить ей достойную замену.

Тут появился кавалер Мэг и обнаружил, что она сильно покраснела и была несколько взволнованна. Она была горда, и именно в этот момент её гордость была уместна, потому что она помогла ей скрыть своё унижение, гнев и отвращение к тому, что она только что услышала. Потому что, хотя она и была невинной и ничего не подозревала, она не могла не понять смысла сплетен своих подруг. Она старалась забыть об этом, но не могла и всё повторяла про себя: «Миссис М. уже всё спланировала», «эта выдумка насчёт её мамы» и «безвкусное кисейное платье», пока не почувствовала, что готова разрыдаться и помчаться домой, чтобы рассказать там о своих бедах и попросить совета. Поскольку это было невозможно, она, будучи довольно взволнованной, изо всех сил старалась казаться весёлой и преуспела в этом так, что никому и в голову не пришло, чего ей это стоило. Когда всё закончилось, она очень обрадовалась и притихла, лёжа в постели, где она всё долго обдумывала, удивлялась и кипела от негодования, пока у неё не заболела голова и несколько скатившихся из глаз слёз не остудили горячие щёки. Эти глупые, но сказанные из лучших побуждений слова открыли для Мэг новый мир и нарушили покой её прежнего мира, в котором она до сих пор жила счастливо, как ребёнок. Её невинная дружба с Лори была отравлена глупыми речами, которые она подслушала. Её вера в мать была немного поколеблена суетными планами, приписываемыми ей миссис Моффат, которая судила о других по себе, а разумное решение довольствоваться простым гардеробом, который вполне приличествовал дочери бедняка, было поколеблено ненужной жалостью девушек, считавших поношенное платье одним из величайших бедствий на земле.

Бедняжка Мэг провела беспокойную ночь и встала с тяжёлыми веками, несчастная, наполовину обиженная на своих подруг, наполовину стыдясь самой себя за то, что не высказалась откровенно и сразу не исправила ситуацию. В то утро все бездельничали, и только к полудню у девушек нашлось достаточно сил хотя бы для того, чтобы взяться за вышивание. Что-то в поведении её подруг сразу же поразило Мэг. Ей показалось, что теперь они проявляли к ней большое уважение, нежеле прежде, испытывали пристальный интерес к тому, что она говорила, и смотрели на неё глазами, в которых явно читалось любопытство. Всё это удивляло и льстило ей, хотя она не до конца всё понимала, и тут мисс Белль оторвалась от своего письма и сказала с сентиментальным видом:

– Маргаритка, дорогая, я послала приглашение твоему другу, мистеру Лоуренсу, на вечеринку в четверг. Мы хотели бы познакомиться с ним поближе, и это будет подходящим способом выразить тебе наше уважение.

Мэг покраснела, но озорная фантазия подразнить девушек заставила её скромно ответить:

– Вы очень добры, но я боюсь, что он не придёт.

– Почему не придёт, дорогая? – спросила мисс Белль.

– Он слишком стар.

– Дитя моё, что ты имеешь в виду? Сколько же ему лет, позволь узнать? – воскликнула мисс Клара.

– Кажется, около семидесяти, – ответила Мэг, считая стежки, чтобы скрыть веселье в глазах.

– Ах ты, лукавое создание! Мы, конечно, имели в виду молодого человека, – со смехом воскликнула мисс Белль.

– Но там нет молодых людей. Лори всего лишь маленький мальчик. – И Мэг рассмеялась, заметив странный взгляд, которым обменялись сёстры, когда она так охарактеризовала своего предполагаемого поклонника.

– Он примерно твоего возраста, – сказала Нэн.

– По возрасту он ближе к моей сестре Джо, а мне в августе исполнится семнадцать, – отозвалась Мэг, вскинув голову.

– Было очень мило с его стороны послать тебе цветы, не правда ли? – сказала Энни с видом всезнайки.

– Да, он часто присылает всем нам букеты, ведь у них растёт много цветов, а мы их очень любим. Моя мама и пожилой мистер Лоуренс – большие друзья, естественно, что мы, дети, играем друг с другом. – Мэг надеялась, что больше они не будут это обсуждать.

– Очевидно, наша Маргаритка ещё не распустилась, – кивнув, сказала мисс Клара Белль.

– Сама святая простота, – ответила мисс Белль, пожав плечами.

– Я собираюсь поехать купить кое-какие вещицы для моих девочек. Вам что-нибудь нужно, юные леди? – спросила миссис Моффат, неуклюже вваливаясь в комнату, как слон в шелках и кружевах.

– Нет, ничего, спасибо, мэм, – ответила Салли. – В четверг привезут моё новое розовое шёлковое платье, и мне ничего больше не нужно.

– И мне ничего... – начала было Мэг, но осеклась, потому что ей пришло в голову, что ей действительно нужны были какие-то вещи, но она не сможет их получить.

– А что ты наденешь? – спросила Салли.

– Всё то же старое белое платье, если я смогу зашить его так, чтобы не было заметно, как ужасно оно порвалось прошлым вечером, – сказала Мэг, стараясь говорить непринуждённо, но чувствуя себя очень неловко.

– Почему бы тебе не послать домой за другим платьем? – спросила Салли, которая была не слишком наблюдательной молодой леди.

– У меня нет других платьев. – Мэг стоило немалых усилий сказать это, но Салли ничего не заметила и воскликнула, дружелюбно удивившись:

– Нет других? Как забавно... – Она не закончила свою речь, потому что Белль покачала головой и ласково сказала:

– Ничего забавного. Какой смысл иметь много платьев, если она не выезжает? Нет никакой необходимости посылать домой за платьем, Маргаритка, даже если бы у тебя была их дюжина, потому что я приберегла чудесное голубое шёлковое платье, которое мне уже не впору, и ты наденешь его, чтобы доставить мне удовольствие, не так ли, дорогая?

– Вы очень добры, но я не против того, чтобы надеть своё старое платье, если не возражаете, оно вполне подходит для такой девушки, как я, – сказала Мэг.

– Ну позволь мне порадовать себя, нарядив тебя со вкусом. Я обожаю это делать, и ты стала бы настоящей юной красавицей, нужно только добавить пару небольших штрихов. Никто тебя не увидит, пока мы не закончим, а потом мы ворвёмся на бал, как Золушка и её крестная, – убедительным тоном сказала Белль.

Мэг не смогла отказаться от столь любезно сделанного предложения, потому что желание посмотреть, станет ли она «юной красавицей» после добавления к её облику нескольких «штрихов», заставило её согласиться, отринув все прежние сомнения насчет семьи Моффатов.

В четверг вечером Белль заперлась со своей служанкой в комнате, и они вдвоём стали превращать Мэг в прекрасную леди. Они уложили и завили ей волосы, нанесли ей на шею

и руки какую-то душистую пудру, покрасили коралловым бальзамом губы, чтобы они стали краснее. Гортензия добавила бы ещё «капельку румян», если бы Мэг не запротестовала. Они затянули её в небесно-голубое платье, которое было так тесно, что она едва могла в нём вздохнуть, а вырез был так глубокий, что скромная Мэг покраснела, увидев себя в зеркале. Также был добавлен набор филигранных серебряных украшений, браслеты, ожерелье, брошь и даже серьги – Гортензия привязала их к ушам Мэг розовыми шёлковыми ленточками, которых не было видно. Кисть бутонов чайной розы на груди и рюш примирили Мэг с видом своих прелестных белых плеч, а пара шёлковых сапожек на высоких каблуках удовлетворила последнее желание её сердца. Кружевной платочек, веер из перьев и букет в наплечнике завершили её наряд, и мисс Белль оглядела её с удовлетворением маленькой девочки, только что переодетшей куклу.

– Мадемуазель *charmante, tres jolie* ²⁸, не так ли? – воскликнула Гортензия, всплеснув руками в показном восторге.

– Пойдём, покажемся, – сказала мисс Белль, направляясь в комнату, где их ждали остальные девушки.

Когда Мэг с развевающимися кудряшками и бьющимся сердцем шла следом, шурша длинными юбками и позвякивая серьгами, ей казалось, что веселье наконец-то началось, ибо зеркало ясно показало ей, что она «юная красавица». Её подруги с энтузиазмом повторили этот приятный комплимент, и несколько минут она стояла, как галка из басни ²⁹, в восторге от своих взятых взаймы перьев, в то время как остальные болтали, как стая сорок.

– Пока я буду переодеваться, научи её, Нэн, как обращаться с юбкой и французскими каблуками, а то она может споткнуться. Клара, возьми свою серебряную бабочку и заколи вон тот длинный локон слева. И пусть никто из вас не притрагивается к этому прелестному творению моих рук, – сказала Белль и поспешила удалиться, явно довольная своим успехом.

– Ты совсем непохожа на себя, но очень мила. Мне с тобой не сравниться, ведь у Белль прекрасный вкус, а ты, уверяю тебя, просто настоящая француженка. Пусть цветы свободно свисают, не будь с ними так осторожна и смотри не споткнись, – ответила Салли, стараясь не замечать того, что Мэг куда красивей, чем она.

Хорошенько запомнив предостережения Салли, Маргарет благополучно спустилась по лестнице и вплыла в гостиную, где собрались Моффаты и несколько ранних гостей. Она очень скоро обнаружила, что в изысканной одежде есть некое очарование, привлекающее определенный тип людей и способное обеспечить их уважение. Несколько юных леди, прежде не обращавшие на неё внимания, вдруг стали с ней очень ласковы. Несколько юных джентльменов, которые только смотрели на неё на предыдущей вечеринке, теперь не только смотрели, но и просили, чтобы их ей представили, и говорили ей всякие приятные глупости, а несколько пожилых дам, сидевших на диванах и критиковавших остальных, с интересом спрашивали, кто она. Она услышала, как миссис Моффат ответила одной из них:

– Дейзи Марч... отец – полковник... одна из наших первых семей, но, знаете ли, превратности судьбы; близкие друзья Лоуренсов; милое создание, уверяю вас; мой Нед просто без ума от неё.

– Боже мой! – воскликнула старая леди, надевая очки, чтобы получше рассмотреть Мэг, которая старалась сделать вид, что не слышит, и была весьма шокирована выдумками миссис Моффат. «Это странное чувство» не проходило, но она представляла себе, как играет новую роль прекрасной дамы, и поэтому чувствовала себя довольно сносно, хотя от тесного платья у неё болели бока, шлейф всё время путался под ногами, и она постоянно боялась, что уронит серьги и те потеряются или сломаются. Обмахиваясь веером и смеясь над невнятными

²⁸ Очаровательна, очень красива (*фр.*).

²⁹ Персонаж басни, приписываемой Эзопу, – тщеславная галка, подобравшая павлиньи перья в попытке стать одной из них.

шутками молодого джентльмена, пытавшегося выглядеть остроумным, она вдруг смолкла и смутилась, увидев Лори. Он смотрел на неё с нескрываемым удивлением и, как ей казалось, неодобрением – хоть он и улыбнулся, поклонившись ей, что-то в его честных глазах заставило её покраснеть и пожалеть, что она всё-таки не надела своё старое платье. Она смутилась еще сильнее, увидев, как Белль толкнула Энни локтем, и обе перевели взгляд с неё на Лори, который, как она с радостью отметила, выглядел совсем по-мальчишески застенчивым.

«Глупые создания, зачем они внушили мне эти мысли. Я не буду обращать на них внимания и не позволю им как-то повлиять на меня», – подумала Мэг и, шелестя платьем, прошла через комнату, чтобы пожать руку другу.

– Я так рада, что ты пришёл, я боялась, что ты не появишься, – сказала она с самым взрослым выражением лица.

– Джо хотела, чтобы я пришёл сюда и рассказал ей потом, как ты выглядела, – ответил Лори, не поднимая на неё глаз, хотя и слегка улыбнулся её покровительственному тону.

– Что же ты ей скажешь? – спросила Мэг, сторая от любопытства узнать его мнение о ней, но впервые почувствовав себя с ним неловко.

– Я скажу, что не узнал тебя, потому что ты выглядишь такой взрослой и непохожей на себя, что я тебя очень боюсь, – сказал он, теребя пуговицу на своей перчатке.

– Как это нелепо с твоей стороны! Девушки нарядили меня забавы ради, и мне это даже нравится. Разве Джо не оторопела бы от удивления, если бы увидела меня сейчас? – спросила Мэг, пытаясь заставить его сказать, считает ли он, что она стала выглядеть лучше или нет.

– Думаю, да, – серьёзно ответил Лори.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – спросила Мэг.

– Нет, не нравишься, – последовал прямолинейный ответ.

– Почему? – встревоженно спросила она.

Он взглянул на её завитую голову, обнажённые плечи и замысловато украшенное платье с выражением, которое смутило её больше, чем его ответ, в котором не было ни капли обычной для него вежливости.

– Я не люблю пижонство.

Это было уже чересчур для парня моложе её, и Мэг ушла, рассерженно бросив:

– Ты самый грубый мальчишка, которого я когда-либо знала.

Чувствуя себя очень раздражённой, она подошла и тихо встала у окна, чтобы охладить свои щёки, потому что тесное платье придавало им неприятно яркий румянец. Мимо проходил майор Линкольн, и через минуту она услышала, как он говорит своей матери:

– Они дурачат эту маленькую девочку. Я хотел, чтобы вы на неё посмотрели, но они её совсем испортили. Сегодня она выглядит совсем как кукла.

– О боже! – вздохнула Мэг. – Жаль, что я не повела себя благоразумно, надев свои собственные вещи, тогда бы я не вызывала отвращения у других людей и не чувствовала себя так неловко и мне не было теперь стыдно за себя.

Она прислонилась лбом к прохладному стеклу и стояла, наполовину скрытая занавесками, не обращая внимания на то, что начался её любимый вальс, но тут кто-то коснулся её руки, и, обернувшись, она увидела Лори, который со словами раскаяния чрезвычайно вежливо поклонился ей и предложил свою руку.

– Пожалуйста, прости мне мою грубость и потанцуй со мной.

– Боюсь, тебе это не доставит удовольствия, – сказала Мэг, стараясь выглядеть оскорблённой, но у неё ничего не вышло.

– Отнюдь нет, я умираю от желания потанцевать. Идём, я буду вести себя прилично. Мне не нравится твоё платье, но, по-моему, сама ты просто великолепна. – И он всплеснул руками, как будто слова не могли выразить его восхищения.

Мэг улыбнулась, смягчилась и прошептала, пока они стояли в ожидании момента, чтобы вступить:

– Смотри, не споткнись о мою юбку. Это просто какое-то наказание, я была такой дурой, что надела её.

– Заколи её себе вокруг шеи, тогда она тебе больше пригодится, – сказал Лори, глядя на маленькие голубые сапожки, которые он явно оценил по достоинству. Они танцевали быстро и грациозно, потому что до этого много практиковались дома, двигались слаженно, и приятно было смотреть на то, как весело кружится эта жизнерадостная молодая пара, чья дружба лишь стала крепче после их небольшой размолвки.

– Лори, я хочу, чтобы ты сделал мне одно одолжение, – сказала Мэг своему кавалеру, обмахивающему её веером, когда у неё перехватило дыхание, что произошло очень скоро, хотя она и не созналась почему.

– Конечно! – с готовностью воскликнул Лори.

– Пожалуйста, не говори никому дома о моём сегодняшнем платье. Они не поймут этой шутки, и это расстроит маму.

– Тогда зачем ты так нарядилась? – Глаза Лори были так ясны, что Мэг поспешно добавила:

– Я сама им всё расскажу и «исповедуюсь» маме в том, какой глупой я была. Но я предпочла бы сделать это сама. Так что не рассказывай, ладно?

– Даю слово, что не буду, только что мне ответить, если меня спросят?

– Просто скажи им, что я неплохо выглядела и хорошо проводила время.

– Первое я скажу искренне, от всего сердца, но как насчёт второго? Ты не выглядишь так, будто хорошо проводишь время, не правда ли? – И Лори посмотрел на неё с таким выражением лица, что она ответила шёпотом:

– Нет, только не сейчас. Не думай, что я отвратительна. Я всего лишь хотела немного развлечься, но, как оказалось, такие развлечения того не стоят, и я уже устала от них.

– А вот и Нед Моффат. Что ему надо? – спросил Лори, нахмутив свои чёрные брови, как будто не считал молодого хозяина приятным дополнением бала.

– Он записался на три танца, и я думаю, он хочет их получить. Как скучно! – сказала Мэг, напустив на себя томный вид, что очень позабавило Лори.

Он не разговаривал с ней до самого ужина, пока не увидел, как она пьёт шампанское с Недом и его другом Фишером, которые вели себя «как пара дураков», как сказал себе Лори, чувствуя братское право присматривать за сёстрами Марч и заступаться за них всякий раз, когда им требовался защитник.

– Завтра у тебя будет раскалываться голова, если выпьешь лишнего. Я бы не стал этого делать, Мэг, твоей маме это не понравится, ты же знаешь, – прошептал он, наклоняясь над её стулом, когда Нед отвернулся, чтобы снова наполнить её бокал, а Фишер наклонился, чтобы поднять её упавший веер.

– Сегодня я не Мэг, а «кукла», которая совершает всякие безумства. Завтра я отброшу своё «пижонство» и снова буду отчаянно хорошей, – ответила она с жеманным смешком.

– Жаль, что завтра ещё не наступило, – пробормотал Лори, уходя, недовольный тем, как она переменилась.

Мэг танцевала и флиртowała, болтала и хихикала, как и другие девушки. После ужина она попыталась говорить по-немецки с немислимыми ошибками, чуть не опрокинула своего кавалера длинной юбкой и так резвилась, что это шокировало Лори, который смотрел на неё и подумывал прочесть ей нотацию. Но у него не было возможности ей что-либо сказать, потому что весь вечер Мэг держалась подальше от него, пока он не подошёл пожелать ей спокойной ночи.

– Помни о своём обещании! – сказала она, с трудом пытаясь улыбаться, потому что у неё уже начинала болеть голова.

– Буду нем, как могила, – уходя, ответил Лори с мелодраматическим жестом.

Эта небольшая пантомима возбудила любопытство Энни, но Мэг слишком устала для сплетен и отправилась спать, чувствуя себя так, словно побывала на маскараде и не получила ожидаемого удовольствия. Весь следующий день она плохо себя чувствовала и в субботу вернулась домой, совершенно измученная двумя неделями веселья и поняв, что «жизнь в окружении роскоши» слишком затянулась.

– Мне кажется, действительно приятно побыть в тишине, а не вести себя всё время чинно, как на людях. Дома хорошо, хоть здесь и нет такой роскоши, – сказала Мэг, оглядываясь вокруг с умиротворенным выражением лица, сидя воскресным вечером с матерью и Джо.

– Я рада это слышать, дорогая, потому что я боялась, что дом покажется тебе скучным и бедным после тех изысканных покоев, – ответила мать, бросив на неё в тот день не один тревожный взгляд, ибо материнские глаза быстро замечают любые изменения в лицах детей.

Мэг весело рассказывала о своих приключениях, снова и снова повторяя, как чудесно она провела время, но что-то всё ещё тяготило её, и когда младшие девочки ушли спать, она сидела с обеспокоенным видом, задумчиво глядя на огонь и почти ничего не говоря. Когда часы пробили девять и Джо собралась идти спать, Мэг вдруг встала со стула и, сев на табурет Бет, положила локти на колени матери и храбро сказала:

– Mamочка, я хочу «исповедоваться».

– Я так и думала. В чём дело, дорогая?

– Мне уйти? – осторожно спросила Джо.

– Конечно, нет. Разве я не всё тебе всегда рассказываю? Мне было стыдно говорить об этом при младших сёстрах, но я хочу, чтобы вы знали обо всех тех ужасных вещах, которые я совершила у Моффатов.

– Мы готовы, – сказала миссис Марч, улыбаясь, но выглядя немного встревоженной.

– Я говорила вам, что они меня нарядили, но не сказала, что они меня ещё и напудрили, затянули в корсет, завили и сделали меня похожей на модницу. Лори посчитал, что я вела себя неподобающе. Я знаю, что так оно и было, хотя он этого не сказал, и один человек назвал меня «куклой». Я понимала, что это глупо, но они льстили мне и говорили, что я красавица и много всякой ерунды, поэтому я позволила им сделать из себя дурочку.

– И это всё? – спросила Джо, в то время как миссис Марч молча смотрела на потупившееся лицо своей симпатичной дочери и не находила в себе сил винить её за эти маленькие шалости.

– Нет, я пила шампанское, резвилась, пыталась флиртовать и вообще вела себя отвратительно, – сказала Мэг, терзаясь угрызениями совести.

– Мне кажется, это не всё. – И миссис Марч погладила её нежную щеку, вдруг покрасневшую, когда Мэг медленно ответила:

– Да. Это очень глупо, но я хочу об этом рассказать, потому что мне не нравится, что люди говорят и думают такие вещи о нас с Лори.

Потом она пересказала разные обрывки сплетен, которые слышала у Моффатов, и, пока она говорила, Джо заметила, как её мать плотно сжала губы, словно ей было неприятно, что такие мысли пришли в голову невинной Мэг.

– Ну, это самая большая чушь, которую я когда-либо слышала, – возмущенно воскликнула Джо. – Почему ты не выбежала и не сказала им об этом прямо на месте?

– Я не могла, мне было так неловко. Сначала я не могла этого не слушать, а потом я очень разозлилась и мне стало так стыдно, что я даже не подумала, что должна была уйти.

– Подожди, вот встречу Энни Моффат, и я покажу тебе, как решать такие нелепые вопросы. Что за чушь – строить «планы» и благоволить к Лори, только потому, что он богат

и может жениться на нас в будущем! Разве он не рассмеётся, когда я расскажу ему, какие глупости говорят о нас, бедных девушках? – И Джо рассмеялась, словно, поразмыслив, решила, что это хорошая шутка.

– Если ты расскажешь Лори, я никогда тебе этого не прощу! Она ведь не должна этого делать, правда, мама?

– Нет, никогда не повторяй эти глупые сплетни и забудь об этом как можно скорее, – серьёзно сказала миссис Марч. – Я поступила очень неразумно, отпустив тебя к людям, которых я так плохо знаю, добрым, полагаю, но суетным, невоспитанным и полным этих пошлых предрассудков о молодёжи. Я сожалею больше, чем могу выразить, о том вреде, который мог причинить тебе этот визит, Мэг.

– Не нужно извиняться, я не стану страдать из-за этого. Я забуду всё плохое и буду помнить только хорошее, потому что мне многое понравилось, и я очень благодарна вам за то, что вы меня отпустили. Я не буду лить слёзы или досадовать, мама. Я знаю, что я глупая девчонка, и я останусь с тобой, пока не буду в состоянии позаботиться о себе. Но так приятно, когда тебя хвалят и восхищаются тобой, и я не могу не признать, что мне это нравится, – сказала Мэг, слегка стыдась своего признания.

– Это совершенно естественно и вполне безобидно, если только желание нравиться не превращается в одержимость и не заставляет человека совершать глупые или неблагочестивые поступки. Научись воспринимать и ценить похвалу, которая стоит того, чтобы её получить, и вызывать восхищение прекрасных людей, будучи не только красивой, но и скромной, Мэг.

Маргарет немного посидела в раздумьях, а Джо стояла, заложив руки за спину, и выглядела одновременно заинтересованной и немного озадаченной, потому что ей было в новинку видеть, как Мэг краснеет и говорит о восхищении, поклонниках и тому подобном. И Джо чувствовала, что за эти две недели её сестра удивительно выросла и уходит от неё в тот мир, куда она не могла за ней последовать.

– Мама, так у вас есть планы, как выразилась миссис Моффат? – сконфуженно спросила Мэг.

– Да, моя дорогая, у меня их очень много, как и у всех матерей, но я подозреваю, что мои планы несколько отличаются от предположений миссис Моффат. Я расскажу тебе кое-что о них, ибо настало время, когда одно слово может настроить твой романтический ум и душу на очень серьёзный лад. Ты молода, Мэг, но не настолько, чтобы не понять меня, а материнские уста предназначены для того, чтобы говорить о таких вещах с такой девушкой, как ты. Джо, твоя очередь, возможно, тоже придёт со временем, так что послушай и ты о моих «планах» и помоги мне их осуществить, если они хороши.

Джо подошла и села на подлокотник кресла, выглядя так, будто она решила, что они собираются поучаствовать в каком-то очень торжественном событии. Держа каждую из них за руку и задумчиво глядя на два юных лица, миссис Марч сказала серьёзно, но оживлённо:

– Я хочу, чтобы мои дочери были красивыми, образованными и добрыми девушками. Чтобы ими восхищались, любили их и уважали. Чтобы они прожили счастливую юность, мудро вступили в хороший брак и вели полезную, приятную жизнь с небольшими заботами и печальями, которые Бог сочтёт нужным им послать. Быть любимой и избранной хорошим мужчиной – это самое лучшее и приятное, что может случиться с женщиной, и я искренне надеюсь, что мои девочки получают этот прекрасный опыт. Думать об этом вполне естественно, Мэг, надеяться и ждать этого – правильно, и нужно мудро готовиться к этому, чтобы, когда придёт счастливое время, ты почувствовала себя готовой к обязанностям жены и достойной радостей. Мои дорогие девочки, я честолюбива по отношению к вам, но не для того, чтобы вы безрассудно врывались в мир, выходили замуж за богатых людей только потому, что они богаты, или имели великолепные дома, которые не являются домами в истинном смысле слова, так как в них не хватает любви. Деньги – нужная и ценная вещь, а при разумном использовании – благородная,

но я никогда не захочу, чтобы вы считали, что это главная или единственная награда, к которой нужно стремиться. Я предпочла бы видеть вас жёнами бедняков, если бы вы при этом были счастливы, любимы, довольны, а не королевами на тронах, лишёнными самоуважения и покоя.

– Бедные девушки не имеют никаких шансов, говорит Белль, если только они не постараются как-то выделиться, – вздохнула Мэг.

– Тогда мы останемся старыми девами, – решительно заявила Джо.

– Право, Джо, лучше быть счастливыми старыми девами, чем несчастными жёнами или незамужними девушками, которые носятся в поисках мужей, – решительно заявила миссис Марч. – Не беспокойся, Мэг, бедность редко пугает искреннего поклонника. Некоторые из лучших и самых уважаемых женщин из тех, которых я знаю, были бедными девушками, но настолько достойными любви, что было просто немыслимо, чтобы они остались старыми девами. Всё это дело времени. Сделайте счастливым этот дом, чтобы подготовиться к жизни в своих собственных домах, если вам их предоставят, и довольны родным домом, если другого дома у вас не будет. Запомните одну вещь, девочки. Ваша мама всегда готова быть для вас наперсницей, папа – вашим другом, и мы оба надеемся и верим, что наши дочери, замужние или одинокие, станут гордостью и утешением нашей жизни.

– Обязательно, мама, обязательно! – воскликнули обе от всего сердца, когда мисс Марч пожелала им спокойной ночи.

Глава 10 «П. К.» И «П. О.»

С наступлением весны в обиход вошли новые развлечения, а ставшие длиннее дни предоставили девушкам не один лишний послеполуденный час для работы и всевозможных игр. Нужно было привести в порядок сад, и у каждой сестры была четверть небольшого участка, где они могли делать всё, что им заблагорассудится. Ханна обычно говорила: «Я бы узнала, кому какой садик принадлежит, даже если бы они в Китае были», – и она действительно могла это сделать, потому что вкусы девочек отличались так же сильно, как и их характеры. На участке Мэг росли розы, гелиотроп, мирт и маленькое апельсиновое деревце. Клумба Джо никогда не была одинаковой два сезона подряд, потому что она всегда старалась экспериментировать. В этом году здесь должна была быть плантация подсолнухов, чтобы семена этого стремящегося к небу растения с весёлой клумбы Джо могли послужить пищей курочке-пеструшке и её семейству цыплят. У Бет в саду росли старомодные ароматные цветы: душистый горошек и резеда, шпорник, гвоздика, анютины глазки и кустарниковая полынь, звездчатка для птиц и кошачья мята для кошек. У Эми была довольно тесная и полная уховёрток, но очень красивая на вид беседка, где повсюду свисали изящные гирлянды разноцветных чашечек и колокольчиков жимолости и пурпурного выюнка, росли высокие белые лилии, нежные папоротники и другие яркие, живописные растения, которые согласились там цвести.

В погожие деньки они занимались садоводством, гуляли, собирали цветы, а в дождливые дни устраивали домашние развлечения – старые и новые, все более или менее оригинальные.

Одним из них был «П. К.»: тайные общества были тогда в моде и считалось необходимым создать подобное общество, а так как все девочки восхищались Диккенсом, свой клуб они назвали Пиквикским. В течение года с небольшими перерывами девочки поддерживали жизнедеятельность этого общества, каждую субботу по вечерам собираясь в большом помещении чердака, где церемонии проходили следующим образом. Три стула были расставлены в ряд перед столом, на котором стояла лампа, лежали четыре эмблемы клуба – белые карточки, на каждой из которых разными цветами были написаны большие буквы «П. К.», и еженедельная газета под названием «Пиквикский портфель», для которой все сёстры писали разные заметки, а Джо, одержимая пером и чернилами, была редактором. В семь часов вечера все четыре члена общества поднимались в клубную комнату, повязывали на головы эмблемы и с большой торжественностью занимали свои места. Мэг, как самая старшая, была Сэмюэлом Пиквиком, Джо, у которой был литературный дар, – Огастесом Снодграссом, пухленькая и румяная Бет была Трейси Тапменом, а Эми, которая всегда пыталась делать то, что ей плохо удавалось, – Натаниэлем Уинклем. Президент Пиквик зачитывал газету, наполненную оригинальными рассказами, стихами, местными новостями, шутливой рекламой и намёками, с помощью которых они добродушно напоминали друг другу о своих проступках и недостатках. Как-то раз мистер Пиквик надел очки без стёкол, постучал по столу, хмыкнул, пристально глядя на мистера Снодграсса, пока тот не перестал раскачиваться на стуле и сел ровно, и начал читать:

ПИКВИКСКИЙ ПОРТФЕЛЬ

20 мая 18

ПОЭТИЧЕСКИЙ УГОЛОК

ЮБИЛЕЙНАЯ ОДА

Друзья! Сегодня встретим вечер

Мы в Пиквик-Холле и на встрече
Отметим памятную дату,
Ведь ровно пятьдесят два года
Назад мы все, запанибрата,
Создали клуб – о том и ода!

Мы вместе, живы и здоровы,
И руки жмём друг другу снова,
С очками на носу, газету
Читает Пиквик и поэтам
И журналистам шлёт приветы.
Простуженный, даёт советы,

Но, несмотря на его кашель,
Его мы слушаем, как раньше...
Вот Снодграсс – смуглый и высокий,
Как слон он грациозен, весел,
Поэзия в глазах глубоких
Горит огнём грядущих песен,

Пятно на носике у друга,
Честолюбив – но по заслугам.
Вот Тапмен, пухлый и румяный,
Над каламбурами хохочет,
Со стула падает, как пьяный,
Наш мирный радостный дружочек,

Вот, чопорный и низкорослый,
Наш Уинкль, он невозможно взрослый,
И каждый волосок на месте,
Он просто образец приличий,
Хотя, друзья, я буду честен,
К мытью относится скептически.

Год позади, и мы для смеха,
Для чтения и для успехов
Собрались вновь! Ура газете!
Да здравствует наш клуб, пусть годы
Наш «Пиквикский портфель» отметят
Удачами! О том и ода!

О. Снодграсс

СВАДЬБА В МАСКАХ

(Венецианская история)

Гондола за гондолой причаливали к мраморным ступеням, высаживая на них свои прекрасные ноши, чтобы приумножить блестящую толпу, заполнявшую величественные залы графа Аделона. Рыцари и дамы, эльфы

и пажки, монахи и цветочницы весело перемешались в танце. Приятные голоса и красивая мелодия наполнили воздух, и так, с весельем и музыкой, продолжался маскарад.

– *Ваше Высочество, вы видели сегодня Леди Виолу?* – спросил галантный трубадур у королевы фей, проплывавшей по коридору под руку с ним.

– *Да, разве она не прелестна, хотя и очень печальна! Платье у неё тоже подобрано со вкусом, ведь через неделю она будет выдана замуж за графа Антонио, которого ненавидит всей душой.*

– *Клянусь честью, я ему завидую. Вон он идёт, одетый, как жених, но в чёрной маске. Когда он снимет маску, мы увидим, как он взирает на прекрасную девушку, чьё сердце не может завоевать, хотя её суровый отец и отдаёт ему её руку,* – ответил трубадур.

– *Шепчутся, что она любит молодого английского художника, который ходит за ней по пятам, а старый граф с презрением отвергает его,* – сказала дама, когда они присоединились к общему танцу.

Пир был в самом разгаре, когда появился священник и, отведя молодую пару в альков, завешенный пурпурным бархатом, жестом пригласил их преклонить колени. Среди весёлой толпы мгновенно воцарилась тишина, и ни один звук, кроме журчания фонтанов или шелеста апельсиновых рош, дремлющих в лунном свете, не нарушил молчания, когда граф де Аделон взял слово:

– *Господа и дамы, простите мне эту уловку, с помощью которой я собрал вас здесь сегодня, чтобы засвидетельствовать брак моей дочери. Святой отец, исполняйте свои обязанности.*

Все взоры обратились к новобрачным, и по толпе пробежал ропот изумления, потому что ни жених, ни невеста не сняли масок. Любопытство и удивление охватили сердца приглашённых, но их уста сдерживало уважение, пока священный обряд не окончился. Затем нетерпеливые зрители собрались вокруг графа, требуя объяснений.

– *Я бы с радостью дал их, если бы мог, но я знаю только то, что это была прихоть моей робкой Виолы, и я уступил ей. А теперь, дети мои, пусть эта игра окончится. Снимите маски и примите моё благословение.*

Но ни жених, ни невеста не преклонили колена. Когда маска упала с жениха, открылось благородное лицо Фердинанда Деверо, влюблённого художника, и прекрасная Виола, сияющая радостью и красотой, прильнула к его груди, на которой теперь сверкала звезда английского графа. Тогда молодой жених ответил старому графу тоном, который поразил всех присутствующих:

– *Милорд, вы с презрением заявили мне, что я могу претендовать на вашу дочь только тогда, когда я смогу похвастаться таким же высоким именем и огромным состоянием, как у графа Антонио. Я могу сделать больше, потому что даже ваша честлюбивая душа не может отказать графу Деверо де Вер, который отдаёт своё древнее имя и несметные богатства в обмен на руку этой прекрасной и горячо любимой дамы, отныне моей жены.*

Граф стоял как вкопанный, и, повернувшись к изумленной толпе, Фердинанд добавил с весёлой торжествующей улыбкой:

– *А вам, мои дорогие друзья, я могу пожелать только одного: чтобы ваше сватовство оказалось таким же успешным, как и моё, и чтобы все вы*

смогли завоевать такую же прекрасную невесту, как и я, устроив свадьбу в масках.

С. Пиквик

Что общего между обществом П. К. и строителями Вавилонской башни? – Ни тех, ни других не обуздать.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТЫКВЫ

Однажды, давным-давно, фермер посадил маленькое семечко в своём саду, и через некоторое время оно проросло и превратилось в лозу со множеством тыкв. В один октябрьский день, когда они созрели, фермер сорвал одну тыкву и отнёс её на ярмарку. Бакалейщик купил её и выставил на продажу в своей лавке. В то же утро маленькая девочка в коричневом капоре и синем платье, с круглым лицом и курносый носом, пошла и купила эту тыкву для своей мамы. Она притащила её домой, разрешила и сварила в большой кастрюле, одну часть тыквы она размяла и сделала пюре с солью и маслом на ужин. А к другой части она добавила pintу молока, два яйца, четыре ложки сахара, мускатный орех и немного печенья, положила всё это в глубокое блюдо и запекала, пока тыквенный пирог не стал румяным и красивым, а на следующий день он был съеден семейством по фамилии Марч.

Т. Тапмен

* * *

Мистер Пиквик!

*Сэр, я обращаюсь к вам по вопросу о грехах грешник о котором идёт речь человек по имени Уинкль он причиняет неудобства своему клубу постоянно смеясь а иногда он ничего не пишет для этой замечательной газеты и я надеюсь что вы простите ему это недопустимое поведение и позволите прислать французскую басню потому что он не может ничего написать из головы так как у него очень много уроков и мало мозгов в будущем я постараюсь действовать смело и решительно и подготовить какое нибудь произведение которое будет *comme la fo*³⁰ что значит приемлемое а сейчас я спешу так как опаздываю на урок*

С уважением, Н. Уинкль

Всё вышесказанное – мужественное и благородное признание своих прошлых проступков. Только желательно, чтобы наш юный друг немного подтянул свою пунктуацию.

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

В прошлую пятницу мы вздрогнули, услышав сильный грохот в нашем погребе, за которым последовали отчаянные крики. Всей толпой бросившись в погреб, мы обнаружили нашего любимого президента распростёртым на полу, он споткнулся и упал, добывая дрова для домашних нужд. Перед нашими

³⁰ Мистер Уинкль, то есть Эми, коверкает французское «comme il faut» – «должным образом».

глазами предстала картина страшной катастрофы, ибо, падая, мистер Пиквик окунулся головой и плечами в лохань с водой, опрокинул бочонок мягкого мыла на своё отважное тело и сильно порвал одежду. Когда угроза для спасённого миновала, выяснилось, что он не получил никаких травм, кроме нескольких ушибов, и мы счастливы добавить, что сейчас он чувствует себя хорошо.

ОБЩЕСТВЕННАЯ УТРАТА

Наш тяжкий долг – засвидетельствовать внезапное и таинственное исчезновение нашего дорогого друга, миссис Снежинки Гладкая Лапка. Эта милая и очаровательная кошка была любимицей большого круга добрых и заботливых друзей, ибо её красота привлекала все взоры, её грация и многие добродетели очаровывали сердца, и её утрату глубоко переживает всё наше общество.

Когда её видели в последний раз, она сидела у ворот, наблюдая за повозкой мясника, и есть подозрения, что какой-то негодяй, соблазнившись её чарами, мог подло похитить её. Прошло несколько недель, но никаких следов нашей кошечки не было обнаружено, и мы оставили всякую надежду её вернуть, привязали чёрную ленту к её корзинке, убрали миску и оплакиваем её, как утраченную нами навсегда.

Сочувствующий друг посылает следующий шедевр.

ЭЛЕГИЯ

(В память о Гладкой Лапке)

О потере питомицы нашей скорбим
И вздыхаем о горькой кошачьей судьбе.
И не лечь у камина клубочком смешным,
У зелёных ворот не резвиться тебе.

Под каштаном в могилке – кошачье дитя,
Но не знаем мы, где умерла его мать.
И постелька пуста, и клубок не в когтях,
Никогда мы не сможем её повидать.

Ни шагов, ни «мур-мур» твоих нет у двери,
Другой кошке ловить твоих вкусных мышей.
Её мордочка грязная... только внутри
Всё другое! Другая – с хвоста до ушей —

Не такая изящная в играх она,
По-другому охотится, даже собак
Не гоняет, как наша Снежинка – верна
И спокойна, полезна, но как-то не так!

И не сможет занять она место твоё,
И не так преклоняемся мы перед ней.

О Снежинке мы грустную песню споём —
В нашем доме Снежинки теперь больше нет...

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В следующую субботу вечером, после обычных мероприятий, мисс Оранти Благгедж, успешная и волевая эженицина-лектор, прочтёт в Пиквик-Холле свою знаменитую лекцию на тему «Положение эженицины в обществе».

Еженедельный урок кулинарии для юных дам будет проходить в помещении Кухни. Ханна Браун будет председателем, и все девочки приглашаются к участию в этом мероприятии.

Общество совков для мусора соберется в следующую среду и проишествует парадом на верхний этаж клуба. Всем членам клуба явиться в униформе с метлами на плечах ровно в девять.

На следующей неделе миссис Бет Баунсер представит свою новую коллекцию кукольных дамских шляпок. Прибыли последние парижские модели и с уважением принимаются заказы.

В течение нескольких недель в театре Барнвилля появится новая пьеса, которая превзойдёт всё, что когда-либо было поставлено на американской сцене. «Греческий раб, или Константин Мститель» – вот название этой захватывающей драмы!!!

НАМЁКИ

Если бы С. П. не использовал так много мыла, когда мыл руки, он бы реже сильно опаздывал к завтраку. Убедительно просим О. С. не свистеть на улице. Т. Т., пожалуйста, не забудьте про салфетку для Эми. Н. У. не должен переживать, что на его платье нет девяти складок.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

Мэг – хорошо.
Джо – плохо.
Бет – очень хорошо.
Эми – удовлетворительно.

Когда президент окончил читать газету (которая, смею заверить моих читателей, является подлинной копией газеты, составленной когда-то самими добросовестными девочками), последовали аплодисменты, а затем мистер Снодграсс поднялся, чтобы выдвинуть новое предложение.

– Господин президент и джентльмены, – начал он, приняв парламентскую позу и соответствующий тон, – я хотел бы предложить нового кандидата в члены нашего клуба – того, кто в высшей степени заслуживает этой чести и был бы глубоко благодарен за это, а также чрезвычайно укрепил бы дух клуба, повысил литературную ценность газеты и был бы бесконечно

весел и мил. Я предлагаю принять мистера Теодора Лоуренса в качестве почётного члена П. К. Ну же, примите его.

Внезапная перемена тона Джо рассмешила девочек, но все выглядели довольно обеспокоенными, и никто не сказал ни слова, когда Снодграсс занял своё место.

– Мы проголосуем за это, – сказал президент. – Все, кто за это предложение, пожалуйста, выразите согласие словом «да».

К изумлению всех присутствующих, согласие громогласно выразил Снодграсс и вслед за ним – робкая Бет.

– Пусть несогласные скажут «нет».

Мэг и Эми были настроены против, и мистер Уинкль поднялся, чтобы сказать с изысканной элегантностью:

– Мы не хотим никаких мальчиков, они только и умеют, что шутить и шалить. Это дамский клуб, и мы хотим, чтобы в нём всё было тайно и пристойно.

– Боюсь, что он посмеётся над нашей газетой, а потом будет шутить над нами, – заметил Пиквик, поправляя маленький локон на лбу, как он всегда делал, когда сомневался.

Поднялся Снодграсс с очень серьёзным выражением лица.

– Сэр, даю вам слово джентльмена, что Лори ничего подобного не сделает. Он любит писать, задаст правильный тон нашим статьям и убережёт нас от сентиментальности, разве вы этого не понимаете? Он так много для нас делает, а мы так мало можем для него сделать в ответ, и, по-моему, единственное, что нам остаётся, – это предложить ему место здесь и радушно принять его, когда он придёт.

Этот хитроумный намёк на приносимую пользу заставил Тапмена вскочить на ноги с таким видом, словно он уже принял решение.

– Да, мы должны так сделать, несмотря на наши страхи. Я считаю, что он может прийти, и его дедушка тоже, если захочет.

Эта энергичная реплика Бет взбудоражила участников клуба, и Джо встала со своего места, чтобы одобрительно пожать ей руку.

– А теперь давайте проголосуем вновь. Но помните, что речь идёт о нашем Лори, и голосуйте «за»! – взволнованно воскликнул Снодграсс.

– За! За! За! – ответили сразу три голоса.

– Хорошо! Слава богу! А теперь, так как нет ничего лучше, чем, как с характерной для него манерой замечает Уинкль, «действовать быстро и решительно», позвольте мне представить вам нового члена. – И, к ужасу остальных членов клуба, Джо распахнула дверцу шкафа, и все увидели Лори, сидящего на мешке с обрезками. Его глаза блестели, и он раскраснелся, еле сдерживая смех.

– Ах ты, бестия! Ты предательница! Джо, как ты могла? – воскликнули все три девочки, когда Снодграсс торжественно вывел своего друга вперёд и, предоставив ему и стул, и эмблему, тотчас усадил его за стол.

– Какое удивительное хладнокровие у этих двух мерзавцев, – начал мистер Пиквик, изо всех сил стараясь соорудить гримасу неодобрения, но смог лишь добродушно улыбнуться.

Однако новый член клуба оказался на высоте. Он встал, благодарно поклонился председателю собрания и сказал:

– Мистер президент и дамы, прошу прощения, джентльмены, позвольте мне представиться – Сэм Уэллер, самый скромный слуга клуба.

– Хорошо! – воскликнула Джо, постукивая ручкой старой грелки ³¹, на которую опиралась.

³¹ Постельные грелки в XIX веке немного напоминали сковороду с очень длинной ручкой.

– Вы не должны винить в коварной уловке сегодняшнего вечера моего верного друга и благородного покровителя, – продолжал Лори, взмахнув рукой, – который так лестно меня представил. Я всё это заранее спланировал, а она сдалась только после долгих уговоров.

– Ну же, не бери всю вину на себя. Ты же знаешь, что это я предложила спрятаться в шкафу, – вмешался Снодграсс, которому эта проделка невероятно понравилась.

– Не важно, что она говорит. Я тот негодяй, который это сделал, сэр, – сказал новый член клуба, по-доброму кивнув мистеру Пиквику. – Но клянусь честью, я никогда больше так не поступлю и отныне полностью посвящу себя интересам этого бессмертного клуба.

– Верно! Правильно! – воскликнула Джо, стуча крышкой грелки, как цимбалами.

– Продолжайте, продолжайте, – прибавили Уинкль и Тапмен, в то время как президент благосклонно поклонился.

– Я лишь хочу сказать, что в знак моей благодарности за оказанную мне честь и в качестве средства укрепления дружественных отношений между соседствующими народами я обустроил почтовое отделение в изгороди в нижнем углу сада; это прекрасное, просторное сооружение с висячими замками на дверях и со всеми возможными удобствами как для мужской, так и для женской переписки, если мне будет позволено так выразиться. Это старый ласточкин домик, но я заколотил леток³² и сделал крышу открывающейся, так что он сможет вместить в себя разные вещи и тем самым сэкономить наше драгоценное время. Так можно обмениваться письмами, рукописями, книгами и свертками, а так как и у того, и другого народа будет свой ключ, то, думаю, это будет необычайно удобно. Позвольте мне вручить вам клубный ключ и со всей благодарностью за вашу любезность занять своё место.

Когда мистер Уэллер положил на стол маленький ключик и умолк, раздались громкие аплодисменты, грелка зазвенела и неистово замелькала в воздухе, и понадобилось некоторое время для восстановления порядка. Последовала долгая дискуссия, и все выступили удивительно хорошо, так как каждый из членов клуба очень старался. Таким образом, собрание шло с необычайной живостью, не прерываясь до позднего вечера, пока не закончилось громким троекратным «ура» в честь нового члена. Никто никогда не пожалел о том, что Сэм Уэллер был принят в клуб, ибо более преданного, воспитанного и весёлого члена клуба невозможно было представить. Он, конечно, смог придать новый дух собраниям и задать тон газете, ибо его выступления заставляли слушателей корчиться от смеха, а его статьи были превосходны: они были патриотичными, классическими, комическими или драматическими, но никогда – сентиментальными. Джо считала их достойными пера Бэкона, Мильтона или Шекспира, переработав свои собственные произведения, как ей казалось, весьма успешно.

Почтовое отделение оказалось превосходным нововведением и удивительным образом процветало, так как через него проходило почти столько же странных вещей, сколько через настоящую почту. Трагедии и галстуки, стихи и соленья, садовые семена и длинные письма, ноты и пряники, ластики, приглашения, перебранки и щенки. Пожилому джентльмену нравилось развлекаться, и он забавлялся тем, что посылал странные свёртки, таинственные послания и забавные телеграммы, а его садовник, который был сражён чарами Ханны, однажды послал настоящее любовное письмо через Джо. Как они смеялись, когда тайна раскрылась, даже не подозревая, сколько любовных писем будет попадать в это маленькое почтовое отделение в ближайшие годы.

³² Леток – отверстие в скворечнике или улье для вылета птиц или пчёл.

Глава 11

Эксперименты

– Первое июня! Завтра Кинги уезжают на море, и я совершенно свободна. Три месяца каникул – как я буду ими наслаждаться! – воскликнула Мэг, вернувшись домой в один из тёплых дней и обнаружив Джо лежащей на диване в необычном для неё состоянии изнеможения, в то время как Бет снимала с неё пыльные ботинки, а Эми готовила лимонад, чтобы освежить всю компанию.

– Тётя Марч уехала сегодня, о, возрадуемся! – сказала Джо. – Я до смерти боялась, что она попросит меня поехать с ней. Если бы она это сделала, я думаю, что была бы вынуждена согласиться, но в Пламфилде скучнее, чем на кладбище, и я бы предпочла, чтобы меня избавили от этой поездки. Старушку мы собирали впопыхах, и всякий раз, когда она обращалась ко мне, я тряслась от страха, ведь я так спешила с проводами, что была необычайно услужлива и мила с ней, боясь, что она никогда со мной не расстанется. Я дрожала до тех пор, пока она не села в экипаж, и последний раз испытала страх, когда экипаж тронулся и она высунула голову со словами: «Жозефина, а ты не...» – больше я ничего не слышала, потому что малодушно развернулась и убежала. Я и впрямь побежала со всех ног и юркнула за угол, только тогда почувствовав себя в безопасности.

– Бедняжка Джо! Она ворвалась в дом так, словно за ней гнались медведи, – сказала Бет, с материнской заботой обнимая ноги сестры.

– Тётя Марч – настоящий *самфир*, правда? – заметила Эми, критически пробуя приготовленный ею напиток.

– Она имеет в виду «вампир», а не водоросли ³³, но это не важно. Слишком жарко, чтобы разбираться в словах, – пробормотала Джо.

– А чем вы будете заниматься все каникулы? – спросила Эми, тактично меняя тему.

– Я буду валяться в постели допоздна и бездельничать, – ответила Мэг из глубины кресла-качалки. – Всю зиму я рано вставала и была вынуждена работать на других, так что теперь я собираюсь отдыхать и веселиться сколько душе угодно.

– Нет, – сказала Джо, – такая сонная жизнь меня не устраивает. Я набрала кучу книг и собираюсь провести лучшие часы, читая на моём насесте на старой яблоне, а остальное время буду резвиться и петь, как...

– Не говори «синичка»! – взмолилась Эми в ответ на оскорбительную поправку «самфира».

– Тогда я скажу «соловей», вместе с Лори. Так будет правильно и уместно, ведь он у нас птичка певчая.

– Давай пока отдохнём от уроков, Бет, и будем всё время играть и отдыхать, как собираются делать девочки, – предложила Эми.

– Хорошо, я так и сделаю, если мама не возражает. Я хочу выучить несколько новых песен, а моим кукольным детям нужно подготовиться к лету. Их надо привести в порядок, и их одежда сильно изнашивалась.

– Ты разрешаешь нам, мама? – спросила Мэг, обращаясь к миссис Марч, которая сидела за шитьём в так называемом «Мамином уголке».

– Попробуйте в качестве эксперимента прожить неделю так, как вы пожелаете, и посмотрим, как вам это понравится. Думаю, к вечеру субботы вы поймёте, что развлекаться и бездельничать целыми днями так же плохо, как и всё время трудиться без отдыха.

³³ Самфир, или саликорния, – напоминающее спаржу съедобное растение, встречающееся на берегу моря, в солончаках и на мелководье.

– Ну уж нет! Это будет просто восхитительно, я уверена, – сказала Мэг благодушно.

– Теперь я предлагаю тост, как говорит моя лучшая подруга Сэйри Гэмп ³⁴, «веселиться – всегда, надрываться – никогда!» – воскликнула Джо, поднимаясь со стаканом в руке, когда лимонад пошёл по кругу.

С радостью осушив бокалы, они начали эксперимент с того, что бездельничали весь остаток дня. На следующий день Мэг появилась на кухне только в десять часов. Её одинокий завтрак был безвкусным, и комната казалась пустой и неопрятной, потому что Джо не поставила в вазы свежие цветы, Бет не вытерла пыль, и повсюду были разбросаны книги Эми. Всё выглядело неприбранным и непривлекательным, кроме «Мамино уголка», который выглядел как обычно. Туда Мэг и села, чтобы «отдохнуть и почитать», что означало представлять, позёывая, какие красивые летние платья она купит на своё жалованье. Джо провела утро и полдень на реке вместе с Лори, после чего она читала и плакала над «Широким, широким миром» ³⁵, сидя на яблоне. Бет начала с того, что перерыла всё в большом шкафу, где жила её кукольная семья, но, не закончив уборку, устала и оставила своё хозяйство перевёрнутым вверх дном и пошла музицировать, радуясь, что ей не нужно мыть посуду. Эми прибрала свою беседку, надела своё лучшее белое платье, пригладила кудри и села рисовать под жимолостью, надеясь, что кто-нибудь увидит её и спросит, кто эта молодая художница. Так как никто не появился, кроме любознательного паука-сенокосца, с интересом рассматривавшего её работу, она пошла погулять, попала под ливень и вернулась домой мокрой до нитки.

За чаем они обменялись впечатлениями, и все согласились, что это был восхитительный, хотя и необычно долгий день. После обеда Мэг отправилась за покупками, приобретя чудный голубой муслин, но, после того как она стала нарезать куски ткани, обнаружила, что материал линяет, и эта неудача её слегка расстроила. У Джо обгорел нос, когда она плавала на лодке, и раскалывалась голова оттого, что она слишком долго читала. Бет была обеспокоена царившим в её шкафу беспорядком и тем, что ей никак не удавалось разучить три или четыре песни сразу, а Эми глубоко переживала из-за того, что её платье было испорчено, а на следующий день у Кэти Браун была намечена вечеринка, и теперь ей, как и Флоре Макфлимзи ³⁶, было нечего надеть. Но это были сущие пустяки, и они заверили маму, что эксперимент проходит удачно. Та улыбнулась, ничего не сказала и с помощью Ханны сделала за них невыполненную работу, стараясь, чтобы дом выглядел опрятно, а домашний механизм работал без сбоев. Поразительно, каким странным и неудобным стал их дом после «отдыха и наслаждений».

Дни становились всё длиннее и длиннее, погода была непривычно переменчива, как и настроение девочек, всеми овладевала неуверенность, а дьявол нашёл чем занять праздные руки. Верхом наслаждения для Мэг было отложить шитьё, после чего она поняла, что время тянется долго, и начала кромсать и портить своё платье, пытаясь переделать его на манер Моффатов. Джо читала до тех пор, пока у неё не начали слипаться глаза и она больше смотреть не могла на книги, стала такой неугомонной, что даже добродушный Лори поссорился с ней, и она упала духом, отчаянно жалея, что не поехала с тётей Марч. Бет справлялась довольно неплохо, потому что постоянно забывала, что она должна развлекаться, а не работать, и время от времени возвращалась к своим старым привычкам. Но что-то, витавшее в воздухе, всё же подействовало на неё, и не раз её спокойствие нарушалось так сильно, что однажды она даже встряхнула бедняжку Джоанну, сказав ей, что та просто «пугало». Хуже всего пришлось Эми, поскольку её возможности были ограничены, и, когда сёстры позволили себе развлекаться, она вскоре обнаружила, что быть изысканной и важной юной особой – это тяжёлое бремя. Она не любила кукол, сказки казались ей слишком детскими, а заниматься только рисованием

³⁴ Персонаж романа Чарльза Дикенса «Мартин Чезлвит» (1843–1844), вечно пьяная сиделка.

³⁵ Повесть американской писательницы Элизабет Уэтрел (1819–1885).

³⁶ Героиня сатирической поэмы Уильяма Аллена Батлера «Нечего надеть» (1857).

не получалось. Чаепития потеряли привлекательность, как и пикники, если они были плохо организованы. «Вот бы иметь прекрасный дом, полный хороших девочек, или путешествовать, тогда лето бы прошло восхитительно, но оставаться дома с тремя сёстрами-гордячками и взрослым мальчиком – это могло бы вывести из терпения и Вооза ³⁷», – жаловалась мисс Малапроп ³⁸ спустя несколько дней, посвященных удовольствиям, капризам и скуке.

Они устали от этого эксперимента, хотя никто из девочек в этом не признавался, но к вечеру пятницы все как одна обрадовались тому, что неделя подошла к концу. Желая, чтобы урок запомнился им ещё лучше, миссис Марч, у которой было хорошее чувство юмора, решила закончить испытание соответствующим образом, поэтому она отпустила Ханну на выходной и позволила девочкам наслаждаться экспериментом в полной мере.

Когда они проснулись в субботу утром, огонь на кухне не был разведён, завтрак в столовой не был накрыт, а мамы нигде не было видно.

– Боже мой! Что случилось? – воскликнула Джо, испуганно озираясь.

– Мэг побежала наверх и вскоре вернулась с таким видом, будто у неё гора с плеч свалилась, при этом выглядя немного растерянной и пристыженной.

Мама не больна, просто очень устала, и она говорит, что будет весь день отдыхать в своей комнате и позволит нам показать, на что мы способны. Мама ведёт себя странно, это очень на неё непохоже. Но она говорит, что это была тяжёлая неделя для неё, так что мы не должны жаловаться и должны сами позаботиться о себе.

– Это не так сложно, и мне нравится эта идея, я жажду чем-нибудь заняться, ну или, например, придумать какое-нибудь новое развлечение, – поспешила добавить Джо.

В самом деле, для всех них было огромным облегчением заняться каким-нибудь несложным делом, и они с готовностью взялись за работу, но вскоре убедились в истинности слов Ханны: «Домашнее хозяйство – это не шутка». В кладовке было полно еды, и пока Бет и Эми накрывали на стол, Мэг и Джо готовили завтрак, удивляясь, почему слуги вообще жалуются на свой тяжёлый труд.

– Я отнесу маме что-нибудь поесть, хотя она сказала, чтобы мы не беспокоились о ней, потому что она сама о себе позаботится, – сказала Мэг, которая сидела во главе стола за чайником и чувствовала себя хозяйкой дома.

Итак, поднос был нагружен едой до того, как все приступили к трапезе, и отнесён наверх с наилучшими пожеланиями от повара. Заваренный чай был горьким, омлет подгорел, а печенье было покрыто комочками соды, но миссис Марч приняла свою трапезу с благодарностью и от души посмеялась над их стряпнёй, когда Джо ушла.

– Бедняжки, боюсь, им придётся нелегко, но это пойдёт им на пользу, а не во вред, – сказала она, доставая более съедобную пищу, которую она запасла для себя заранее, и избавляясь от неаппетитного завтрака, чтобы не обидеть дочерей, – безобидный материнский обман, за который они были благодарны.

Много жалоб было слышно внизу, и велика была досада шеф-повара из-за её промахов.

– Ничего, я приготовлю обед и буду служанкой, а ты будешь хозяйкой, береги свои красивые руки, принимай гостей и отдавай распоряжения, – сказала Джо, которая разбиралась в кулинарии ещё меньше, чем Мэг.

Это любезное предложение было с радостью принято, и Маргарет удалилась в гостиную, которую поспешно привела в порядок, убрав мусор под диван и задернув шторы, чтобы не вытирать пыль. Джо, с полной уверенностью в своих силах и дружеским желанием помириться с Лори, тотчас же положила в почтовый ящик приглашение на обед.

³⁷ Персонаж ветхозаветной «Книги Руфи».

³⁸ Комический персонаж пьесы Ричарда Бринсли Шеридана «Соперники» (1775). Постоянно оговаривается, используя слова в ином значении, нежели принято.

– Сначала посмотри, что у тебя есть из продуктов, а потом приглашай гостей, – сказала Мэг, когда ей сообщили об опрометчивом жесте гостеприимства.

– О, у нас есть солонина и много картофеля, а я куплю немного спаржи и омара «на разговение», как говорит Ханна. Мы купим латук и приготовим салат. Я не знаю как это готовить, но в кулинарной книге есть рецепт. На десерт я подам бланманже, клубнику и кофе, если мы хотим устроить изысканный обед.

– Не гонись за количеством блюд, Джо, потому что ты не умеешь готовить ничего, кроме имбирных пряников и конфет с патокой. Я умываю руки, и раз уж ты пригласила Лори на званый обед, то сама позаботься о нём.

– Можешь вообще ничего не делать, просто будь с ним вежлива и помоги мне с пудингом. Ты ведь дашь мне совет, если у меня что-то пойдёт не так, правда? – с обидой в голосе спросила Джо.

– Да, но я мало что знаю, только про хлеб и некоторые мелочи. Лучше спроси у мамы разрешения, прежде чем что-нибудь покупать, – благоразумно ответила Мэг.

– Конечно, спрошу. Я же не дура. – И Джо вышла, раздражённая тем, что кто-то сомневается в её силах.

– Покупай что хочешь и не мешай мне. Я буду обедать в гостях, и там мне будет не до домашних забот, – сказала миссис Марч, когда Джо обратилась к ней. – Мне никогда не нравилось вести хозяйство, а сегодня я собираюсь взять выходной, почитать, пописать, сходить в гости и поразвлечься.

Необычно было видеть вечно занятую маму раскачивающейся в кресле-качалке с книгой в руках с утра пораньше, и у Джо возникло чувство, что произошло что-то сверхъестественное, по сравнению с чем затмение, землетрясение или извержение вулкана казались ей обыденными явлениями.

– Всё как-то не так, – сказала она себе, спускаясь вниз. – Бет плачет, это верный знак, что в семье неполадки. Если это Эми виновата, я ей покажу.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Джо поспешила в гостиную и увидела, что Бет рыдает над кенарем Пипом, который лежал мёртвым в клетке, трогательно вытянув свои маленькие коготки, словно умоляя о пище, из-за отсутствия которой он и умер.

– Это я во всём виновата, я забыла о нём, в клетке не осталось ни зёрнышка, ни капельки воды. О, Пип! О, Пип! Как я могла быть так жестока с тобой? – воскликнула Бет, беря бедняжку на руки и пытаясь вернуть его к жизни.

Джо заглянула в его полуоткрытый глаз, проверила, не бьется ли сердце, и, обнаружив, что Пип уже окоченел, покачала головой и предложила свою коробку из-под домино в качестве гробика.

– Положи его в духовку, может быть, он согреется и оживёт, – с надеждой предложила Эми.

– Он голодал, и теперь, когда он умер, я не собираюсь его запекать. Я сошью ему саван, и мы похороним его в саду, я больше никогда не заведу другую птицу, никогда, мой Пип! Потому что я слишком плохая, чтобы иметь питомцев, – причитала Бет, сидя на полу с птицей в сложенных ладонях.

– Похороны состоятся сегодня днём, и мы все будем на них присутствовать. А теперь не плачь, Бетти. Очень жаль, но на этой неделе всё шло не так, как надо, и Пип не перенёс этого эксперимента. Сшей саван и положи его в мою коробку, а после званого обеда мы устроим ему достойные маленькие похороны, – сказала Джо, начиная чувствовать себя так, словно взяла на себя большую ответственность.

Оставив сестёр утешать Бет, она отправилась на кухню, где царил ужасный беспорядок. Надев большой фартук, она принялась за работу и собрала посуду для мытья, вдруг обнаружив, что огонь в печи погас.

– Какая приятная перспектива! – пробормотала Джо, шумно открыв дверцу печки и энергично шевеля тлеющие угли.

Она думала, что сходит на рынок, пока разгорался огонь и нагревалась вода. Прогулка подняла ей настроение, и, льстя себя надеждой, что ей удалось заключить выгодную сделку, она поплелась домой, купив слишком молодого омара, немного престарелой спаржи и две коробки кислющей клубники. К тому времени, как она разобралась на кухне, настало время обедать, и плита раскалилась докрасна. Ханна оставила опару в кастрюле, чтобы она поднялась, а Мэг утром замесила тесто, поставила его на плиту, где оно должно было подняться второй раз, и забыла о нём. Мэг принимала Салли Гардинер в гостиной, когда дверь распахнулась и на пороге появилась испачканная мукой, золой, раскрасневшаяся и растрёпанная призрачная фигура, которая раздражённо спросила:

– Эй, а если тесто вылезает из кастрюли, оно уже достаточно «поднято», как говорит Ханна?

Салли рассмеялась, но Мэг кивнула и подняла брови так высоко, как только могла, что заставило призрака скрыться и немедленно поставить забродившее тесто в духовку. Миссис Марч, до этого тайно следившая за дочерьми, вышла, чтобы узнать, как у них идут дела, сказала несколько слов утешения Бет, которая сидела и шила саван, в то время как дорогой покойник был выставлен для прощания в коробке из-под домино. Странное чувство беспомощности охватило девочек, когда мамина серая шляпка исчезла за углом, и отчаяние охватило их, когда через несколько минут пришла мисс Крокер и сказала, что явилась к обеду. Эта дама была худой желтолицей старой девой с острым носом и пытливыми глазами, которая всё замечала и сплетничала обо всём, что видела. Сёстры не любили её, но их учили быть доброжелательными к ней просто потому, что она была старая, бедная и у неё было мало друзей. Мэг усадила её в кресло и попыталась развлечь, пока та задавала вопросы, критиковала всех и вся и рассказывала байки о своих знакомых.

Нет слов, чтобы описать тревоги, испытания и нагрузки, которые в то утро выпали на долю Джо, и поданный ею обед стал в семье дежурной шуткой. Боясь лишний раз спросить совета, она сделала всё возможное в одиночку, поняв, что для того, чтобы стать поваром, нужно нечто большее, чем энергия и желание. Она варила спаржу в течение часа и с огорчением обнаружила, что головки отвалились, а стебли стали твёрже, чем были. Хлеб подгорел, потому что она в это время готовила заправку для салата, и очень переживала из-за того, что никак не могла сделать её съедобной. Краснея над омаром, словно рак, она отбивала его молотком и протыкала до тех пор, пока не очистила его от панциря, и его тощее тельце окончательно не скрылось в роще листьев салата. С картофелем надо было поспешить, пока спаржа не остыла, но он так и остался недоваренным. Бланманже было комковатым, а клубника не такой спелой, как выглядела, потому что продавец хитроумно спрятал её на прилавке под более спелыми ягодами.

«Ну, если они голодны, то могут поесть говядины с хлебом и маслом, только это обидно – потратить всё утро впустую», – думала Джо, позвонившая в колокольчик на полчаса позже обычного, и стояла, взопревшая, усталая и подавленная, оглядывая деликатесы, выложенные перед Лори, привыкшим ко всему утончённому, и мисс Крокер, чей болтливый язык разносил сплетни по всей округе.

Бедняжка Джо с радостью спряталась бы под стол, так как одно блюдо за другим гости пробовали и отставляли в сторону, в то время как Эми хихикала, Мэг выглядела расстроенной, мисс Крокер поджимала губы, а Лори болтал и смеялся изо всех сил, чтобы придать весёлый тон этой праздничной сцене. Гвоздём программы Джо был десерт из клубники, так как она обильно посыпала ягоды сахаром и подала к ним кувшинчик густых сливок. Её пылающие щёки немного остыли, и она выдохнула с облегчением, когда красивые стеклянные тарелки пошли по кругу и все благосклонно посмотрели на маленькие розовые островки, плавающие

в море сливок. Мисс Крокер попробовала их первой, скорчила гримасу и торопливо отпила воды. Джо, отказавшаяся от своей порции, решив, что клубники не хватит на всех, потому что количество ягод, к её огорчению, уменьшалось, взглянула на Лори, но тот мужественно ел, хотя лёгкая складка наметилась вокруг его рта и он не отрывал глаз от своей тарелки. Эми, любившая деликатесную еду, набрала полную ложку, поперхнулась и, уткнув лицо в салфетку, выскочила из-за стола.

– Что случилось? – с дрожью воскликнула Джо.

– Соль вместо сахара, а сливки прокисли, – ответила Мэг с трагической гримасой.

Джо со стоном откинулась на спинку стула, вспомнив, что впопыхах посыпала ягоды из одной из двух коробок на кухонном столе и забыла поставить сливки в холодильник. Она покраснела и чуть не расплакалась, когда встретила взглядом с Лори, чьи глаза были весёлыми, несмотря на героические усилия, которые он предпринимал. Комичность происходящего вдруг поразила её, и она рассмеялась так, что слёзы брызнули из её глаз. Все остальные тоже залились смехом, даже Каркуша, как девочки называли старушку, и злополучный обед весело закончился хлебом с маслом, оливками и шутками.

– У меня сейчас нет сил, чтобы убирать тарелки, поэтому займётся похоронами, – сказала Джо, когда все встали из-за стола и мисс Крокер собралась уходить, желая рассказать ещё одной своей подруге новую историю за другим обедом.

Они постарались настроиться на серьёзный лад ради Бет. Лори выкопал могилку под папоротниками в роще, его нежная хозяйка со слезами на глазах положила туда маленького Пипа и покрыла мхом, а венок из фиалок и рябины повесили на камень с эпитафией, сочинённой Джо, пока она сражалась с обедом.

Седьмого июня Пип Марч
Погиб и лежит здесь в могиле,
И горьким над ним был наш плач,
Любили его, не забыли.

По окончании церемонии Бет удалилась в свою комнату, переполненная эмоциями и ома-ром, но там было негде отдохнуть, так как кровати были не застелены, и девочка обнаружила, что её горе заметно улеглось после того, как она взбила подушки и навела порядок в комнате. Мэг помогла Джо с уборкой остатков пиршества, занявшей половину дня и так их утомившей, что они согласились обойтись чаем и гренками на ужин.

Лори пригласил Эми прокатиться в экипаже, что было актом милосердия по отношению ко всем, так как прокисшие сливки, казалось, плохо повлияли на её настроение. Миссис Марч вернулась домой в середине дня и застала трёх старших девочек усердно работающими, и взгляд на кладовую дал ей представление об успехе части эксперимента.

Прежде чем домохозяйки успели отдохнуть, к ним пришли несколько знакомых, и они поспешно принялись готовиться к их встрече. Потом надо было приготовить чай, сделать мелкие дела и в последнюю минуту отложить кое-какое срочное шитье. Когда опустились сумерки, росистые и тихие, одна за другой они собрались на крыльце, где красиво распускались июньские розы, и каждая села со стоном или вздохом, как будто очень устала или измучилась.

– Какой это был ужасный день! – начала Джо, как всегда первая.

– Мне показалось, что он был короче, чем обычно, но беспокойный, – сказала Мэг.

– Совсем непохоже на наш дом, – добавила Эми.

– Без мамы и маленького Пипа это не дом, – вздохнула Бет, глядя полными слёз глазами на пустую клетку над головой.

– Вот и мама пришла, доченька, а завтра у тебя будет другая птичка, если захочешь.

С этими словами миссис Марч подошла и заняла своё место среди них, выглядя так, словно её выходной день был не намного приятнее, чем трудный день дочерей.

– Вы довольны своим экспериментом, девочки, или хотите продлить его ещё на неделю? – спросила она, когда Бет прижалась к ней, а остальные повернулись к матери с сияющими лицами, как цветы поворачиваются к солнцу.

– Нет, я не хочу! – решительно воскликнула Джо.

– И я тоже, – эхом отозвались её сёстры.

– Значит, вы всё-таки считаете, что лучше иметь некоторые обязанности и жить хоть немного для других?

– Безделье и развлечения того не стоят, – заметила Джо, качая головой. – Я устала от всего этого и хочу немедленно чем-нибудь заняться.

– А может быть, тебе стоит научиться готовить простые блюда? Это полезный навык, без которого не может обойтись ни одна женщина, – сказала миссис Марч, улыбнувшись про себя и вспомнив о званом обеде Джо, так как она уже повидалась с мисс Крокер и выслушала её рассказ.

– Мама, неужели вы ушли и пустили всё на самотёк, просто чтобы посмотреть, как мы справимся? – воскликнула Мэг, которая весь день что-то подозревала.

– Да, я хотела, чтобы вы убедились, как благополучие всех зависит от того, насколько добросовестно каждая выполняет свою часть работы. Пока мы с Ханной делали за вас вашу работу, вас это устраивало, хотя я не думаю, что вы были при этом счастливы или доброжелательны. Поэтому я решила в качестве небольшого урока показать вам, что происходит, когда каждый думает только о себе. Разве вы не чувствуете, что приятнее помогать друг другу, иметь ежедневные обязанности, которые делают отдых после труда приятным, и терпеливо нести свою ношу ради того, чтобы дома было уютно и прекрасно для всех нас?

– Да, мама, это правда! – воскликнули девочки.

– Тогда позвольте мне посоветовать вам снова взять на себя ваши маленькие ноши, потому что, хотя они иногда кажутся тяжёлыми, они полезны для нас и станут легче, когда мы научимся их нести. Работа полезна, и её хватит на всех. Она защищает нас от скуки и злобы, полезна для здоровья и духа, даёт нам ощущение силы и независимости лучше, чем деньги или модная одежда.

– Мы будем трудиться как пчёлы и даже полюбим работать, вот увидите, – сказала Джо. – Моим заданием на каникулы будет научиться готовить простые блюда, и следующий званый ужин, который я устрою, будет иметь успех.

– Я сошью комплект рубашек для отца вместо вас, мамочка. Я смогу и сделаю это, хотя не люблю шить. Это будет лучше, чем возиться со своими платьями, которые и так достаточно хороши, – сказала Мэг.

– Я буду делать уроки каждый день и не буду так много времени заниматься музыкой и играть в кукол. Я такая глупая и должна учиться, а не играть, – решила Бет, в то время как Эми последовала примеру сестёр, героически заявив:

– Я научусь обмётывать петли и следить за тем, чтобы говорить правильно.

– Очень хорошо! Тогда я вполне довольна экспериментом и думаю, что нам не придётся его повторять, только не впадайте в другую крайность и не переусердствуйте. Выделите определённое время для работы и игр, делайте каждый день полезным и приятным, доказывая, что вы понимаете ценность времени, используя его правильно. Тогда молодость будет восхитительна, грядущие годы принесут меньше сожалений, и жизнь станет прекрасной и успешной, несмотря на бедность.

– Мы будем помнить, мама! – И они сдержали слово.

Глава 12

Лагерь Лоуренса

Бет была почтмейстершей, так как, находясь целыми днями дома, она могла регулярно проверять почтовый ящик, и ей очень нравилось ежедневно отпирать дверцу и разносить почту. Как-то июльским днём она явилась с грудой писем и посылок, разнося их по дому, как «почтальон за пенни».

– Вам букет, мама! Лори никогда не забывает присылать цветы, – сказала она, входя в «Мамин уголок» и ставя в вазу очередной свежий букетик от любящего мальчика.

– Мисс Мэг Марч, вам письмо и одна перчатка, – продолжала Бет, передавая послание сестре, которая сидела рядом с матерью и пришивала манжеты.

– Я оставила там пару перчаток, а здесь только одна, – сказала Мэг, глядя на серую хлопчатобумажную перчатку.

– А ты не уронила вторую в саду?

– Нет, я уверена, что не роняла, потому что на почте была только одна.

– Терпеть не могу непарные перчатки! Ну ладно, может быть, другая потом найдётся. В моём письме только перевод немецкой песни, которую я хотела. Я думаю, что это мистер Брук перевёл, потому что это не почерк Лори.

Миссис Марч взглянула на Мэг, такую хорошенькую в своём клетчатом утреннем платье, с мелкими кудряшками, падающими на лоб, сидя за шитьем, она выглядела очень женственной. Её рабочий столик был завален катушками белых ниток, и она не подозревала, какая мысль пришла в голову её матери. Она шила и пела, её пальцы порхали, а мысли были заняты девичьими фантазиями, такими же невинными и свежими, как анютины глазки у неё на поясе, и миссис Марч улыбнулась и осталась довольна увиденным.

– Два письма для доктора Джо, книга и забавная старая шляпа, которая была надета на почтовый ящик, – сказала Бет, смеясь, когда вошла в кабинет, где Джо сидела и писала.

– Какой хитрец этот Лори! Я сказала, что хотела бы, чтобы в моде были шляпы с широкими полями, потому что у меня обгорает лицо каждый жаркий день. Он сказал: «Зачем обращать внимание на моду? Надень большую шляпу и ни о чем не беспокойся!» Я сказала, что сделала бы так, если бы она у меня была, и он прислал мне её, чтобы испытать меня. Я надену её забавы ради и покажу ему, что меня действительно не волнует мода. – И, повесив старомодную широкополую шляпу на бюст Платона, прочитала оба письма.

Одно письмо было от матери и заставило её щёки вспыхнуть, а глаза наполниться слезами, потому что в нем говорилось:

«Моя дорогая!

Я пишу тебе записку, чтобы сказать, с каким удовольствием я наблюдаю за твоими попытками воспитывать свой характер. Ты ничего не говоришь о своих испытаниях, неудачах или успехах и, возможно, думаешь, что никто не замечает их, кроме Друга, за помощью которого ты ежедневно обращаешься, о чём говорит потрёпанная обложка твоего путеводителя. Я действительно видела твои старания и всем сердцем верю в искренность твоего рвения, так как оно начинает приносить плоды. Продолжай в том же духе, дорогая, терпеливо и мужественно, и всегда верь, что никто не относится к тебе с большей нежностью, чем твоя любимая мать».

«Это так помогает мне! Твоя поддержка стоит миллионов долларов и похвал. О, мамочка, я стараюсь! Я буду и впредь стараться и не устану, потому что у меня есть ты, и ты мне помогаешь».

Опустив голову на руки, Джо окропила рукопись своего небольшого романа парой счастливых слезинок. Она думала, что никто не видит и не ценит её стараний быть хорошей, и эта поддержка матери была вдвойне драгоценна, вдвойне ободряюща, потому что исходила от человека, чью похвалу она ценила больше всего. Чувствуя себя сильнее, чем когда-либо, и готовая встретиться со своим Аполлионом лицом к лицу и победить его, она приколотла записку под платье, как щит и напоминание, чтобы не быть застигнутой врасплох, и вскрыла другое письмо, готовая к хорошим или плохим новостям. Крупным, энергичным почерком Лори написал:

«Дорогая Джо, привет!

Завтра ко мне приедут несколько девочек и мальчиков из Англии, и я хочу повеселиться. Если погода будет ясная, я разобью палатку в Лонгмедоу, привезу на лодке всю команду, мы устроим пикник и поиграем в крокет. Мы разведём костёр «по-цыгански», закусим и вдоволь порезвимся. Они хорошие ребята и любят такие развлечения. Брук будет держать нас, мальчиков, в узде, а Кейт Воуэн будет следить, чтобы девочки соблюдали правила приличия. Я хочу, чтобы вы все пришли, не приму отказа от Бет ни за какие деньги, и никто не будет её беспокоить. О провизии не волнуйся, я позабочусь об этом и всём остальном, только приходи, будь другом.

Ужасно спешу, всегда твой, Лори».

– Вот счастья привалило! – воскликнула Джо, влетая в гостиную, чтобы сообщить новость Мэг. – Конечно, мы поедем, можно, мама? Мы очень поможем Лори, потому что я умею грести, а Мэг позаботится о еде, и наши младшие тоже на что-нибудь сгодятся.

– Надеюсь, что эти Воуэны не слишком знатные и взрослые. Ты что-нибудь знаешь о них, Джо? – спросила Мэг.

– Только то, что их четверо. Кейт старше тебя, Фред и Фрэнк – близнецы примерно моего возраста, а маленькой девочке, Грейс, всего девять или десять. Лори познакомился с ними за границей, и мальчики ему понравились. Судя по тому, как он поджимал губы, говоря о Кейт, мне показалось, что он не очень её жалуёт.

– Я так рада, что моё французское ситцевое платье чистое, это как раз то, что нужно, и так мне идёт! – самодовольно заметила Мэг. – У тебя есть что-нибудь приличное, Джо?

– Алый с серым костюм мне вполне подойдёт для гребли. Я буду грести и гулять, так что не хочу думать ни о каком крахмале. Ты поедешь с нами, Бетти?

– Если ты не позволишь ни одному мальчику разговаривать со мной.

– Никому не позволю.

– Мне нравится, что я могу порадовать Лори, и я не боюсь мистера Брука, он ведь такой добрый. Но я не хочу ни играть, ни петь, ни разговаривать. Я буду много работать и никого не побеспокою, если ты обо мне позаботишься, Джо.

– Какая хорошая девочка! Ты пытаешься преодолеть свою застенчивость, и я за это тебя так люблю. Я знаю, бороться с недостатками нелегко, и доброе слово вроде как подбадривает. Спасибо, мама. – И Джо благодарно поцеловала её впалую щёку, и это было дороже для миссис Марч, чем если бы этот поцелуй вернул ей румянец юности.

– А у меня – коробка шоколадных драже и фотография, которую я хотела скопировать, – сказала Эми, показывая свою почту.

– А я получила записку от мистера Лоуренса, в которой он просит меня прийти к нему сегодня вечером и поиграть, пока не зажгли лампы, и я пойду, – добавила Бет, чья дружба со старым джентльменом крепла день ото дня.

– А теперь давайте поспешим и сделаем сегодня двойную работу, чтобы завтра повеселиться без забот, – сказала Джо, готовая сменить перо на швабру.

Когда на следующее утро солнце заглянуло в комнату девочек, обещая им хороший день, оно увидело комичное зрелище. Каждая из них сделала такие приготовления к празднику, которые казались необходимыми и важными. У Мэг на лбу был дополнительный ряд папилюток, Джо обильно намазала своё пострадавшее лицо кольдкремом, Бет взяла Джоанну с собой в постель, чтобы искупить вину за приближающуюся разлуку, а кульминацией приготовлений стала Эми, нацепившая на нос прищепку, чтобы приподнять кверху раздражающую её черту лица. Это был зажим, который художники используют, чтобы закреплять бумагу на мольбертах, и он идеально подходил для цели, которую она сейчас себе поставила. Это забавное зрелище, казалось, рассмешило солнце, потому что оно засияло так, что Джо проснулась и разбудила сестёр искренним смехом над украшением Эми.

Солнце и смех были добрыми предзнаменованиями, обещавшими приятное времяпрепровождение, и вскоре в обоих домах началась оживлённая суeta. Бет собралась первой и, стоя у окна, телеграфировала сёстрам о том, что происходит в соседнем доме, подбадривая прихорашивавшихся сестёр.

– Вон идет человек с палаткой! Я вижу, как миссис Баркер укладывает обед в плетёный короб с крышкой и большую корзину. Вот мистер Лоуренс смотрит на небо и на флюгер. Я хочу, чтобы он тоже поехал. А вот и Лори, одетый как моряк, славный мальчик! О боже! Вот экипаж, полный людей, высокая дама, маленькая девочка и два ужасных мальчика. Один хромотает, бедняжка, у него костыль. Лори нам этого не говорил. Быстрее, девочки! Мы опаздываем. Да там ещё Нед Моффат, смотри-ка! Мэг, а это не тот, который поклонился тебе однажды, когда мы ходили по магазинам?

– Именно так. Как странно, что он поедет с нами. Я думала, что он уехал в горы. А вот и Салли. Я рада, что она успела вернуться к пикнику. Я нормально выгляжу, Джо? – взволнованно воскликнула Мэг.

– Ты настоящая маргаритка. Поправь платье и надень шляпку прямо, когда она набок, ты выглядишь сентиментально, к тому же она слетит при первом же порыве ветра. А теперь пошли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.